

правды не избежать

В ДАЛИ

ОТ

ТЕБЯ

ТЕСС ШАРП

Софи Уинтерс успела познакомиться со смертью. Дважды. Первое знакомство состоялось в четырнадцать — тогда она едва не погибла в автомобильной аварии, на память от которой у нее остались шрамы, а также многолетняя зависимость от Оксикодона. Второе в семнадцать — но то уже не было случайностью. Софи со своей лучшей подругой Миной столкнулись в лесу с человеком в маске. Софи выжила, но вот Мине не повезло. Полицейские признали убийство Мины следствием сорвавшейся наркосделки и возложили косвенную вину на Софи. Только вот правде не поверит никто: Софи уже несколько месяцев была чиста, и это именно Мина повела их той ночью в лес, говоря о какой-то таинственной встрече. Софи возвращается домой после принудительной реабилитации и попадает в суровую реальность. Брат Миной отказывается с ней разговаривать, ее родители боятся рецидива, старые друзья превратились во врагов, а она должна научиться жить без второй половинки. Но гораздо хуже от того, что никто не хочет смотреть правде в глаза. Так что Софи придется самой искать убийцу. Каждый ее шаг раскрывает все новые подробности: о ней самой, о Мине, о тайне, которую они делили.

Тесс Шарп

Вдали от тебя

Перевод: Инна Тихонцева

Вычитка: Мария Дехтярь, Инна Тихонцева

Русификация обложки: Анастасия Рудя

Начало следует искать не здесь.

Вы могли бы так подумать: две девушки укрывают друг друга от вооруженного человека в маске.

Но все началось не здесь и не сейчас.

Все началось с моего первого знакомства со смертью.

В первый раз мне четырнадцать, Трев везет нас с тренировки по плаванию. Мина опустила стекла, двигая руками в такт музыке, кольца вспыхивают в лучах послеполуденного солнца, пока мы едем мимо ранчо и вдоль заборов с колючей проволокой, на горизонте виднеются широкие горы. Мы сидим на заднем сиденье и подпеваем радио, Трев смеется над тем, как я фальшивлю.

Все происходит быстро: скрежет металла, повсюду осколки. Я не пристегнута ремнем, поэтому меня бросает вперед, а крик Мины перекрывает музыку.

Темнота окружает меня.

Семнадцать лет, и вторая встреча.

Мина меня бесит. Мы и так опаздываем, а она сворачивает с шоссе на Бернт Оук Роуд.

— Небольшой объезд. Мы быстро, обещаю.

— Ладно, — говорю я, легко сдаваясь, как и всегда.

Зря.

В первый раз я прихожу в себя в палате, окруженная капельницами и сигналами приборов.

Трубки повсюду. Паника заполняет меня, я хватаю ту, что вставлена в горло, но кто-то перехватывает мою руку. Через секунду понимаю, что рядом со мной сидит Мина, ловлю взгляд ее серых глаз, и этого достаточно, чтобы она заговорила.

— Ты будешь в порядке, — обещает она.

Я перестану вырываться, доверившись ей.

Только позже я узнаю, что она лгала.

Во второй раз я помню все. Свет фар. Острый взгляд в прорезях маски. Как крепко он удерживает палец на спусковом крючке. Рука Мины держит мою, наши ногти впиваются в плоть друг друга.

Эти кровавые полумесяцы — все, что от нее останется.

В первый раз я неделями лежу в больнице. Врачи собирают меня по частям. Шрамы от операций тянутся по ноге, вокруг колена, спускаются к груди.

Боевые ранения, так их называет Мина.

— Это круто.

Ее руки дрожат, когда она помогает мне застегнуть свитер.

Во второй раз ни больницы, ни шрамов.

Только кровь.

Она повсюду. Пытаюсь зажать рану на ее груди, но не выходит, и моя одежда вся в крови.

— Все хорошо, — повторяю я. Снова и снова. Она оцепенело смотрит на меня, жадно глотая воздух, в ее глазах слезы. Ее трясет.

— Софи... — хрипит она. Поднимает руку, тянется к моей. — Соф...

Это последние ее слова.

СЕЙЧАС (ИЮНЬ)

— Сегодня важный день, — говорит доктор Чарльз.

Я смотрю на нее через стол. В ней все безупречно — от сияющих лодочек до «естественного» макияжа, ни единый волосок не выбивается из прически. Когда я познакомилась с доктором Чарльз, мне хотелось лишь растрепать эту ее идеальность. Снять очки с носа, сорвать с рубашки совершенные запонки. Убрать опрятную маску организованности и обратить к хаосу.

В восстановлении нет места хаосу, сказала бы доктор Чарльз.

Но я нуждаюсь в нем. Иногда даже больше, чем в Окси.

Вот что случается, когда сидишь в ловушке ослепительно-белых стен с бесконечными обследованиями и приевшейся музыкой на протяжении трех месяцев. Порядок и правила вызывают желание послать все к черту ради хаоса.

Но я не могу себе этого позвонить. Не сейчас. Свобода так близка, что ее почти можно попробовать на вкус.

— Наверное, — говорю, когда понимаю, что доктор Чарльз ожидает ответа. У нее мастерски выходит получать ответы на свои не-вопросы.

— Волнуешься?

— Нет. — Чистая правда. Могу на пальцах одной руки посчитать, сколько раз я была с ней честна. Включая этот.

Три месяца постоянной лжи выбивают из сил, даже если она необходима.

— Не стоит этого стыдиться, — говорит доктор Чарльз. — Волнение — естественно, особенно в наших обстоятельствах.

Конечно, когда я все же говорю правду, она мне не верит.

Вечная история.

— Немного пугает... — Делаю голос намеренно сомневающимся, и маска нейтральности на лице доктора Чарльз спадает в перспективе будущего признания. Вот только я скорее руку себе отрежу, чем откроюсь ей. И это ей досажает. Как-то она хотела, чтобы я рассказала про ночь убийства Мины, так что мне пришлось разбить ее кофейный столик — очередная вещь, уничтоженная во имя Мины.

Доктор Чарльз смотрит, словно пытается увидеть что-то внутри меня. Я смотрю в ответ. У нее в арсенале типичная маска психиатра, но у меня-то лицо наркоманки. И она не может его игнорировать, потому что глубоко-глубоко внутри, под всей болью, травмами и горем, я — наркозависимая, и останусь ей навсегда. Доктор Чарльз понимает, что я это знаю. Что я приняла это.

Она думает, что благодаря ней ушла моя ярость и я на прямом пути к выздоровлению, но нет. В этом нет никакой ее заслуги.

Так что я смотрю на нее столь же пристально. Наконец она разрывает зрительный контакт, опускает взгляд на папку и делает несколько пометок.

— За время, проведенное в оздоровительном центре, ты сделала огромный шаг вперед, Софи. Без наркотиков жить будет нелегко, но я не сомневаюсь, что с врачом, которого тебе подобрали родители, и твоими твердыми намерениями восстановиться ты достигнешь

успеха.

— Отличный план.

Она перекладывает бумаги, и только я думаю, что свободна словно ветер, она сбрасывает бомбу:

— Прежде чем мы спустимся, я хотела бы еще немного поговорить. О Мине.

Теперь она поднимает взгляд и внимательно смотрит на меня. Ждет, сломаю ли я ее новый журнальный столик. (На этот раз из дерева — наверняка подумала, что нужно что-то покрепче.)

Не могу сдержаться: сжимаю губы, а стук сердца отдается аж в ушах. Говорю себе дышать, вдох-выдох, как в йоге.

У меня нет права на ошибку. Не сейчас. Не тогда, когда я настолько близка к свободе.

— Причем здесь Мина? — Мой голос тверд, хочется за это самой себе похлопать по спинке.

— Мы давно о ней не разговаривали. — Она все еще наблюдает за мной. Ждет, что я выйду из себя, как всегда, когда она заводит эту тему. — Возвращение домой — большая перемена. Вернется множество воспоминаний. Хочу быть уверенной, что ты в правильном состоянии, чтобы столкнуться с ними без... — Она поправляет манжету.

Очередная ее тактика. Доктор Чарльз любит вынуждать меня заканчивать за ней предложения. Честно признать свою вину и ошибки.

— Без прибегания к оксикам? — полагаю я.

Она кивает.

— Мина и ее убийство послужили причиной. Важно, чтобы ты это понимала. Что ты готова к испытаниям, которые могут принести воспоминания о ней — и вина.

Заглушаю в себе рефлекс что-нибудь пнуть. Который к тому же кричит: *«Ее убили не из-за наркотиков!»*

Но не сработает. Никто не поверит правде. Никто не поверит *мне*. Без доказательств этого не случится. Козлина в маске замел за собой следы — точно знал, что я не замечу наркотики, которые он мне подкинул, не после того, как он застрелил Мину и вырубил меня. Мама звонила во все воображимые и невообразимые места, чтобы отправить меня в Центр для реабилитации вместо наказания за хранение.

Улыбка доктора Чарльз вкрадчивая и одобряющая, но губы изгибаются в предупреждении.

Мое последнее испытание, нужно следить за словами. Они — мой билет отсюда. Но тяжело, почти невозможно, удерживать голос от дрожи и поползновения воспоминаний. Воспоминаний смеющейся тем утром Миной, мы обе даже не предполагали, как закончится тот день.

— Я любила Мину, — говорю. Я повторяла слова уже сотню раз, но они не из тех, что можно отрететировать. — И ее убийство будет сказываться на мне всю жизнь. Но Мина хотела бы, чтобы я двигалась дальше. Чтобы я была счастлива. Она хотела бы, чтобы я оставалась чистой. И так и будет.

— А ее убийца? — спрашивает доктор Чарльз. — Может быть, ты готова побеседовать с полицией?

— Я любила Мину, — повторяю, и на этот раз голос все же не выдерживает и дрожит. На этот раз я говорю правду и ничего кроме нее. — Если бы я знала, кто убил ее, то кричала бы его имя во все горло. Но он был в маске. Я не видела его лица.

Доктор Чарльз отклоняется назад и исследует меня, словно аквариумную рыбку. Мне приходится прикусить нижнюю губу, чтобы она не дрожала. Пытаюсь дышать размеренно, как будто удерживаю сложную позу в йоге.

— Она была моей лучшей подругой. Считаете, я не знаю, как облажалась? Временами я едва могу уснуть, обдумывая, что той ночью сделала не так. Что не смогла его остановить. Что это моя вина. Я все это знаю. Я просто должна научиться с этим жить.

Это правда.

Вина — реальна. Она не возникает из ниоткуда, как, видимо, думает доктор Чарльз.

На мне вся вина. Что не остановила Мину. Что не стала ее расспрашивать. Что позволяла ей сохранять в тайне работу над статьей. Что последовала за ней, как и всегда. Что не смогла быть быстрее. Я виновата в том, что не способна убежать, или драться, или сделать что угодно ради ее защиты.

— С удовольствием поговорила бы с детективом Джеймсом снова. Вот только он не считает меня надежным свидетелем.

— Ты винишь его?

— Он просто выполнял свою работу. — Ложь подобна стеклу, слова прорезают кожу. Ненависть к детективу Джеймсу — отныне моя вторая натура. Если бы он тогда меня выслушал...

Но нельзя сейчас думать об этом. Нужно сосредоточиться. Убийца Мины на свободе. А детектив Джеймс и не собирается искать его.

— Знаю, дома будет тяжело. Но вы словно подарили мне возможность начать новую жизнь, лучше прежней.

Доктор Чарльз улыбается, и меня накрывает облегчение. Она наконец купилась.

— Мне приятно это слышать. Знаю, мы не сразу поладили, Софи. Но за последние наши сеансы ты стала глядеть на мир позитивнее. И это очень важно, особенно с тем, что тебя ждет. Восстановление не проходит легко, и не стоит прекращать работать над собой. — Она проверяет время. — Твои родители уже должны прийти. Отвести тебя в зал ожидания?

— Хорошо.

Мы идем в тишине коридора, минуя комнату отдыха, в которой сейчас проходит сеанс групповой терапии. Эти стулья, выставленные кругом, были моим личным адом последние три месяца. Вымораживало сидеть там и *делиться чувствами* с малознакомыми людьми. Я лгала напропалую каждую минуту.

— Наверное, опаздывают, — предполагает доктор Чарльз, когда мы входим в пустую комнату.

Ага, опаздывают.

Либо она совсем забыла невероятно напряженный родительский день, либо видит в людях лучшее.

Но я не такая.

Поэтому думаю, точно ли родители опаздывают. Или они просто решили не приходить.

ТРИ С ПОЛОВИНОЙ МЕСЯЦА НАЗАД (СЕМНАДЦАТЬ ЛЕТ)

— Не заставляйте меня. Мама, пожалуйста. Мне незачем куда-то ехать, я чиста. *Клянусь!*

— Не хочу слышать возражений, Софи. — Мама защелкивает мой чемодан и отправляется вниз. Я следую за ней. Нужно ее переспорить, чтобы она поверила.

Хоть кто-нибудь поверил.

Папа ждет нас у входной двери, держа в руке пальто, будто только вернулся с работы.

— Готовы? — спрашивает он.

— Да, — отвечает ему мама. Стуча каблуками по испанской плитке, она подходит к папе.

— Нет. — Остановившись у подножия лестницы, я расправляю плечи и скрещиваю руки на груди. Большую ногу трясет, меня окутывает разочарование. — Никуда не поеду. Вы не можете меня заставить.

Папа вздыхает и опускает взгляд.

— Садись в машину, Софи Грейс, — указывает мама.

Говорю тихо и медленно:

— Я никуда не поеду. Я не вернулась к наркотикам. Мы с Миной шли не на сделку. Я чиста. Была чиста больше полугода. Могу пройти любой ваш анализ.

— Полиция нашла таблетки в твоей куртке, Софи, — говорит папа. Его голос хриплый, а глаза красные. Он плакал. Плакал из-за меня. Из-за того, что, по их мнению, я натворила. — На флаконе были твои отпечатки. Вы должны были находиться у Эмбер, но вместо этого были на Букер Поинт. Покупали наркотики. Даже если ты не собиралась их сразу принимать, ты все равно их покупала — они не могли волшебным образом просто появиться в твоём кармане. Центр сейчас наилучшее для тебя решение. Ты хоть представляешь, на что маме пришлось пойти, чтобы наркосделку не упоминали в твоём личном деле?

Гляжу на них с отчаянием. Папа не смотрит на меня, а лицо мамы безэмоционально — ледяная королева. Ничто ее не проймет.

Но я пытаюсь.

— Я уже говорила, что они не мои. Детектив Джеймс все неправильно понял. На Букер Поинт мы пришли не из-за наркотиков — Мина должна была встретиться с кем-то из-за статьи. Полиция ищет не тех, они мне не поверят. А *вы* должны мне верить.

Мама разворачивается ко мне, чемодан в ее руке качается от этого движения.

— Ты понимаешь, через что мы с отцом прошли? А миссис Бишоп? Что она сейчас чувствует? Она уже потеряла мужа, а теперь потеряла и дочь! Трев больше никогда не увидит свою сестренку. И все потому, что *тебе* захотелось словить кайф.

Она выплевывает слова, и я чувствую себя никем, даже меньше, чем никем. Пятнышком на ее туфлях. Сощурился глаза, она продолжает:

— Так что если ты не сядешь в машину, если не поедешь в Центр и не научишься жить без наркотиков, клянусь богом, Софи... — На ее глазах выступают слезы, а гнев испаряется. — Я почти потеряла тебя, — шепчет она, голос дрожит под значимостью

слов. — Надо было сразу так поступить. Теперь я такой ошибки не совершу. — Голос становится тверже. — Садись в машину.

Я не двигаюсь. Не могу. Движение означало бы признание ее правоты.

Шесть месяцев. Пять дней. Десять часов.

Столько времени я ничего не принимала, и я повторяю это себе снова и снова. Пока я сосредоточена на этом времени, пока я стремлюсь, чтобы число возросло, минута за минутой, день за днем, все будет хорошо. Я буду в порядке.

— Живо, Софи!

Трясу головой и хватаюсь за перила.

— Нет, мама.

Могу думать лишь о Мине. Мина в могиле, ее убийца ходит на свободе, а копы не хотят смотреть правде в глаза.

Папа хватается меня за талию и закидывает на плечо. Он осторожен; папа всегда нежен со мной, с тех пор как привык носить меня после страшной аварии. Но с меня хватит. В нежности и осторожности больше нет смысла. Я ударяю его по спине, кричу, но его ничего не останавливает. Он выскальзывает в открытую входную дверь, а мама останавливается на крыльце и наблюдает за нами, обняв себя руками, словно это защитит ее.

Папа закидывает меня в машину и с пустым лицом садится на водительское место.

— Папочка. — Слезы градом льются по моим щекам. — Прощу. Ты должен мне поверить.

Он игнорирует меня, заводит мотор и уезжает.

СЕЙЧАС (ИЮНЬ)

Родители так и не появились. Доктор Чарльз периодически проверяет время и постукивает ручкой по коленке.

— Я и одна могу подождать.

Ее гладкий лоб прорезает морщина. Нельзя так заканчивать. Родители должны бы сейчас обнимать новую улучшенную версию меня уже минут двадцать как.

— Отойду позвонить, — говорит она.

Прислоняю голову к стене и закрываю глаза. Сижу и жду, размышляя, разрешит ли она мне вызвать такси, если не дозвонится до родителей.

Проходит около десяти минут, когда я ощущаю легкое прикосновение к колену. Я открываю глаза, ожидая увидеть доктора Чарльз. Но впервые за долгие месяцы на моем лице расплывается искренняя улыбка.

— Тетя Мейси! — Я бросаюсь обнимать ее и едва не сваливаю. Утыкаюсь подбородком в ее плечо. Мейси на несколько дюймов ниже меня, но от того, как она себя преподносит, кажется многим выше, чем на самом деле. От нее пахнет жасмином и порохом, и это лучшее, что я ощущала за прошедшую вечность.

— Привет, ребенок. — Она усмехается и обнимает в ответ, теплые ладони ложатся мне на плечи. Волосы — светлые, как и у меня — собраны в длинную косу. Потрясающие синие глаза контрастируют с загорелой кожей. — Твоя мама задерживается из-за дела, поэтому отправила меня.

От Мейси не было ни весточки все то время, пока я находилась в Центре. Даже при том, что первые две недели я получала письма от многих людей, кроме родителей. Но теперь она рядом, и от облегчения кулак на сердце разжимается.

Она приехала. Ей не все равно. Она меня не ненавидит. Даже если верит всем вокруг — она рядом.

— Можем мы поскорее убраться отсюда? — сдерживая слезы, спрашиваю я.

— Конечно. — Она перебирает мои волосы. — Пошли выписываться.

Пять минут заполнения бумажек — и я свободна.

Как только переступаю через порог, сразу хочется убежать. Я почти уверена, что в любую секунду доктор Чарльз, хлопнув дверью, выйдет и развеет всю мою ложь. Хочу запереться в старенькой «Вольво» тети Мейси.

Но побег не вариант. Не вариант он все четыре года, прошедшие с аварии, когда ногу разворотило в мясо. Вместо этого я иду со всей скоростью, что позволяет моя хромота.

— Мама хотела, чтобы я передала тебе, как она сожалеет, что не смогла приехать, — говорит тетя Мейси, заводя двигатель.

— А папино оправдание?

— Уехал из города. Конференция стоматологов.

— Чего и следовало ожидать.

Мейси выгибает бровь, но ничего говорит, пока мы выезжаем с парковки на шоссе. Я опускаю окно и вытаскиваю руку, ловя ветер в горячем летнем воздухе. Не отрываю глаз от мелькающих пятном зданий, мимо которых мы едем, избегаю ее вопросительного взгляда.

Боюсь даже рот открыть. Я не знаю, что ей наплели. Посещать меня разрешалось только родителям — да и то они появлялись, когда самим припекало.

Поэтому я молчу.

Девять месяцев. Две недели. Шесть дней. Тринадцать часов.

Моя мантра. Беззвучно выдыхаю числа, сжимая слова на губах, едва выпуская их наружу.

Они должны увеличиваться. Нельзя прикасаться к наркотикам, мне нужен ясный разум.

Убийца Мины на свободе, белый и пушистый для всех вокруг. Каждый раз, как думаю, что он вышел сухим из воды, мне хочется закинуться таблетками, но я не могу, не могу, не могу.

Девять месяцев. Две недели. Шесть дней. Тринадцать часов.

Тетя Мейси переключает радио на другую волну и вырубивает на соседнюю полосу. Побережье остается позади, уступая секвойям, а затем и соснам, когда мы едем в Тринити. Воздух льется через пальцы, наполняя меня детской радостью.

Мы едем в тишине около часа. Я благодарна за шанс поглотить свободу, поющую в моих венах. Больше никаких групповых занятий. Никакой доктора Чарльз. Никаких белых стен и люминисцентного освещения.

Прямо сейчас я могу забыть, что ждет меня через сотню километров. Могу заставить себя думать, что это легко: по радио играет музыка, ветер развеивает волосы и протекает сквозь пальцы, километры свободы от того, что ждет впереди.

— Голодна? — Тетя Мейси показывает на баннер кафешки на 34 шоссе.

— Слона бы съела.

В кафе шумно, раздаются разговоры посетителей и лязг посуды. Гляжу на завитки потускневшего пластикового стола, пока официантка с пышной прической берет у нас заказ.

После того как она убегает, между нами воцаряется тишина. Словно Мейси не знает, с чего начать после всего, что произошло, а я ненавижу заговаривать первой. Так что извиняюсь и отлучаюсь в туалет.

Я выгляжу дерьмово: бледная и тощая, джинсы висят на бедрах, которые и раньше не отличались объемом. Умываюсь, позволяя воде капать с подбородка. Доктор Чарльз сказала бы, что я избегаю неизбежного. Глупо, конечно, но ничего не поделаешь.

Пальцами причесываю беспорядок на голове. Я много месяцев не красилась, и под глазами появились темные круги. Поджимаю сухие губы и жалею, что под рукой нет бальзама.

Каждая частичка во мне устала, сломана и *голодна*. Во всех смыслах. В плохих смыслах.

Девять месяцев. Две недели. Шесть дней. Четырнадцать часов.

Вытираю лицо и вынуждаю себя вернуться к столику.

— Картошка фри вполне съедобна, — все, что говорит Мейси, макая один кусочек в кетчуп.

Волком вгрызаюсь в бургер, буквально боготворя его, потому что это не больничная еда и ради нее не пришлось стоять в очереди с подносом.

— Как Пит поживает?

— Ну, это же Пит, — отвечает она, и я улыбаюсь, потому что это действительно все объясняет. Для ее парня спокойствие — словно проявление искусства. — Он подобрал для тебя новые асаны. Ты же все занимаешься? — Она снова ест картошку.

Я киваю.

— Доктор Чарльз разрешила коврик и блок. Но не ремень. Наверное, боялась, что я повешусь. — Моя хромая попытка пошутить снова оборачивается неловким молчанием.

Мейси потягивает чай со льдом, посматривая на меня поверх стакана. Разламываю картошку пополам и тереблю в руке, лишь бы не сидеть просто так.

— Еще что-нибудь хотите, девушки? — спрашивает официантка, наполняя мой стакан водой.

— Только счет, — говорит Мейси. Она даже не смотрит на официантку, не спускает с меня взгляда. Она ждет, пока женщина не скроется за прилавком. — Хорошо, Софи. Хватит шуток. Хватит недомолвок. Пора рассказать мне правду.

Чувствую недомогание, и секунду мне так жутко, что, боюсь, меня стошнит.

Она единственная еще не слышала моей версии. Меня пугает, что случится то же, что и со всеми: она обвинит меня. Не поверит. Собираю остатки сил и спрашиваю:

— Что ты хочешь знать?

— Начни со своего предполагаемого срыва спустя две недели после возвращения домой из Орегона.

Когда я не отвечаю, она кладет вилку на край своей тарелки.

— Когда твоя мама позвонила и сказала, что в твоей куртке нашли наркотики, я удивилась. Мне казалось, мы с этим разобрались. Я бы скорее поняла твой срыв *после* убийства Мины. Но вот так... не очень.

— Таблетки нашли в моей куртке на месте преступления, значит, они мои, да? Мина не при чем. Это мое прошлое. Это я была чиста едва ли полгода, когда все произошло. Так все говорят. — Не могу скрыть горечь в голосе.

Мейси откидывается назад и, подняв подбородок, вглядывается в меня.

— Мне больше интересно, что можешь рассказать *ты*.

— Я... Ты... — Слова застревают в горле, а затем она словно вытаскивает затычку. Из рта вырывается что-то нечленораздельное, но наполненное облегчением. — Ты выслушаешь меня?

— Это я тебе задолжала, — говорит Мейси.

— Но ты никогда не приезжала. Никогда не писала. Я думала, ты...

— Твоя мама. — Губы Мейси сжимаются в тонкую линию. Такой взгляд появляется у нее перед каждым делом. Вот-вот прорвется напряжение. — С ней тяжело, — продолжает она. Она доверилась мне с тобой, а теперь у нее такое чувство, что это мой косяк. Вдобавок, когда она отправила тебя в Центр, я могла ей наговорить кое-чего.

— Чего именно?

— Я разозлила ее, — объясняет Мейси. — Не должна была, но гнев и волнение взяли свое. Я спрашивала ее, могу ли увидеть тебя или хоть написать, но она не хотела, чтобы я лезла. Я люблю тебя, малыш, но ты ее ребенок, не мой. Я должна уважать ее желания — она же моя сестра.

— Так что ты отступила.

— Отступила от тебя, — говорит Мейси, — но не отступила от дела.

Я выпрямляюсь.

— Что это значит?

Подходит официантка со счетом, и Мейси, уже собравшаяся ответить, закрывает рот.

— Можете не торопиться, девочки. Если захотите что-то забрать с собой, дайте мне знать.

Мейси кивает ей в благодарность и ждет, пока официантка не отойдет к другому столику, а после поворачивается ко мне.

— У твоей мамы свое мнение насчет произошедшего с тобой. Но со мной ты проходила терапию. В прошлом году ты провела больше времени со мной, чем с ней. Я не могла ничего подумать, пока ты была в Центре, но я знала, как дорога тебе была Мина. И знала, что, если бы у тебя была хоть какая-то информация о ее убийце, ты бы не сидела на месте, даже если бы это стоило тебе проблем. Я не могла избавиться от этого чувства, поэтому позвонила нескольким знакомым из силовых структур, поспрашивала тут и там, раздобыла отчеты и поняла, что в версии главного детектива не сходятся концы с концами. Даже если бы вы с Миной пошли на Поинт из-за сделки, то зачем дилеру оставлять наркотики? Они — улика.

— Убийца стрелял в Мину. Он мог бы с легкостью пристрелить вас обеих, избавиться от всех свидетелей разом, но решил тебя просто вырубить. Что говорит мне, что это не случайность, такой и была его цель. И если он подсунил тебе таблетки, то, значит, все было запланировано.

Во мне разворачивается что-то очень близкое к облегчению. Она произносит то, о чем я думала множество раз, пока сидела взаперти. Почему он оставил меня в живых? Зачем подбросил наркотики? Откуда знал обо мне так много, чтобы оставить именно *те* таблетки?

— Я не знала, что в моей куртке были таблетки, — говорю ей. — Клянусь. Засунул, наверное, в карман, пока я валялась без сознания — когда я очнулась, его уже не было. А Мина... — Глаза наполняются слезами, сглатываю их и продолжаю: — Я пыталась остановить кровь. Прижимала куртку, но она... Я оставила ее, когда она... после... О наркотиках и речи не было, пока детектив Джеймс не пришел к нам. И тогда для мамы и папы перестало иметь значение, что в моих анализах не было следов препаратов — они меня не слушали. Никто не слушал.

— Я слушаю, — говорит Мейси. — Расскажи, что произошло. Зачем вы вообще пошли на Букер Поинт?

— Мы ехали на вечеринку Эмбер, нашей подруги. Но на полпути Мина заявила, что нам надо заехать на Поинт. Вроде как ей нужно было встретиться с кем-то по поводу статьи, над которой она работала. Она проходила стажировку в «Харпер Бикон», местной газете. Когда подробностей от нее не последовало, я просто решила, что это поручение ее начальника или, может, перенесенное интервью. Я не хотела ехать, Эмбер и так живет на другом конце города, а еще это отвлечение к черту на куличики. Но Мина... — Не могу сказать вслух, что у меня никогда не выходило ей отказать.

Моя рука трясется, взбалтывая кубики льда в стакане. Осторожно опускаю ее, переплетаю пальцы вместе и пристально изучаю стол, словно в рисунке пластикового стола скрыты все ответы.

Я не говорила об этом честно с тех пор, как меня допрашивала полиция. Доктор Чарльз пыталась, это стоило ей сломанной мебели и недель молчания, но я крутила правдой и притворялась такой, какой она хотела меня видеть.

С Мейси я наконец в безопасности. Она выдернула меня со дна в первый раз, и я знаю, что она бы сделала это снова. Но я больше не на дне. Я нашла опору где-то на полпути к поверхности, в той неясной области, где зависимость превращается в нечто почти такое же опасное: в навязчивую идею.

— Я увидела его раньше Миной. Увидела пистолет в руке. Маску на лице. Я поняла... поняла, зачем он пришел. Поняла, что никак не смогу его опередить. Но Мина могла бы.

Надо было закричать ей, чтобы бежала. Ей нужно было уходить. По крайней мере, у нее был шанс.

— От пули не убежать, — говорит Мейси. — Он хотел убить Мину. Поэтому и пришел туда. Вы не смогли бы остановить его. Никто не смог бы.

— Он что-то сказал ей. Я услышала, после того как он ударил меня, и я упала и начала терять сознание. Он сказал: «Я предупреждал тебя». И потом раздался выстрел, и я... не смогла больше держаться. Когда я очнулась, остались только мы. Он ушел.

Руки снова дрожат. Я убираю их под бедра, прижимаю к красному винилу сидений.

— Я все рассказала детективу Джеймсу. Сказала поговорить со штатом газеты. Спросить ее начальника, над чем она работала. Он проверял ее компьютер? Или стол? Она повсюду оставляла заметки — что-нибудь должны были найти.

Мейси качает головой.

— Он со всеми говорил, Софи. С начальником Мины, ее коллегами-стажерами, даже с уборщицей, которая работала в ночную смену. Допросил каждого знакомого дилера в радиусе трех миль, большинство ваших одноклассников, но не нашел оснований для продолжения расследования. Учитывая свидетельские показания, которые были... не самые надежные. — Она вертит вилку и поглядывает на меня. — Без каких-либо новых показаний или удивительного признания ее убийство припишут сорванной наркосделке.

Накатывает тошнота, я сжимаю зубы.

— Нельзя этого позволить.

Взгляд Мейси становится мягче.

— Придется, малыш.

Я молчу, ничего не отвечаю.

Мы встаем, она оплачивает счет и оставляет чаевые официантке, прежде чем уходим. Грудь разрывает от мысли, что я могу так и не узнать, кто отнял у меня Мину. Но, как и всегда, тетушка Мейси слышит мои невысказанные слова. Когда мы садимся в машину, она берет меня за руку.

И держит ее всю дорогу до дома.

Меня словно обволакивает безопасностью.

Мейси всегда спасает меня.

ДЕВЯТЬ С ПОЛОВИНОЙ МЕСЯЦЕВ НАЗАД (СЕМНАДЦАТЬ ЛЕТ)

— Гребаная садистка, — ворчу я Мейси.

Три дня назад родители сослали меня в Орегон, чтобы Мейси «вернула меня на путь истинный», как метко выразился папуля. Три дня я не принимала ни таблетки. Синдром отмены — скверная штука, словно мое тело один гигантский, пульсирующий ушиб, а под вспотевшей кожей ползают пауки, но боль — боль ничуть не притупленная и постоянная, ее слишком много, не вынести. С таблетками я могу двигаться, без них — спину прошибает адская боль и ноги едва не отказывают. Каждое движение, каждый поворот в постели отдаются в позвоночнике, я затаиваю дыхание, слезы текут по щекам. Впервые после аварии боль мучительна, сказывается отказ от лекарств. Я уже не встаю с кровати. Это слишком.

Все Мейси виновата. Дай она мне эти гребаные таблетки, я была бы в порядке. Могла бы шевелиться. Не мучилась бы. Все было бы хорошо.

Просто хочу, чтобы все вернулось в норму. А Мейси не позволяет мне.

Я много времени просто смотрю на желтые стены ее гостевой спальни с кружевными занавесками и винтажными постерами с мотивами путешествий. Аж тошнит. Я ненавижу в доме Мейси абсолютно все. Хочу домой.

Хочу свои таблетки. Мысль о них снедает меня, заполняет разум, вытесняя все остальное, вынуждая сфокусироваться на единственном, что осталось в моей жизни. Мина убила бы меня за такое сравнение с собой, но мне без разницы, потому что, кажется, я уже и ее начинаю ненавидеть.

— Я тебе помогаю. — Мейси отрывает взгляд от журнала. Она сидит в бирюзовом кресле в противоположном конце комнаты, уложив ноги на такого же цвета табурет.

— Мне больно, я в агонии!

— Я в курсе. — Она перелистывает страницу. — Именно поэтому завтра придет доктор. Лучший по купированию боли в Портленде. Подберем тебе ненаркотические лекарства. И у Пита есть друг иглотерапевт, мы с ним договорились, он тоже скоро придет посмотреть тебя.

От этой идеи мой желудок не в восторге.

— Хочешь меня иглками обтыкать? Совсем чокнулась?

— Акупунктура — это терапия.

— Я не согласна! — заявляю ей. — Можно мне вернуться домой? Это все глупости. Врачи сами мне прописали таблетки. Думаешь, ты знаешь лучше них?

— Возможно, нет, — признает Мейси. — Я даже колледж не закончила. Но сейчас я отвечаю за тебя, так что буду делать все возможное. Ты наркозависимая. Ты загубила себя. Но теперь исцеляешься.

— Я уже говорила, что у меня нет проблем с наркотиками. Я просто страдаю от болей. Так обычно происходит, когда тебя сбивают внедорожником, а кости после этого удерживаются металлом и винтами.

— Бла, бла, бла, — отмахивается Мейси и откладывает журнал. — Уже слышала. Кто-то может утолять боль лекарствами, кто-то нет. Но учитывая медикаменты, которые нашли в твоей комнате, точно могу сказать, что до передозировки тебе не хватило парочки

неудачных дней. Думаешь, я отпущу тебя? Чтобы ты провела нас с мамой через подобное? Нет, не думаю, только не снова.

— Когда прекратишь со своими дерьмовыми оправданиями и признаешь свою проблему, тогда мы можем поговорить. Чем раньше признаешь, малыш, тем скорее мы доберемся до корня всего. Можешь даже начать говорить, почему бы и нет, — все равно никуда не уйдешь, пока я не буду уверена, что для себя ты безопасна.

— Я в порядке. — Вытираю со лба пот, проглатываю подступающую тошноту, которая появилась вчера. Боже, как же *хреново*.

Мейси встает и пихает мне в руку мусорное ведро.

— Если затошнит, то лучше сюда.

Ее лицо смягчается, рябь в маске плохого полицейского, которую ей так нравится носить. Она берет меня за руку и держит достаточно крепко, что у меня не получается ее вырвать обратно.

— Я не сдамся, Софи. Как бы ты ни поступала, что бы ты ни говорила, я рядом. Я не потеряю тебя. Только не так. Ты очистишься. Даже если в конце концов станешь меня ненавидеть.

— Ну офигеть как мне повезло.

СЕЙЧАС (ИЮНЬ)

Харпер Блафф расположен в горной цепи Сискию на севере Калифорнии, это крошечный городок в дикой местности, на мили вокруг окруженный соснами и дубами, рядом с озером, тянущимся, казалось бы, бесконечность. Население едва-едва двадцать тысяч, церковью больше, чем продуктовых магазинчиков, на большинстве зданий развеваются американские флаги, а бамперы чуть ли не каждого грузовика украшают наклейки «НАСТОЯЩИЕ МУЖИКИ ЛЮБЯТ ИИСУСА». Не идиллия, но вполне комфортное для жизни место.

Я думала, что готова вернуться, но как только мы минуем знак «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ХАРПЕР БЛАФФ», мне хочется закричать Мейси, чтобы она остановилась. Хочется умолять ее увезти меня обратно в Орегон.

Как мне жить здесь без Мины?

Прикусываю язык. Я должна справиться *ради* нее. Это единственное, что мне осталось. Я смотрю из окна, когда мы проезжаем мимо моей средней школы. Мне становится любопытно, украшали ли они шкафчик Мины цветами и свечками, засовывали ли за уголки дверцы записки, которые она никогда не прочтет. А на ее могиле что — то же самое? Плюшевые мишки и фотографии, с которых она смотрит в небо, которое никогда больше не увидит? Я даже не ходила на похороны — не выдержала бы смотреть, как ее опускают в землю.

Мейси звонят, когда мы сворачиваем на мою улицу. Удерживая телефон между ухом и плечом, она паркуется на подъездной дороге.

— Где? — Секунду она слушает ответ. — Когда? — Выключает двигатель, удерживая на мне взгляд. — Хорошо, буду через полчаса.

— Кто-то не явился в суд? — интересуюсь, когда она вешает трубку. Мейси — охотница за головами, хотя сама она предпочитает называться специалистом по поимке беглецов.

— Секс-нарушитель в Корнинг. — Она, сдвинув брови, смотрит на дорогу. — Я надеялась, что к этому времени твоя мама вернется.

— Все нормально. Я могу и одна побыть в своем собственном доме.

— Тебе лучше не оставаться сейчас одной.

— Иди лови плохого парня. — Я наклоняюсь и целую ее в щеку. — Обещаю, все будет хорошо. Я даже позвоню тебе, когда мама вернется, если тебе от этого станет легче.

Мейси постукивает пальцами по рулю. Ей явно хочется поскорее начать искать того придурка и засадить его обратно в тюрьму.

Я понимаю, что она чувствует, понимаю это стремление к справедливости. Оно есть в каждой женщине в нашей семье. У Мейси оно выражается в немедленном и жестоком правосудии, а мамино — в правилах, законах и присяжных, она выбрала зал суда в качестве поля боя.

Мое же сосредоточено на Мине, я превозношу ее, она меня определяет, я существую благодаря ей.

— Серьезно, тетя Мейси. Мне семнадцать, я больше не употребляю, и имею право на свободное время.

Обдумывая, она посматривает на меня. Потом тянется и открывает бардачок.

— Возьми, — говорит она, суя мне в руку небольшой флакончик. Сверху у него белый распылитель, а на этикетке большими красными буквами написано «МЕДВЕЖИЙ РЕПЕЛЛЕНТ».

— Спрей от медведей? Ты шутишь?

— Эта штука помощнее той фигни, что продают в аптеке в милых розовых держателях под видом перцового баллончика, и уж точно лучше электрошокера, — заявляет Мейси. — Слишком многое может пойти не так — одежда помешает, гарпун в шокере может не долететь, некоторых парней ток просто не берет. Но если брызнуть спреем? Свалятся как миленькие. — Она берет флакончик у меня из рук и показывает на шкив. — Поднимаешь защелку, убираешь защиту. Целишься и нажимаешь на кнопку. Никогда не опускай баллончик — может статься, что он тебе еще понадобится. Распыляешь и бежишь. Даже если нападавший выведен из строя, у него может быть пистолет или нож, любое другое оружие — даже ослепленный он может навредить тебе. Распыляешь, бежишь и ни за что не убираешь свое единственное оружие, ты это поняла?

— Ты мне сейчас даешь полное одобрение на его использование?

— Если кто-то на тебя напал? Определенно. — Голос Мейси полон серьезности, аж жутко становится. — Кто бы ни убил Мину — он все еще где-то рядом. Ты — единственный свидетель. И я почему-то уверена, что ты поднимешь со дна кучу дерьма, так что *будь осторожна*.

— Ты не остановишь меня? — Понимаю, что, пока не сказала этого вслух, я ждала от нее такого.

Мейси молчит. Она осматривает меня сверху вниз, взгляд ее голубых глаз оценивает меня, как будто я преступница.

— А разве я могу? — без обиняков спрашивает она.

Крепче сжимаю баллончик. Качаю головой.

— Так и думала. — Она пытается скрыть улыбку, но я все же замечаю ее, прежде чем она снова не становится серьезной. — Помнишь, что я сказала в ту ночь, когда мы решили, что ты готова вернуться домой?

— Ты сказала, что я способна принимать свои собственные решения.

— Ты больше не ребенок, Софи. Ты через многое прошла. Принимала плохие решения, но были и хорошие. Бросила наркотики — и остаешься чистой. Я верю в это. Я верю тебе. И было бы верно посоветовать тебе двигаться по жизни дальше, что отпустить Мину — это правильно. Но я вижу, малыш, как тебя съедает изнутри, если ты чего-то не предпримешь. Если хотя бы не попытаешься. Просто... — Ее телефон снова звонит. — Черт возьми, — бормочет она.

Я решаю воспользоваться тем, что она отвлеклась.

— Обещаю, я буду осторожна. Езжай в Корнинг. — Отстегиваю ремень безопасности и хватаю сумку. — Пни за меня извращенца по яйцам.

Мейси улыбается.

— Моя девочка.

Дома все по-прежнему. Не знаю, почему я думала, что что-то изменится. Но в гостиной стоят все те же кожаные диваны и стол из вишневого дерева между ними, в полупустой кухне — кофеварка, а папина кружка — у раковины. Так же, как и в любой другой день.

Поднимаюсь в свою комнату. Кровать застелена свежим бельем, я провожу пальцами по

красному покрывалу. На краях оно мягко, это означает, что мама сама его застилала вместо горничной, которая приходит раз в неделю.

Представляю, как она в своей юбке-карандаше и на высоких каблуках заправляет постель, чтобы сделать мне приятно, и глаза защипало. Я откашливаюсь, быстро моргая, скидываю сумки на кровать и иду в душ.

Долго стою под сильным потоком воды. Мне нужно смыть с себя запах лечебницы — запах лимонного освежителя воздуха и полиэстера.

На три месяца я застряла в ожидании и инертности за белыми стенами с групповыми терапиями, пока снаружи разгуливал убийца Мины. Меня настолько неожиданно поразило осознание, что я наконец-то свободна, что я резко закрываю кран. Не могу больше находиться внутри ни секунды. Я одеваюсь, оставляю на кухонном столе записку и запираю за собой дверь. Баллон спрея от медведей лежит в сумке.

Мейси была права — на поверхность выплывает много дерьма. Я понятия не имею, зачем кому бы то ни было убивать Мину. А это значит, что я должна быть готова ко всему. Ко всем.

Уже поздновато. Но он еще должен быть в парке.

Что хорошего в жизни в небольшом городке? Все друг друга знают. И если ты следуешь определенному распорядку дня, то найти тебя легче легкого.

До парка добираюсь как раз вовремя — парни заканчивают играть в соккер, майки прилипли к телу. Солнце садится, наступает то время, когда свет и тьма уравнивают друг друга почти искусственно, как в старинном кино, словно наполняя улицы туманом. Я стою через дорогу и жду, пока от группы не отходит здоровяк с взъерошенными светлыми волосами в грязной белой футболке и мешковатых шортах. Он заходит в раздевалку. Дверь, покачиваясь, захлопывается за ним.

Идеально: изолированное место, ему некуда сбежать. Такой момент упускать нельзя.

Мне хочется ворваться в раздевалку, испугать его до усрачки, чтобы он лежал щекой на грязном полу, а я удерживала его ногой, пока он не сознается в правде.

Но вместо этого я тихонечко крадусь и запираю за собой дверь, когда уверяюсь, что он один.

Раздается звук смываемой в туалете воды, живот стягивает узлом, меня накрывает смесью гнева и страха.

Сначала он меня не видит, но на полпути к раковине замечает в отражении зеркала.

— Черт. — Он резко разворачивается.

— Привет, Кайл.

— Я думал, ты на реабилитации.

— Отпустили. — Я делаю шаг вперед и радуюсь, когда он отодвигается подальше. Кайл огромный, с мощной шеей здоровяк — ему больше подходит американский футбол, чем соккер, — мне нравится, что я его пугаю, пусть даже боится он сумасшедшей выходки бывшей наркоманки.

Делаю еще шаг. На этот раз ему удастся не отступить.

Но хочется же. Я ясно вижу страх на лице будущего парня из братства.

А страх означает вину.

Достаю из сумки спрей от медведей, открываю и, подступив ближе, поднимаю на уровень его глаз.

— Помнишь тот раз, когда брат Адама случайно распылил себе в лицо такой спрей? Мы вроде перешли в седьмой класс? Или даже в восьмой... В общем, не важно, главное, что это

одна из его любимых пьяных историй. Цитируя Адама: «Эта херня жалит как пчела».

Постукиваю пальцем по спусковому механизму. Кайл напрягается.

— На реабилитации у меня было много времени на размышления, — говорю я. — Только это и остается: думать о своих ошибках и проблемах и как их решить. Но за все то время я так и не придумала правильных ответов на свои вопросы. Может, ты мне поможешь, Кайл? Почему бы нам не начать с того, зачем ты солгал полиции о ночи смерти Мины?

ЧЕТЫРЕ МЕСЯЦА НАЗАД (СЕМНАДЦАТЬ ЛЕТ)

На следующий день после убийства Мины папа везет меня из больницы. Мы молчим всю дорогу. Я хочу облокотиться лбом о стекло, найти успокоение, но, как только делаю это, прижимаюсь к окну именно швами. Вздрагиваю и смотрю направо.

Солнечно. Морозный февральский день, горы еще покрыты снегом. Дети играют в парке, мимо которого мы проезжаем. После всего произошедшего кажется странным, что жизнь идет своим чередом.

По приезду папа открывает мне дверь машины, но, когда он уже в доме, я колеблюсь на нижней ступени лестницы. Он с беспокойством смотрит на меня.

— Тебе помочь, родная?

Качаю головой.

— Я пойду в душ.

— Ты помнишь, что где-то через час придет детектив? Успеешь собраться?

В больнице мне дали успокоительные. Я слегка не в себе, чтобы отвечать на вопросы полиции.

От мысли о допросе хочется кричать, но я говорю, что буду готова, и начинаю медленно, с трудом подниматься по лестнице. Почти жалею, что выкинула свою трость в пятнадцать, потому что сейчас она мне точно не помешала бы.

Включаю воду и медленно раздеваюсь, стягиваю трусики и топ.

И вот тогда вижу его: красно-коричневое пятно на коленке.

Кровь Мины.

Прижимаю пальцы к пятну, ногтями впиваюсь в кожу, пока не появляются ярко-красные бусины свежей крови. Мои пальцы все в ней, и от этого так тяжело дышать, почти невозможно.

Пять месяцев. Три недели. Один день. Десять часов.

Делаю вдох. Воздух, влажный и горячий, почти липкий, скользит по горлу.

Снимаю кроссовки, которые принес папа, чтобы я нормально доехала домой. Ноги все еще грязные. Вчера я была в босоножках. Как и все остальное, что было на мне вчера, они, наверное, в пакетах для улик лежат и ждут, пока их проверят.

А найдут лишь ее кровь. Мою кровь. Нашу кровь.

Сильнее впиваюсь ногтями в коленку. Делаю вдох, потом еще один.

На третий я ступаю под душ.

Позволяю воде смыть последнее, что от нее осталось.

Когда выхожу из душа, обнаруживаю, что мама устроила шмон в моей комнате.

— Где еще? — кричит она. На ее щеках потеки туши, а глаза красные, она срывает покрывало с постели и поднимает матрас.

С моих волос капает вода, я стою обернутая в полотенце. И ошеломленная.

— Ты чего творишь?

— Таблетки, Софи. Где еще они лежат? — Она разрывает наволочки на подушках и, засунув руку внутрь, ищет среди пуха.

— Нет здесь никаких таблеток. — Меня качает от гнева, он пульсирует во мне как жар

от очага.

Мама хватается с полок шкатулку с украшениями и вытряхивает из нее содержимое. Вниз летят браслеты и ожерелья, падают горкой на полу. Она дергает ящики с достаточной силой, чтобы вытащить их полностью, и вываливает все их содержимое на кровать.

Пока она перебирает футболки и нижнее белье, из уголка ее глаза вытекают слезы, добавляя черноты на лице.

Мама не эмоциональный человек. Она законник до мозга костей. Она помешана на контроле. Правилах. Тот хаос, что она устраивает в моей комнате, настолько не в ее характере, что я просто стою с открытым ртом.

— Мам, у меня нет никаких таблеток. — Моя единственная защита — это правда. Больше ничего не осталось.

— Ты лжешь! Почему ты все время мне лжешь? — Она бросается к двери в ванную. — Приходил детектив Джеймс. Он сказал мне, что в кармане твоей куртки нашли Оксикотин.

— Что? Нет. *Нет!* — Шок проникает сквозь оцепенение, окутавшее меня. Глаза сами раскрываются шире, когда я понимаю, что она ему верит... когда понимаю, что это означает.

— Утром полиция расспрашивала Кайла Миллера. Он сказал, что Мина говорила ему что вы собираетесь на Букер Поинт достать наркотики.

— *Нет!* — Я словно в петле, и это единственное слово, которое может из меня выйти. — Кайл лжет! Мина едва с ним общалась в последнее время. Она даже не подняла трубку, когда он звонил!

Мама смотрит на меня из туалета, досада в ее взгляде смешивается с тушью и слезами.

— Они нашли таблетки, Софи, — говорит она. — Ты оставила их в своей куртке на месте преступления. И мы все знаем, что они не Мины. Поверить не могу! Ты только месяц как вернулась домой и снова упала в эту яму. Все труды Мейси насмарку... — Она яростно жестикулирует моей кроссовкой в руке и качает головой. — Следовало сразу отправить тебя на реабилитацию, а не к Мейси. Тебе нужна помощь профессионалов. Это моя ошибка, и мне придется жить с ней.

— Нет, мамочка. Мы не из-за наркотиков были там, я *клянусь* тебе! Мина встречалась с кем-то для статьи в газете. Я не на таблетках! Я не собиралась что-то принимать или покупать. Я чиста! Результаты анализов из больницы чисты! Уже пять с половиной месяцев!

— Прекращай свои игры, Софи. Твоя лучшая подруга умерла! Она мертва! На ее месте могла быть ты! — Она бросает кроссовку через комнату. Та попадает в дальнюю стену и настолько пугает меня, что колени слабеют. Я падаю на пол, укрываю голову руками, горло сжимает страх.

— Господи, милая. Мне жаль, боже, прости. — Мамино лицо — воплощение раскаяния, она опускается на пол рядом со мной, берет мое лицо в ладони. — Прости, — повторяет она. Извиняется она не просто за брошенную обувь.

Я изо всех сил пытаюсь дышать, не могу находиться к ней так близко. Отталкиваю ее, отодвигаюсь, пока не упираюсь в стену. Присев рядом со шкафом, она испуганно смотрит на меня.

— Софи, прошу, расскажи мне правду. Все будет хорошо. Только расскажи. Мне нужно знать, только так я смогу уберечь тебя от неприятностей. Тебе станет лучше, милая.

— Я не лгу.

— Нет, лжешь, — отрицает она, ее голос так и сочится льдом. Она выпрямляется, вставая прямо передо мной. — Я не позволю тебе губить себя. Ты останешься чистой, даже

если мне придется запереть тебя.

Она кромсает остатки моей наивности. Теперь ее кусочки валяются на полу вместе с моей жизнью. Мама разрывает все, что еще осталось целым, полная решимости найти таблетки, поймать меня на лжи — что угодно, лишь бы подтвердить правоту Кайла и детективов.

Она ничего не находит. Потому что и находить-то нечего.

Но это не имеет никакого значения: слова Кайла, таблетки в моей куртке, их достаточно, чтобы убедить любого. Даже ее. *Особенно* ее.

Через две недели она отсылает меня в Центр.

СЕЙЧАС (ИЮНЬ)

— Ты серьезно, Софи? — Кайл складывает руки на накаченной груди, переводя взгляд со спрея на дверь и обратно. — Да ты тронулась. Опустит, себе же хуже сделаешь. Вентиляция здесь отстойная.

Да, наверное он прав. Но я по-прежнему направляю баллончик на него.

— Ты солгал полицейским о том, почему мы с Миной были на Поинте. Невинные люди, которые хотят, чтобы поймали убийцу их девушки, так не поступают.

Он недоуменно смотрит на меня.

— Ты думаешь, что я имею к этому отношение? Издеваешься? Я любил ее. — Его голос дрожит. — Мина мертва, и это *твоя* вина. Если бы ты так не увлекалась наркотой, она была бы жива.

Крепче сжимаю баллон.

— Раз уж она так тебе небезразлична, скажи, почему солгал.

Кто-то барабанит в дверь. Я вздрагиваю и роняю баллон. Тот катится по полу, и Кайл пользуется моментом и отпрыгивает к выходу.

— Я не остановлюсь, — предупреждаю его, пока он мыкается с замком.

— Да пошла ты, Соф. Мне нечего скрывать.

Дверь захлопывается за ним. Мне слышны голоса снаружи, обрывки разговора, слова Кайла «Не ходите туда, парни», а затем воцаряется тишина.

Прижимаю руку к сердцу, словно это может успокоить его. Пальцами чувствую бугристые шрамы, оставшиеся от операций после аварии.

Поднимаю спрей с пола, убираю в сумку и шагаю на выход. Сейчас Кайл уже явно свалил куда подальше. Наверняка разносит новости, что Софи Уинтерс вернулась домой, да еще более чокнутая, чем прежде.

У двери кто-то стоит, когда я открываю ее. Почти врезаюсь в его грудь, отступаю назад, спотыкаюсь и подворачиваю больную ногу. Меня удерживает чья-то рука, и даже без единого взгляда я понимаю, кто передо мной.

Ужас окутывает меня, липкий и вязкий. Я не готова к такому. Я избегала мыслей об этом моменте многие месяцы.

Не могу находиться рядом с ним.

Но не могу и уйти.

Только не снова.

— Трев, — все же решаюсь сказать.

Брат Мины глядит на меня в ответ, высокий и такой привычный. Заставляю себя смотреть ему в глаза.

Глаза, так похожие на ее.

ЧЕТЫРЕ МЕСЯЦА НАЗАД (СЕМНАДЦАТЬ ЛЕТ)

Прошло четыре дня. А казалось, что больше. Или меньше.

Родители порхают поблизости безмолвными стражниками. Они планируют. Готовятся к войне со мной. Как только до мамы доходит, что я не собираюсь говорить полиции то, что они хотят, она переходит в режим юриста. Она все время кому-то названивает, а папа ходит туда-сюда по дому, поднимается по лестнице, потом снова спускается, ходит по коридорам, пока я не убеждаюсь, что он уже себе дорожки прорыл.

Мама пытается оградить меня от колонии для малолетних. Флакон с Окси, который нашли в моей куртке, не то чтобы очень, но может навлечь на меня неприятности — если бы у мамы не было столько друзей в нужных организациях.

Она старается спасти меня, как спасает всегда.

Она не думает, что помогла и первый раз, но так и было. Она отправила меня к Мейси.

Дни проходят под цокот маминых каблучков и стук папиных шагов. Он каждый раз вскрывает мою дверь, когда видит ее закрытой — так, на всякий случай. Но дни не так уж и плохи.

Ночи намного хуже.

Каждый раз, как закрываю глаза, я снова на Букер Поинт.

Поэтому я держу глаза открытыми. Не сплю. Напиваюсь кофе. Бодрствую.

Так не может продолжаться.

Мне нужно принять что-нибудь. Внутри все зудит, голос в голове игриво шепчет: «Тебе станет лучше». Какие-то части тела начинает колоть так, словно кровь хлынула потоком в онемевшую ногу.

Я игнорирую.

И дышу.

Пять месяцев. Три недели. Пять дней.

Два ночи, и не сплю я одна. Сижу, завернувшись в одеяло, на подоконнике в столовой. Осматриваю двор, словно ожидаю того человека в маске, что он придет закончить начатое.

Колеблюсь между ужасом и надеждой, что именно это и произойдет. Смертельная прогулка по канату у купола, и я не уверена, хочу упасть или же быть спасенной.

Мне нужно все закончить.

От мыслей меня отвлекает свет, льющийся из старенького дома на дубе в глубине моего сада. Я выхожу наружу, босиком шагаю через двор. Веревоочная лестница вся потрепанная, и подниматься с больной ногой по ней тяжело, но я справляюсь.

Внутри, спиной к стене и поджав колени, сидит Трев. Его темные волнистые волосы спутаны. Под глазами круги. Он тоже не может уснуть.

Конечно не может.

Его пальцы снова и снова проводят по пятну на полу. Когда поднимаюсь, вижу, что это доска, где Мина вырезала наши с ней имена.

— Похороны в пятницу, — говорит он.

— Знаю.

— Мама... — Он замолкает и проглатывает ком в горле. Его серые глаза — так похожие

на ее, что больно в них смотреть, словно она рядом, но это не так — блестят от непролитых слез. — Мне пришлось самому идти в похоронное бюро. Мама просто не смогла с этим справиться. Так что я сидел и слушал, как тот парень заливает про музыку и цветы, и чем должен быть оббит гроб, бархатом или атласом. Но мог думать лишь о том, что Мина боялась темноты, и как странно, что я позволю им опустить ее в землю. — Он напряженно усмехается, и это ужасно слышать. — Самое глупое, что ты от меня слышала, наверное, да?

— Нет. — Я хватаю его руку, крепче сжимая, когда он пытается ее вырвать. — *Нет*, это не глупо. Помнишь тот ее ночник с Снупи?

— Ты его еще мячом разбила. — Он почти улыбается воспоминанию.

— А ты меня прикрыл. Она не разговаривала с тобой потом неделю, но ты не сознался.

— Ну, кто-то же должен был за тобой приглядывать. — Он смотрит в окно, куда угодно, но не на меня. — Все пытаюсь представлять. Как все произошло. На что это было похоже. Было ли это быстро. Было ли ей больно. — Теперь он поворачивается лицом ко мне, полная эмоций открытая книга, желающая, чтобы я залила своей кровью все его страницы. — Ей было больно?

— Трев, пожалуйста, не начинай. — Мой голос надламывается. Хочу выбраться отсюда. Не могу об этом думать. Пытаюсь вырваться, но теперь он меня держит.

— Ненавижу тебя, — бросает он почти будничным тоном. Но взгляд его глаз — он превращает его слова в путанный комок лжи и правды, давящий на меня и такой знакомый. — Ненавижу, что выжила ты. Ненавижу то облегчение, что испытал сам, когда услышал, что ты в порядке. Я просто... *ненавижу* тебя.

Кости пальцев чуть ли не ломаются от его хватки.

— Ненавижу все, — единственное, что могу ответить.

Он целует меня. Тянет меня вперед внезапным движением, которого я не ожидала. Столкновение, стук наших зубов, удары носами, поцелуй под неудобным для нас обоих углом. Все не так, как должно быть. Но это единственное, что должно случиться.

Снимаю его футболку с небольшим усилием, но моя приносит еще больше неприятностей, путаясь у шеи, а он отвлекается на мою обнажившуюся кожу. Его руки мягкие, нежность на грани благоговения, двигаются по коже и косточкам, и шрамам, и изгибам моего тела.

Я позволяю ему касаться. Целовать. Раздевать и укладывать спиной на деревянный пол, покрытый рубцами нашего детства.

Позволяю себе чувствовать. Позволяю его коже накрывать мою.

Позволяю, потому что это именно то, в чем я сейчас нуждаюсь: ужасная идея, такое прекрасное, запутанное умопомрачение.

И не становится не так уж важно, что наши лица влажные от слез. Все равно всё происходит по неправильным причинам.

Позже я смотрю на его лицо в лунном свете и спрашиваю себя, почувствовал ли он, что я целовала так, словно уже знала форму губ. Словно обрисовывала их в голове, в другой жизни. Изучала их на другом человеке с такими же глазами, носом и ртом, но которая уже никогда не вернется.

СЕЙЧАС (ИЮНЬ)

Долгий момент неподвижности мы с Тревом смотрим друг на друга. Меня окутывает его пристальный взгляд, я жажду малейшего проблеска ее, даже если это будут просто похожие черты на знакомом лице.

Они всегда походили друг на друга. И дело не только в высоких скулах, носах или серых радужках глаз. Но и в том, как они улыбались — слегка криво, когда улыбаться не следовало. В том, как они оба тянули каштановые локоны волос, когда о чем-то беспокоились, как оба кусали ногти в непонятных ситуациях.

После нее у меня остался только Трев, пригоршня эхом отзывающихся глубоко внутри похожих особенностей, что делают его Тревом: честность и доброта, и то, что он ничего не скрывает (в отличие от нее, в отличие от меня).

Мина очень сильно его любила. Они были неразлучны после смерти их отца, а когда я вошла в их жизнь, Трев отступил, освободил для меня место, хотя я семилетняя, к тому же единственный ребенок, этого не понимала. Как не понимала и чего-то вроде смерти родителя и слез Мины, временами появлявшиеся из ниоткуда.

Когда мы были совсем маленькими, на ее плач я давала ей фиолетовый мелок из своей коробочки, так что у нее их становилось два, и она улыбалась сквозь слезы, а я продолжала так делать. Я стягивала фиолетовые мелки из общих коробочек, пока у нее не собралась целая коллекция.

А теперь Трев смотрит на меня ее глазами, словно хочет поглотить. Волосы у него отросли, стали совсем непослушными, а на лице появилась щетина вместо обычной гладкости. Никогда не видела его таким потрепанным. Ощущаю огрубевшие мозоли на руке, которой он меня держит. Мозоли от канатов, от обхождения парусов. Значит, так теперь проходят его дни? На лодке, в попытках уплыть от всего этого?

Он отпускает меня, и внутри разряжается битва: облегчение и разочарование, обернутые аккуратным бантом, запятнанным кровью.

Я выхожу из дверного проема на солнечный свет, и он отступает, словно я ядовитая чума.

Он засовывает руки в карманы шорт, переминается с ноги на ногу. Трев сильный и высокий, но это не слишком заметно до тех пор, пока ему не понадобится. С ним чувствуешь себя в безопасности, убаюканная чувством, что, пока он рядом, не случится ничего плохого.

— Не знал, что ты дома, — говорит Трев.

— Только вернулась.

— Ты не пришла на ее похороны. — Он пытается смягчить слова, но они повисают между нами обвинением.

— Мне жаль.

— Не передо мной нужно извиняться, — говорит Трев и ждет ответа. — Ты... ходила к ней?

Качаю головой.

Я не могу прийти на могилу Мины. Сама мысль, что она зарыта в землю, навсегда заперта в темноте, вместо того чтобы проживать яркую жизнь, ужасает меня. Ей бы больше

понравилось уйти из мира в блеске, огне и жаре.

Но она под землей. Как же это неправильно, но мне этого никак не изменить.

— Ты должна навестить ее, — говорит Трев. — Проститься. Она этого заслуживает.

Он думает, что от разговора с камнем что-то изменится. Трев верит в подобное, как верила и Мина.

Но не я.

От выражения его лица мне хочется пообещать «да, я схожу, конечно». И я хочу суметь это сделать. Когда-то давно я любила его почти столь же сильно, как и ее.

Но Трев никогда не был на первом месте. Он всегда был вторым, и я не могла изменить этого ни тогда, ни сейчас.

— Ты тоже считаешь, что это моя вина.

Не решаясь встречаться со мной взглядом, Трев сосредотачивается на детях, играющих на площадке неподалеку.

— Я считаю, что ты совершила много ошибок, — произносит он осторожно, словно ходит по минному полю слов. — А Мина заплатила за них.

Слышать такое от него больнее, чем мне казалось. Не похоже на мелкие раны от родительских слов. Нет, это удар по сердцу, так на него не похожий, и я едва не падаю от разочарования.

— Я надеюсь, ты больше не употребляешь. — Он отступает от меня, словно не хочет даже дышать одним воздухом. — Надеюсь, ты отказалась от наркотиков. Она хотела бы этого от тебя.

Он уже почти на дороге, когда я задаю вопрос; не могу не спросить:

— Ты все еще ненавидишь меня?

Он поворачивается, и даже с такого расстояния я вижу печаль на его лице.

— В том и проблема, Соф. Я никогда не мог тебя ненавидеть.

ТРИ С ПОЛОВИНОЙ ГОДА НАЗАД (ЧЕТЫРНАДЦАТЬ ЛЕТ)

Действие морфина ослабевает. Боль возвращается, пульсируя резкими толчками.

— Кнопка, — шепчу я, мои губы сухие и потрескавшиеся. Двигаю рукой, той, что не сломана, пытаюсь нащупать кнопку для подачи морфина.

— Держи. — Теплые пальцы вкладывают зажим мне в ладонь. Я нажимаю и жду.

Постепенно боль уходит. На время.

— Твой папа пошел за кофе, — говорит Трев. Он сидит на стуле рядом с моей кроватью, его рука так и накрывает мою. — Мне поискать его?

Качаю головой.

— Ты пришел. — От морфина мой мозг слегка в тумане. Временами я говорю глупости, что-то забываю, но почти точно уверена, что он еще не приходил.

— Я пришел, — подтверждает он.

— Мина? — выдыхаю я.

— Она в школе. Я отпросился. Хотел увидеть тебя.

— Сам-то как? — спрашиваю. На лбу у него уже заживающий синяк. Он сидит в каком-то странном положении, нога прямая, словно в гипсе. Но я не могу приподняться, чтобы проверить, насколько все плохо. У Мины на руке гипс, внезапно вспоминаю. Вчера мама с медсестрами даже выпроводили ее домой, настолько она не хотела уезжать.

— Пойдет. — Он поглаживает мои пальцы. Они — единственная часть меня, которая не ушиблена, не сломана и не зашита.

— Прости, — говорит он. — Софи, мне так жаль.

Он зарывается лицом в простыни, и я не нахожу сил поднять руку и прикоснуться к нему.

— Тише, тише, — шепчу я. Глаза тяжелеют от действия морфина. — Ты не виноват.

Позже мне расскажут, что это *его* вина. Он проехал знак «СТОП», и в нас сбоку врезался превысивший скорость внедорожник. Врачи объяснят, что я была две минуты мертва, прежде чем они снова запустили мое сердце. Что правую ногу разворотило, и теперь в ней титановые пруты вместо того, что осталось от костей. Что мне год ходить с тростью. Что впереди ждут месяцы физиотерапии и горсти таблеток. Что хромота никуда не денется, а проблемы со спиной останутся до конца жизни.

Позже я пересеку черту. Раскрошу четыре таблетки и вдохну их через соломинку, чтобы уплыть на волнах временного оцепенения.

Но сейчас я еще не знаю, что ждет нас впереди, его, меня и Мину. Поэтому пытаюсь утешить его. Борюсь с оцепенением, вместо того чтобы утонуть в нем. И он повторяет мое имя, снова и снова, моля о прощении, которое я уже дала ему.

СЕЙЧАС (ИЮНЬ)

Когда я возвращаюсь домой, мамина машина стоит на подъездной дороге. Открываю дверь и слышу цокот ее каблучков, резкий и бойкий.

Она выглядит безукоризненно, ее прямые светлые волосы собраны в идеальный пучок. Наверное, она только вернулась из суда, потому что даже не успела расстегнуть свой пиджак.

— Ты в порядке? Где ты была? — спрашивает она, но не дает мне ответить. — Я так волновалась! Мейси сказала, что привезла тебя два часа назад.

Скидываю сумку на столик в холле.

— Я тебе записку оставила на кухне.

Мама смотрит через плечо и слегка расслабляется, когда замечает страничку из блокнота.

— Не видела, — говорит она. — Лучше бы ты позвонила. Я понятия не имела, где ты.

— Прости. — Я направляюсь к лестнице.

— Подожди-ка, Софи Грейс.

Я замираю, потому что если мама обратилась к формальностям, то грядут проблемы. Разворачиваюсь, нацепив на лицо маску незаинтересованности.

— Да?

— Где ты была?

— Просто прогулялась.

— Ты не можешь уходить, когда бы тебе ни приспичило.

— Я теперь под домашним арестом?

Мама приподнимает подбородок, она готова к войне.

— Моя обязанность — удостовериться, что ты не вернешься к старым дурным привычкам. Если придется запереть тебя дома, то так тому и быть.

Закрываю глаза, делая глубокий вдох. Тяжело удержать гнев, проснувшийся во мне. Хочется прорваться через ее личину ледяной королевы, сломать так же, как она сломала меня.

— Я не ребенок. И если только ты не планируешь завалить меня домашней работой, то тебе меня не остановить. Я могу звонить тебе каждые несколько часов для проверки, если от этого тебе станет легче.

Мамин рот складывается в тонкую линию розово-жемчужного цвета.

— Не ты здесь устанавливаешь правила, Софи. Твое прежнее поведение отныне недопустимо. Если ты хоть на шаг переступишь черту, то снова отправишься в Центр. Так и будет, клянусь.

К таким угрозам я готовилась. Старалась просчитать все ситуации, что мама могла бы мне предъявить, потому что только так я смогу оставаться на шаг впереди нее.

— Через несколько месяцев у тебя больше не будет такой возможности, — заявляю я. — Как только мне исполнится восемнадцать, ты не сможешь принимать за меня решения по поводу лечения. Независимо от того, что я, по-твоему, сделала.

— Пока ты живешь в моем доме, ты будешь следовать моим правилам, восемнадцать

тебе или нет, — говорит мама.

— Попытаешься отправить меня в Центр — и я уеду. Выйду за дверь и больше никогда не вернусь.

— Не смей мне угрожать.

— Это не угроза. Это правда. — Отвожу от нее взгляд, от ее трясущихся рук, она словно разрывается между тем, чтобы удержать меня или разорвать в клочья. — Я устала. Пойду в свою комнату.

На этот раз она даже не пытается меня остановить.

Мне вечность запрещали запираать дверь комнаты, поэтому я придвигаю к ней кресло. Мне слышно, как мама поднимается по лестнице и набирает в ванну воду.

Скидываю с кровати одежду, а потом и простынь, одеяла и подушки. С третьей попытки переворачиваю матрас, ноги трясет от усилий. Наконец мне это удается, пускай и с одышкой и протестующей болью в спине. Переступаю через гору одеял и прочего и вынимаю из сумки блокнот. Между его страниц покоятся отдельные листы, и я вытряхиваю их на матрас, после чего беру со стола стикеры и маркеры.

Чтобы все записать, требуется несколько минут. У меня не много информации — пока что. Но к тому времени как я заканчиваю, вся нижняя часть матраса становится доской с доказательствами, самодельным подобием тех, что висят в полицейских участках. Фотография Мины, сделанная в предпоследний год школы, подписана «ЖЕРТВА», а единственное фото Кайла, которое у меня нашлось, — «ПОДОЗРЕВАЕМЫЙ». Стара фотография с вечеринки девятиклассников, на которую мы пошли всей компашкой. Мина, Эмбер и я стоим в стороне и смеемся, Кайла и Адама обрезало, а Коди неодобрительно смотрит на все действие. Мы молоды, счастливы. Я счастлива. Та девушка на фотографии и понятия не имеет, во что превратится ее жизнь буквально через несколько месяцев. Обвожу Кайла в круг и двигаюсь дальше. В стороне от фотографии прикрепляю список, и вопрос номер один в нем: *НАД КАКОЙ ИСТОРИЕЙ РАБОТАЛА МИНА?*

Чуть мельче добавляю: *Убийца сказал «Я предупреждал тебя». Угрозы были и прежде? Она кому-нибудь рассказывала?*

Смотрю на все некоторое время, чтобы отпечаталось в голове, прежде чем укладываю матрас обратно и застилаю кровать.

Выглядываю в коридор, проверяя, в ванной ли еще мама. Тогда я хватаю радиотелефон, — завтра спрошу, позволен ли мне мобильный, — и уношу его в спальню.

Я набираю номер; три гудка, потом берут трубку.

— Алло? — раздается радостный голос.

— Это я. Я вернулась. Нам надо встретиться.

ТРИ МЕСЯЦА НАЗАД (СЕМНАДЦАТЬ ЛЕТ)

Спустя несколько дней, проведенных в Центре, реальность накрывает меня: Мина мертва. Ее убийца на свободе. А меня никто не слушает.

Более бессмысленного в моей жизни еще не происходило.

Так что я сижу в своей комнате на тесной кровати с синтетическим постельным бельем. Хожу на групповые сеансы и пребываю в молчании. Сижу в кресле в кабинете доктора Чарльз, опустив руки на колени и смотря прямо вперед, пока она ждет.

Ничего не говорю.

Едва ли могу даже думать.

В конце своей первой недели пишу Треву письмо. Мольба, судорожный монолог правды. Все, что мне так давно хотелось сказать.

Оно возвращается нераспечатанным. Именно тогда я понимаю, что осталась совсем одна.

Не осталось никого, кто мне верит.

Теперь я заставляю себя вспоминать, повторять каждую секунду той роковой ночи. Обдумываю возможных подозреваемых и мотивы, одновременно логичные и нелепые.

В голове крутится одно-единственное предложение, бесконечная петля слов, сказанных им ровно перед тем, как застрелить ее: *Я предупреждал тебя. Я предупреждал тебя. Я предупреждал тебя.*

Они толкают меня вперед, час за часом.

Я так и не разговариваю с доктором Чарльз.

Слишком занята планированием.

На пятнадцатый день моего пребывания в Центре родителей вызвали на первый родительский день.

Папа обнимает меня своими крепкими руками. От него пахнет Олд Спайсом и зубной пастой, и на секунду я позволяю этой привычности успокоить меня.

А потом я вспоминаю, как он заталкивал меня в машину. Его взгляд, когда я просила поверить мне.

Я напрягаюсь и отстраняюсь.

После всего случившегося мама даже не пытается обнять меня.

Родители сидят на кушетке, вынудив меня устроиться на противном кожаном кресле в углу. Я благодарна доктору Чарльз, что не заставляет меня сесть между ними.

— Я пригласила вас пораньше, — говорит доктор Чарльз. — Потому что я думаю, что у Софи некоторые сложности с самовыражением.

Мама взглядом прибавляет меня к креслу.

— Устраиваешь проблемы?

Я в ответ качаю головой.

— Ответь как полагается, Софи Грейс.

Доктор Чарльз удивленно выгибает брови, когда я отвечаю, медленно и четко:

— Я не в настроении для разговоров.

Родители уезжают раздраженными, мы едва ли поговорили друг с другом.

На девятнадцатый день я получаю открытку. Безобидная вещица с синей маргариткой и надписью «ВЫЗДОРАВЛИВАЙ СКОРЕЕ».

Открываю ее.

Я тебе верю. Позвони, когда вернешься. — Рейчел.

Долго-долго смотрю на нее.

Так странно, что всего три слова могут что-то зажечь внутри.

Я тебе верю.

Вот сейчас я готова к разговору. Придется.

Это единственный способ выбраться отсюда.

СЕЙЧАС (ИЮНЬ)

Следующим утром, к тому времени как я просыпаюсь, мамы уже нет дома. На кухонном столе она оставила новый мобильный и записку.

«Позвони, если соберешься куда-нибудь».

Делаю себе тост и беру яблоко, после чего звоню ей в офис.

— Я хочу сходить в книжный, а потом, может, в кофейню зайду, если ты не против, — говорю ей, когда нас соединяют.

На заднем фоне слышны работающий принтер и чей-то разговор.

— Хорошо. Возьмешь машину?

— Если ты разрешаешь.

Мы кружимся в смертельном танце, старательно пряча оскал.

— Разрешаю. Ключи на стойке. Будь дома к четверем. Ужин в семь.

— Хорошо.

Дежурно попрощавшись, она вешает трубку. Но в ее голосе слышно напряжение.

Выкидываю разговор из головы и хватаю ключи.

Остановившись у книжного, я покупаю книгу в мягкой обложке, так что получается, что я не лгала маме напропалую. Десять минут спустя, двигаясь на север по старому шоссе, я выезжаю за город.

Здесь почти нет машин. Только время от времени попадаются грузовики тут и там на двухполосной дороге, разделяющей поля под летним солнцем и красноглинные предгорья с дубами у подножий. Я опускаю окна и врубаю музыку на всю, словно этого достаточно, чтобы отгородиться от воспоминаний.

Дом находится в конце длинной грунтовой дороги, испещренной колдобинами. Я еду медленно, объезжая их, а неподалеку машут хвостами два лабрадора.

Паркуюсь у дома. Когда я выхожу, открывается передняя дверь.

На крыльцо выбегает девушка моего возраста в резиновых сапогах в горошек, клетчатой рубашке и обтягивающих коротких шортах, ее рыжие волосы собраны в косички.

— Ты приехала!

Она подбегает и обнимает меня худенькими руками. Я отвечаю на объятие, а собаки кружат вокруг нас, поскуливая для привлечения внимания. Первый раз после своего возвращения я чувствую, что могу дышать.

— Как же я рада, — говорит Рейчел. — Нет, Барт, перестань. — Она спихивает грязные лапы пса со своих шорт. — Хорошо выглядишь.

— И ты.

— Заходи. Мама на работе, а я пеку печенье.

У Рейчел уютный дом, на деревянных полах вишневого дерева расстелены разноцветные дорожки. Она наливает кофе, мы садимся за кухонный стол друг напротив друга и греем руки о большие кружки.

Растекается тишина, которую нарушает лишь стук ложек о керамические стенки.

— Так вот... — говорит Рейчел.

— Вот так.

Она улыбается, показывая зубы, так широко, что почти больно. Не думаю, что даже помню, что значит так улыбаться.

— Это нормально, если все так странно сейчас. Тебя долго не было.

— Твои письма... — начинаю я. — Они... Ты и понятия не имеешь, что они для меня значили. Поначалу...

Письма Рейчел спасали меня. Полные всяких рандомных фактов и с кучей тем за раз, так похожие на нее саму: легкомысленные и разумные одновременно. Она с детства сидела на домашнем обучении, что, наверное, единственная причина, по которой мы не были знакомы до той ночи. Рейчел из тех людей, которых замечаешь сразу.

Я доверилась ей. Сразу, на уровне инстинктов. Возможно, потому, что она нашла меня в ту ночь. Потому, что она оказалась рядом, когда не было больше никого, а у меня отняли все, что у меня было. Но это не главная причина.

В Рейчел есть решимость, которую редко встретишь. В ней есть уверенность. В себе, в том, что она хочет, в том, во что верит. Я хочу быть такой. Хочу быть уверенной в себе, доверять себе, любить себя.

Рейчел была рядом, хотя, казалось бы, не должна. Когда все, кого я знала всю жизнь, повернулись ко мне спиной. Это многое для меня значит.

— В Центре совсем плохо? — спрашивает она.

— Нет, нормально. Просто много терапий и болтовни. Было тяжело. Находиться там. Бросить все, что здесь было. — Я замолкаю и продолжаю помешивать кофе. — Как с телескопом успехи? — припоминаю письмо, в котором она рассказывала про какие-то эксперименты.

— Рефрактор? Медленно, но верно. Перевезла к папе, так что работать над ним удастся, только когда я у него. Но у меня в планах еще несколько проектов по починке. На заднем дворе трактор 20-х годов, сосед продал. Попытки заставить его заработать — такая заноза в заднице, но в хорошем смысле. — Она откусывает огромную печенку, поднимая в воздух облако корицы. — Наверное, пора поговорить о том, что ты собираешься делать.

— Виделась вчера с Кайлом.

— Бежала за ним, что ли? — саркастично спрашивает Рейчел.

Разглядываю кофе, лишь бы не смотреть на нее.

— Ну, я могла запереть его в мужской раздевалке и угрожать медвежьим репеллентом, — бормочу.

— Софи! — восклицает она со смехом. — Поверить не могу. Нельзя так просто выйти из дома и начать угрожать людям, которых подозреваешь. Тактичнее надо быть.

— Да знаю. Но он солгал. Должна же быть причина.

— Ты правда считаешь, что он может быть причастен к убийству Мины?

Я пожимаю плечами. Мы с Кайлом знакомы давно, как и с другими моими друзьями. В первом классе он был моим партнером на выездных экспедициях. Жутко думать, что парень, с которым ты чистила рыбу, может быть убийцей.

— Все возможно. Убийство было явно запланировано. У убийцы была причина желать смерти Мины. Просто мне не понятно, что это за причина.

— А Кайл солгал.

— А Кайл солгал, — эхом отзываюсь я. — Должен же быть в этом смысл. Он прикрывает себя — или кого-то еще.

— Они с Миной часто ругались? — спрашивает Рейчел.

— Нет, — говорю я. — Поэтому я и не догоняю. Они хорошо ладили. Кайл слегка неотесанный, но милый. Она для него словно по воде ходила. Но даже если он не имеет отношения к ее убийству, он препятствует полицейскому расследованию. Нельзя же просто так, от балды лгать полиции. Особенно Кайлу. Его отец помешан на законах. Если мистер Миллер узнает, что Кайл наврал копам? Большие неприятности. В его ресторане ежегодно устраивают день жареной рыбы. Он в хороших отношениях с полицейскими.

Рейчел вздыхает.

— Не думаю, что ты дождешься правды от человека, не преминувшего солгать полиции. Какой-нибудь запасной план есть?

Не поднимаю взгляда от кружки кофе.

— Это может показаться немного странным, но была у меня одна идея.

— Какая?

— Хочу вернуться. Туда, где ты меня нашла той ночью.

Рейчел распахивает глаза.

— Ты уверена, что это хорошая идея?

— Это ужасная идея, — признаю я. — Но мне нужен кто-то, кто поможет пройти через такое. Может, это что-то всколыхнет. И ты единственный человек, на которого я могу положиться.

Рейчел поджимает губы, отчего ее веснушки становятся виднее.

— Софи...

— Пожалуйста. — Я смотрю ей прямо в глаза, стараясь выглядеть предельно уверенной. Но я боюсь идти туда. Уже от одной идеи оказаться там колени подгибаются.

Она вздыхает.

— Ладно. — Она встает и берет ключи. — Поехали.

Рейчел молчит, пока с неохотой ведет свою старенькую Шеви.

— Со мной все будет в порядке, — говорю ей.

— Я волнуюсь не из-за этого, — говорит Рейчел, и некоторое время мы едем в тишине. Но через двадцать минут она сворачивает с шоссе на Бернт Оук Роуд, и меня начинает потряхивать, несмотря на обещание.

Мы еще не доехали, до Поинта около полутора миль, но внезапно все окружающее машину — деревья, холмы, даже коровы на полях — кажется ужасающим. Потенциально смертельным. Сердце в груди трепещет, и я прижимаю пальцы к шраму, провожу по его бугристой поверхности под рубашкой в попытках успокоиться.

Девять месяцев. Три недели. Восемь часов.

Я и не заметила, что закрыла глаза, пока мы не останавливаемся. Медленно их открываю.

Мы на месте. Избегаю смотреть на дорогу. Я не хочу туда идти. Мне придется туда пойти.

— Спрошу тебя еще раз, — говорит Рейчел. — Ты точно уверена, что хочешь это сделать?

Я абсолютно уверена, что это последнее, чего мне хочется.

Но все равно киваю.

Рейчел искоса смотрит на меня, но выключает двигатель.

Медленно выхожу из Шеви, и она следует за мной, прикрывая от солнца глаза. В это время дня и так далеко за городом дороги пусты, ни единой машины на мили вокруг. Лишь

низкие заборчики, дубы и сосны.

— Готова?

Снова киваю.

Рейчел запирает машину и, посмотрев по сторонам, выходит на пустую дорогу. Ее косички покачиваются в такт движениям, и я концентрируюсь на них, лишь бы не смотреть на то самое место — место, где в ту ночь она обнаружила меня.

— Было немногим позже девяти, — начинает она. — Я только позвонила маме сказать, что почти вернулась от папы. Отвожу взгляд, чтобы положить телефон в сумку, а когда смотрю на дорогу — ты прямо передо мной, стоишь посреди дороги... здесь.

Она делает несколько шагов и проводит сапогом по желтой разделительной линии. Я смотрю на нее... не могу не смотреть. Здесь? Помню оцепенение. Помню желание, чтобы меня переехала машина.

— Я думала, что собою тебя. Никогда в жизни не жала на тормоз с такой силой. А ты все стояла. Даже не пошевелилась, не вздрогнула. Словно ты... — колеблется она. — Словно ты была в шоковом состоянии, — заканчивает она.

Я начинаю шагать, меня переполняет нервозность. Мне нужно двигаться, уйти прочь.

Тело само знает, куда пойти. Оно всегда ищет к ней дорогу.

Рейчел следует за мной, дорога становится все более наклонной. Трава и кустарники высотой по колено царапают джинсы. Красная глина липнет к подошвам. На следующий день я смывала ее с ног, смотря на завихрения с кровью и слезами.

— Когда я вышла из машины, увидела, что ты вся в крови. Поэтому позвонила в 911. Из раны на лбу у тебя текла кровь. Я пыталась надавить на нее, но ты все отталкивала мои руки. Хотела посадить тебя в машину, чтобы ты сказала что-нибудь, хоть свое имя, но... — Она снова колеблется. — Ты помнишь что-нибудь?

— Я помню скорую. Помню, как держала тебя за руку. — Я все шагаю. Теперь я знаю, куда иду — разум, тело и сердце в долгожданной гармонии. Осталась миля. Теперь дубы встречаются реже, уступая соснам. Несколько минут до поворота, и мы будем на месте.

— Когда приехали парамедики, ты меня все не отпускала. Поэтому мне позволили поехать с тобой.

— Я помню больницу, — говорю. И этим ограничиваюсь.

Сосредотачиваюсь на своей обуви.

Мы идем по встречной полосе, и, когда доходим до поворота на Букер Поинт, я останавливаюсь и смотрю.

С этой стороны дороги плотный лес, сосны растут близко друг к другу. Убийца сознательно выбрал этот кусок леса? Сколько времени он скрывался в деревьях, ожидая нас?

— Точно уверена, что это хорошая идея? — снова спрашивает Рейчел.

Глубоко вдыхаю. Здесь прохладнее, тени от ветвей падают на землю. Той ночью было даже холодно. От дыхания изо рта вырывались облачка пара.

— Иногда плохие идеи необходимы. — Слова звучат словно оправдание, они так отдают зависимостью, что по коже пробегают мурашки.

В попытках оставить это чувство я перехожу дорогу, пока асфальт не сменяется протоптанной тропой. Она исчезает в чаще высоких сосен, а я игнорирую то, что больная нога сопротивляется подъему в холм.

Стоит тишина, как и той злополучной ночью. Под деревьями прохлада, она окутывает меня, и я начинаю дрожать.

Могу думать лишь о том, какой холодной была ее кожа.

Обвитое паутиной шрамов колено ноет, когда тропа становится более крутой.

Последний изгиб тропы, и вот я на вершине Поинта.

Всего в нескольких шагах.

Букер Поинт — небольшая и чистая площадка, на которой может уместиться несколько автомобилей. Когда была помладше, я слышала истории о терявших здесь девственность девушках, диких вечеринках и наркосделках, совершавшихся в этом захолустье после наступления темноты. Но до той ночи я не рисковала здесь появляться.

Рейчел останавливается, но я продолжаю идти по протоптанной колее, мимо растущих тут и там даже в грязи калифорнийских маков, пока не ступаю именно туда, где все произошло.

Я думала, что у меня перехватит дыхание. Что неведомым образом, если я появлюсь там, где настал ее конец, где я клялась ей, что с ней все будет в порядке, во мне что-то изменится.

Но, наверное, я и так уже изменилась.

Прохожу дальше, пока не оказываюсь у края площадки, где земля резко уходит в бесконечность. От давления вниз летят камни и кусочки земли.

— Софи, — зовет Рейчел.

Я едва слышу ее.

Захватывает дух от виднеющейся далеко внизу земли, маленькому кусочку зелени, кустарников и деревьев, крошечной гальки, которая на самом деле плоские серые валуны размером больше меня самой.

— Софи! — Рука хватается мою рубашку сзади, лишая меня равновесия, отдергивая от края. Я падаю назад, ударяясь о Рейчел. — Эй. — Она хмуро глядит на меня, с ее лица исчезло все воодушевление. — Это не круто.

Я с трудом моргаю. Внезапно мне хочется лишь кричать, и больше ничего.

— Это была плохая идея.

— Ага, знаю. Пошли.

Молча проделываем весь путь до грузовичка, и только внутри Рейчел заговаривает.

— Не думаю, что тебе нужно сюда возвращаться. Только не в одиночку.

Не могу смотреть на нее. Поэтому смотрю в окно.

— Тебе нужен план, — заявляет Рейчел. — Наличие плана делает все лучше. Если ты думаешь о том, что тебе нужно разобраться с убийством Мины, то дальнейшие действия становятся очевиднее. Понятно, разговор с Кайлом не помог. Поэтому каков следующий шаг?

Увести мысли от прошлого к настоящему — то, что мне и нужно. Я никогда не найду убийцу Мины, если не соберусь. Рейчел права. Мне нужен план, который включает намного большее, чем опрыскивание Кайла спреем от медведей.

— Надо начать с нуля, — говорю я, благодарная Рейчел за перезагрузку. — С истоков. Мина работала над какой-то историей. Я схожу в офис газеты и поговорю с ее начальником. Если кто и знает, что она искала, то только он.

— Ладно, хорошо. Еще что?

— Нужно найти заметки по ее истории. Полицейские обыскали ее компьютер, но ничего не нашли, а значит, они где-то в другом месте. Может, в блокноте. Ее мама всегда шарилась в ее комнате и читала дневник, так что Мина умела прятать. Уверена, копы

упустили ее тайники.

— И как ты планируешь попасть в ее комнату?

Я вздыхаю. Эту часть я старательно избегала.

— Придется использовать Трева.

Рейчел сочувственно посвистывает.

— Ох!

— По-другому в дом никак не попасть. Если я спрошу его, можно ли осмотреть ее комнату, то он просто захлопнет дверь перед моим носом. Он не хочет меня видеть. Но у меня остались ее вещи. Могу собрать их, и коробка станет предлогом войти.

— Он с тобой разговаривал после твоего возвращения? — спрашивает Рейчел. — Из Центра ты писала, что он не отвечал на твои письма.

Пожимаю плечами.

— Он не верит мне.

— Ну, а придется, — запальчиво воскликнула Рейчел.

— Рейчел, а почему *ты* мне веришь? — выдаю я.

Она откидывается назад на сиденье.

— А почему не должна?

Снова пожимаю плечами.

— Иногда я думаю, что если бы ты знала меня раньше... то решила бы, что я лгу. Как и все вокруг.

— Любой, кто увидел бы тебя посреди той дороги... — Рейчел замолкает, потом снова заговаривает: — Любой, кто видел бы тебя такой, какой ты была в ту ночь, понял бы, что ты не в состоянии лгать — едва ли в состоянии даже говорить. А потом, в больнице... — Она снова прерывается, и я знаю, о чем мы обе думаем. Как я вопила и бросалась предметами, когда медсестра пыталась заставить меня снять окровавленную одежду. Кожей я все еще ощущаю укол иглы, движение успокоительного по телу, пока я молила: «Никаких лекарств, никаких лекарств, никаких лекарств», на самом деле имея в виду: «Она мертва, она мертва, она мертва».

— Но тебе не обязательно было оставаться со мной. Ни в больнице, ни после. Учитывая, что ты едва меня знала.

— Ты пережила ужасные события, — тихо говорит Рейчел. — И несправедливо, что все тебя винят. Даже если бы той ночью ты покупала наркотики, это не имело бы значения. Единственный виновный человек — тот парень, спустивший курок. И мы его найдем. Я ставлю на тебя. Целую десятку.

Она решительно улыбается, побуждая к ответной улыбке.

И получает ее.

ОДИННАДЦАТЬ МЕСЯЦЕВ НАЗАД (ШЕСТНАДЦАТЬ ЛЕТ)

Я не планирую красть рецептурные бланки.

Ну правда. Даже мысли о подобном не возникает до субботы, когда я прихожу к папе на работу в обеденный перерыв. Тем летом стоит удушающая жара, в некоторые дни чуть ли не 40 с лишним градусов, и мне бы лучше купаться на озере и тому подобное, но я люблю проводить время с папой. Каждую четвертую субботу месяца он бесплатно чистит детишкам зубы, так что я обычно захватываю что-нибудь и иду к нему в обед.

— Подождешь немного, солнышко? — спрашивает он, когда один из ассистентов проводит меня к нему в кабинет. — Нужно кое-что проверить, а уж потом мы пообедаем.

Я кладу пакет с сэндвичами пастроми на его стол около часов из древесины с наплывами, которые мама подарила ему на одну из годовщин.

Он закрывает за собой дверь кабинета, а я сажусь на его вращающийся стул и вздрагиваю, когда спинка отклоняется слишком далеко.

На папином столе безупречный порядок, все на своем месте. Есть несколько фотографий, на одной мы с мамой стоим рядом, почти касаясь плечами, нас освещает серебром, на другой, снятой незадолго до аварии, папа стоит у боковой линии на поле, он тренировал нас с Миной в футбольной команде. Еще есть черно-белое фото, мне на нем лет одиннадцать-двенадцать, волосы у меня длинные и заправлены за слишком большие уши. Глаза прикрыты, я улыбаюсь и тянусь к кому-то за камерой. К Мине, конечно. Всегда к Мине. Она строила мне рожицы, пока папа фотографировал. Помню, как тяжело было удержаться от смеха.

Провожу пальцами по папиной коробке с ручками, аккуратно сложенных по цветовой гамме. Открываю верхний ящик стола. Там лежат пачки стикеров, снова по цвету, а под ними...

Бланки для рецептов. Целыми стопками.

В этот момент голова пустеет, остаются лишь мысли об этих бланках.

У меня всегда было бы достаточно таблеток. Мне никогда не пришлось бы волноваться по этому поводу. Никогда не пришлось бы высчитывать, чтобы не заметили доктора. Это было бы так хорошо. Так правильно.

Бумага щекочет кожу, когда я листаю пачку подобно нарисованному в блокноте мультфильму. В голове пусто, я почти на грани от своих мыслей.

Я не планирую их красть.

Но все равно краду.

Пока засовываю блок в сумку, даже не беспокоюсь о неприятностях, которые могут за этим последовать.

Я слишком влюблена в идею о большем, об оцепенении и уходе от реальности.

СЕЙЧАС (ИЮНЬ)

Когда я слышу звук открывшейся входной двери, то думаю, что это мама проверяет меня. Вчера она пришла на обед, и мы в тишине сидели друг напротив друга за кухонным столом, пока я ела, а она пила кофе и просматривала записи по делу.

Я останавливаюсь наверху лестницы. Я замечаю его прежде, чем он видит меня, и у меня есть секунда, только секунда, надежды.

Но затем его взгляд цепляет меня, и в воздухе вспыхивает неловкость, как каждый раз с тех пор, как он нашел мой тайник с бланками, которые я ukrала у него.

Папа не разочарован во мне, как мама. В нем нет того гнева и страха, что подпитывает ее. Нет, вместо них он просто не знает, как вести себя со мной и что чувствовать, и порой я думаю, что даже хуже, что он не может решить, винить меня или простить.

— Привет, пап.

— Привет, Софи.

Я стою наверху лестницы, надеясь, что расстояние защитит меня.

— Как поездка?

— Продуктивно. Ты как? Обживаешься?

Мне хочется все ему рассказать. Что Трев смотрит на меня, словно он мазохист, а я — воплощение боли. Что мы с мамой застряли в этой больной игре, кто первая сломается. Что мне нужно сходить на могилу Мины, но я не могу, потому что боюсь, если схожу — то все станет столь реальным, что я ускользну. Что упаду и никогда не больше не поднимусь.

Давным-давно я была папиной малышкой. Я безумно любила его. Но той девочки больше нет. То, что от нее осталось, сгнило в таблетках и потерях.

Я не та дочь, что он воспитывал. Я не та дочь, что хотела моя мать.

Я стала нечто другим, кошмаром каждого родителя: спрятанные в комнате наркотики, ложь, звонки посреди ночи, стук полиции в дверь.

Теперь он помнит именно это. Не тот раз, когда он сводил меня на «Щелкунчика», а я так испугалась Мышиного Короля, что забралась к нему на коленки и он обещал меня защищать. Или когда он пытался помочь Треву собрать ящики для цветов и отбил пальцы молотком. Он стоматолог, и молоток не его инструмент, но он все равно этим занимался.

— Софи? — папин голос прерывает поток мыслей.

— Прости, — на автомате говорю я. — Да, все хорошо.

Он смотрит на меня дольше необходимого, его лоб прорезает морщина, которую я не замечала прежде. Гляжу на седину на его висках. Стало ли ее больше с нашей последней встречи? Я знаю, о чем он думает. *«Она просто осматривает или под чем-то?»*

Это невыносимо.

Девять месяцев. Три недели. Три дня.

— Я хотела пойти в свой сад. — Показываю на задний двор, чувствуя себя глупо.

— А мне надо поработать. — Он колеблется. — Не против, если я составлю тебе компанию и посижу на веранде?

Я почти говорю «нет», но тут думаю о морщинах и проседи в его волосах, которым стала причиной. Пожимаю плечами.

— Конечно.

Тот час, что мы проводим в саду, мы не разговариваем. Он просто сидит за столом из тика и разбирается в бумагах, а я рою ямки и удобряю почву.

Такой раньше была моя надежная жизнь.

Теперь мне это понятно.

ДЕВЯТЬ МЕСЯЦЕВ НАЗАД (ШЕСТНАДЦАТЬ ЛЕТ)

Все три недели, что я живу у нее, Мейси задает жару: никакого телефона, никакого компьютера, ничего, пока я не начну разговаривать с мозгоправом, которого она ко мне присылает, пока не начну следовать ее расписанию, пока наконец не признаю существование проблемы.

Единственное указание, которому я повинуюсь, это занятия йогой с Питом. Пит хороший парень, он мне нравится. Он тихий; он не пристает ко мне с вопросами, просто помогает с позами, которые сам же и показывает. В первую неделю я услышала его разговор со своим старым физиотерапевтом. На следующий день он кладет коврик-циновку мне на кровать со словами: «Встретимся в студии на заднем дворе». Бамбуковое покрытие полов приятно холодило ноги, а в воздухе витал запах корицы от ароматических палочек, напоминающий Рождество.

Ни за что не признаюсь Мейси, но мне нравится такое утреннее времяпрепровождение. После стольких лет притупления чувств всем, что под руку попадется, непривычно сосредотачиваться на чем-то позитивном, связанным с моим телом. Обращать внимание на дыхание и то, как растягиваются мышцы, отпускать мысли, отталкивать их, чтобы *почувствовать* — прочувствовать воздух, и движения, и то, что я могу согнуть больную ногу и хоть раз пошевелить ею так, как хочу сама.

Иногда я осекаюсь. Иногда нога или спина побеждают.

Но иногда я могу проделать все приветствие Солнцу^ш без единой ошибки или колебания, и так приятно ощущать контроль, силу в себе, что слезы сами текут по лицу, а внутри разрастается нечто похожее на облегчение.

Пит всегда молчит насчет слез. Когда я заканчиваю, мы сворачиваем коврики и возвращаемся в дом, где Мейси готовит завтрак. Мои щеки сухи, и я делаю вид, что ничего не было.

Но те чувства, память, они никуда не делись. Искра ждет подпитки, чтобы разгореться пламенем.

Как-то вечером, когда Мейси искала очередного идиота, попытавшегося сбежать от правосудия, Пит стучит в мою дверь. Мне разрешено держать ее закрытой, но никакого замка, что ужасно меня бесит с самого моего появления здесь.

Мейси никогда не стучится. Говорит, что я не заслужила этого.

— Входи.

Пит держит в руке конверт.

— Тебе кое-что пришло.

— Я думала, тиранша сказала — никаких контактов с внешним миром.

— Тогда не выдавай меня.

— Ты серьезно? — Поверить не могу, что он отдаст его мне. Но парень все же кладет конверт в изножье кровати и, посвистывая, шагает к выходу из комнаты.

— Пит, — окликаю я. Он оборачивается и усмехается. Передние зубы у него слегка кривоваты, а на щеках следы от акне, но зеленые глаза большие и приветливые, и я внезапно понимаю, почему Мейси смотрит на него так, словно он лучшее, что она видела в своей

жизни. — Спасибо.

— Понятия не имею, о чем ты, — говорит он, широко и невинно улыбаясь.

Опускаю взгляд на письмо. Под адресом Мейси фиолетовыми чернилами написано мое имя.

Округлым почерком Мины.

Открываю конверт, едва не разорвав в спешке письмо. Разворачиваю блокнотный лист, а сердце стучит так, словно я слишком долго держала позу. Слова написаны карандашом, что очень странно, потому что, сколько я себя помню, у нее всегда был запас фиолетовых ручек.

Софи...

Я знаю, ты до сих пор злишься. Не уверена, что ты даже прочтешь это письмо. Но все же...

Поправляйся, пожалуйста. Сделай это ради меня, если не можешь ради себя.

Мина.

Провожу пальцами по месту, где написано «меня», пытаюсь прощупать слово, которое она стерла. Чувствую три буквы, затененные, едва заметные завитки Н, А и С, которые стерты не до конца: *сделай это ради нас.*

Когда тетя Мейси возвращается домой и без стука заглядывает в мою комнату, я все еще сижу с письмом на коленях.

— Софи?

Когда я не отвечаю, она заходит и садится рядом. Я держу глаза на письме. Я не настолько сильна, чтобы смотреть на нее сейчас.

— Ты права. Я наркоманка. Я признаю свою проблему.

Мейси протяжно выдыхает, почти беззвучное облегчение.

— Хорошо, — говорит она. — А теперь посмотри мне в глаза и повтори.

Когда я не повинуюсь, она берет меня за руку и крепко сжимает ее.

— Ты справишься.

Я поверила ей. Я старалась. Теперь я следовала правилам, разговаривала с терапевтом, начала ментальный календарь, превращая дни в недели, а после и в месяцы. Я взяла себя в руки, боролась и одержала победу.

Мне хотелось стать лучше. Ради Мины. Ради самой себя. Ради того, что может ждать меня по возвращении домой.

Но вот что стоит запомнить, когда выбираешься из дыры, в которую сама же себя и загнала: чем выше поднимаешься, тем больше падать.

СЕЙЧАС (ИЮНЬ)

На неделе я трижды звоню Треву, но он не берет трубку. После третьего неотвеченного звонка меняю тактику и еду в офис газеты «Харпер Бикон», где мне говорят, что куратора стажеров нет в городе.

Родители все так же пристально наблюдают за мной, поэтому дни я провожу в саду среди клумб из красного дерева, которые построил для меня Трев.

После аварии Мина настояла, что мне нужно хобби, и вручила список. Я выбрала садоводство, лишь бы она только отстала от меня, но ее, как обычно, бросило в крайность. Она заявила на следующий день, а Трев в своем фургоне притащил пиломатериалы, молоток и гвозди, мешки с почвой, ящики с рассадой и пенопластовые наколенники, чтобы мне не было больно сидеть.

Мне нравится копаться в земле, ухаживать за нежными ростками. Нравится наблюдать, как они оживают, становятся крепче, зацветают, — и понимать, что все это сделано моими руками. Иногда больно опускаться и подниматься, но результат стоит всех усилий. Благодаря мне появляется что-то прекрасное.

Весь день я пропалываю, вытаскиваю камешки и убираю глиняную землю из заброшенных клумб, а после наполняю их новой, обогащенной компостом. К середине недели две клумбы в идеальном состоянии, чтобы подумать о посадке в них растений. Я провожу пальцами по потертому дереву, составляя в голове списки цветов, которые позже прорастут здесь.

Внешние стенки деревянных клумб Мина разрисовала сердечками и знаками бесконечности, добавив, когда уже сидела здесь со мной, свою любимую цитату, а вокруг нее звезды, двух держащихся за руки девочек и улетающие ввысь красные воздушные шары. Отряхиваю грязь с пальцев, чтобы коснуться того, чего касалась она.

— Софи.

Я поднимаю взгляд. На крыльце стоит папа, одетый в свою постоянную голубую рубашку и галстук. Галстук висит криво, и мне так и хочется потянуться и поправить его, но я не могу.

— Через час у тебя первая встреча с доктором Хьюзом, — говорит он. — Я перенес несколько пациентов на другое время, поэтому смогу отвезти тебя. Сходи переоденься.

Отрываюсь от дерева и следую за ним в дом.

Офис доктора Хьюза находится в одном из более старых районов города, в квартале, где большинство зданий теперь стали офисами. Папа паркуется у сине-белого знака с именем доктора Хьюза. Маленький одноэтажный домик окрашен в тот же цвет, что и знак, слишком радостный на фоне бледного неба.

Меня удивляет, что папа выходит из машины следом за мной.

— Ты зайдешь?

— Посажу в приемной.

— Я не сбегу с сеанса.

Он поджимает губы, отпускает ручку двери.

— Тогда заберу тебя через час.

Я почти дохожу до двери, когда его голос останавливает меня:

— Мы хотим, чтобы ты поправилась. Потому и отправили тебя в Центр. Ты же это понимаешь?

Я не смотрю на него. Не могу ответить так, как он этого хочет. Не могу, не солгав.

Я уже поправилась.

Офис полон удобной мебели и работами Нормана Роквелла^[2] на стенах. Девушка на ресепшене поднимает глаза от бумаг и улыбается.

— Доброе утро.

— Здравствуйте. Я Софи Уинтерс. Записана на двенадцать.

— Пройдемте за мной.

Она проводит меня в просторную комнату со столом, мягким диваном и кожаными стульями. Я сажусь на диван, а она закрывает за мной дверь. Мои плечи утопают в мягкой обивке, да и сама я тону в ней.

Доктор Хьюз входит без стука. Им оказывается смуглый пожилой мужчина, с опрятной седой бородкой и в квадратных очках в черной оправе. Он невысокий — я и то выше, если встану, — и полный, круглый живот обтягивает уютный вязаный жилет.

— Здравствуй, Софи. — Он садится за свой стол и разворачивает стул, чтобы быть ко мне лицом. Очки скрывают его добрые глаза. Он излучает заботу. Как и должно быть с хорошим психотерапевтом.

Отчего ужасно хочется свалить отсюда.

— Здравствуйте. — Я поглубже усаживаюсь на диване, желая, чтобы он меня поглотил.

— Я доктор Хьюз, но ты можешь звать меня Дэвидом. Как твое самочувствие?

— Отлично.

— Я переговорил с доктором Чарльз насчет тебя, еще у меня есть ее записи и твоя медкарта. Так же я провел несколько сеансов с твоими родителями.

— Ага.

— Как проходит твоя адаптация?

— Нормально. Я в порядке. Все просто отлично.

Он, постукивая ручкой по блокноту, смотрит на меня.

— Доктор Чарльз предупреждала, что ты крепкий орешек.

Я сажусь прямее, словно бы защищаясь.

— И не собиралась им быть.

Дэвид откидывается на стуле назад, он прищуривает глаза и кривит губы.

— Но все же, думаю, так и есть, — говорит он. — А еще я думаю, что ты умная девушка, которая очень хорошо умеет хранить секреты.

— Решили так от нескольких заметок и чего — часового разговора с доктором Чарльз?

Он усмехается.

— Вот сейчас уже больше похоже. Доктор Чарльз превосходный специалист. Но когда ты перестала сопротивляться терапии в Центре, ты стала говорить ей именно то, что она хотела слышать — то, что она ожидала услышать от зависимой на грани рецидива.

— Я и есть зависимая.

— Хорошо, что ты это признаешь, — говорит Дэвид. — Это значительный шаг. Но сейчас я больше обеспокоен полученной тобою травмой. Из записей доктора Чарльз мне стало ясно, что ты обходишь тему Мины каждый раз, когда она ее поднимала.

— Нет, это не так.

— А не ты ли разбила кофейный столик, когда доктор Чарльз спросила о ночи, когда убили Мину?

— После аварии я стала жутко неуклюжей.

Дэвид скептически поднимает бровь. Не знаю, что такого он нашел в моей фразе, что решил законспектировать. И от этой неопределенности покалывает спину. Я не собираюсь подыгрывать ему, как доктору Чарльз.

— Почему ты не рассказываешь о Мине? — спрашивает он.

— А что вы хотите знать?

— Как вы познакомились?

— Мина переехала сюда после смерти отца. Во втором классе. Учительница посадила нас рядом.

— Вы много времени проводили вместе?

С ответом на этот вопрос я медлю.

— Софи? — мягко напоминает он.

— Мы были неразлучны, — говорю я. Спокойным голосом говорить не выходит. Он срывается от бурлящих внутри эмоций. Я отвожу взгляд от мужчины, впиваясь ногтями в джинсы. — Я не хочу говорить о Мине.

— Мы должны поговорить о Мине, — спокойно замечает Дэвид. — Софи, ты пережила серьезный стресс, и, не успев с ним разобраться, тебя заперли на реабилитацию. Хотя я и понимаю мотивы твоих родителей, возможно, это была не самая лучшая идея для исцеления твоего горя.

— Основная часть терапии в Центре была сосредоточена на твоих проблемах с зависимостью. Я сомневаюсь, что тебе давали возможность разобраться с тем, что произошло с вами в ночь убийства Мины. Но я могу помочь тебе с этим, если ты, конечно, позволишь.

Внутри вспыхивает гнев, в кровь ударяет паника. Мне хочется его стукнуть. Кинуть в него этими дурацкими диванными подушками с кисточками.

— По-вашему, я не *старалась разобраться*? — спрашиваю я вполголоса, изо всех сил стараясь сдержаться от крика. Слезы накапливаются где-то внутри, угрожая прорвать плотину. — Она умерла в страхе и боли, и я *чувствовала* это — когда она умирала, когда она умерла, я все чувствовала. И не смейте мне говорить, что я не пытаюсь с этим справиться. Я пытаюсь, каждый день пытаюсь.

— Хорошо, — говорит Дэвид. — Расскажи мне, как ты справляешься.

— Справляюсь, и все, — отвечаю ему. Я все еще тяжело дышу, но приказываю себе не плакать перед ним. — Потому что приходится.

— Почему приходится? Что тебя мотивирует?

— То, что мне нужно оставаться чистой.

Такой ответ мог бы сработать с доктором Чарльз, но не с этим парнем. Перед поездкой я быстренько прогуглила его и нашла четыре статьи о ПТСР и его влиянии на подростков. Мама с папой неплохо подготовились. Расправившись с моей зависимостью, они решили теперь вылечить меня полностью. Новая Улучшенная Софи. Целостная, без резких краев и острых углов. Которая не знает, как выглядит смерть.

— Не думаю, что ты говоришь мне всю правду, — замечает Дэвид.

— Вы что, детектор лжи в человеческом обличье?

— Софи, ты можешь мне довериться. — Дэвид наклоняется вперед, весь внимание. —

Что бы ты ни сказала здесь, какой бы тайной ни поделилась, никто больше о ней не узнает, и от меня не будет никакого осуждения. Я на твоей стороне. Я могу тебе помочь.

Я пристально гляжу на него.

— Вы уже принуждали меня говорить о том, чего я не хочу. Не слишком-то это порождает доверие.

— Дать тебе возможность открыться — это не уловка. Лишь попытка найти верное русло для разговора. Тебе нужно с кем-то поделиться, иначе тебя разорвет.

— Таково ваше профессиональное мнение?

Он улыбается, беспристрастно, без жалости, без осуждения. И очень непривычно.

— Именно так, — с иронией отвечает он. По столу он придвигает ко мне коробку бумажных платочков. Я беру парочку, но вместо того, чтобы промокнуть глаза или высморкаться, я мну их в руках.

— Подобного больше не произойдет, — уверяю его. — И даже не начинайте надеяться.

— Как скажешь. — Он кивает и улыбается. Я отвожу взгляд.

ПОЛТОРА ГОДА НАЗАД (ШЕСТНАДЦАТЬ ЛЕТ)

Утром моего шестнадцатого дня рождения я просыпаюсь с приклеенной ко лбу фиолетовой открыткой. Отрываю ее и думаю, как она, блин, умудрилась прилепить ее и не разбудить меня.

Поздравляшки! Сейчас 5:15 утра, тебе официально шестнадцать. Следующий шаг твоего сюрприза в шкафу.

— Мина

P.S. Да, тебе придется надеть то, что я выбрала. Без возражений. Если оставить выбор тебе, ты просто наденешь джинсы. Пожалуйста, хоть раз послушай меня. Цвет прекрасен.

Я выбираюсь из кровати и открываю шкаф. Она купила мне новый наряд. Не удивительно, учитывая ее постоянные жалобы на мое чувство вкуса. Я перебираю мягкую ткань платья. Да, его темно-красный цвет красив, но оно чересчур короткое.

Все же вытаскиваю его из шкафа и вижу следующую записку.

Без возражений!!!

Закатив глаза, я выбираю два топа, которые надеваю под платье, чтобы скрыть шрам на груди, леггинсы и сапоги до колен. Наношу последние штрихи макияжа, когда раздается стук в дверь.

— Проснулась, именинница?

— Доброе утро, пап. Входи.

Он толкает дверь с широкой улыбкой на лице.

— Красивое платье, — говорит он. — Новое?

— Мина, — объясняю я.

Папа усмехается.

— К слову о Мине... — Он вручает мне конверт. — Прокралась утром. Хотела, чтобы я отдал его тебе. У вас какие-то планы на сегодня?

Я киваю.

— Но вечером я вся ваша с мамой, — обещаю.

— Хорошо, — говорит папа. — Мне пора на работу. Маме пришлось уйти пораньше. Но внизу тебя ждет сюрприз. — Он ерошит мне волосы. — Шестнадцать. Поверить не могу.

Я жду, пока не слышу звуки отъезжающей машины, прежде чем принять утреннюю дозу Окси.

Уверена, в это он тоже не поверил бы.

Иди к мосту Олд Милл и жди на середине.

Мина любит дни рождения. Мы с Тревом много лет пытались опередить ее, но всегда безуспешно. На мой тринадцатый день рождения она подговорила папу помочь ей в тщательно продуманной уловке, включающей спущенную шину, клоуна и каток, полный воздушных шаров в виде животных. Целый год она планировала восемнадцатилетие Трева. Я помогала ей украсить его парусную лодку, чтобы та стала похожа на жертву кораблекрушения. Мы всю ее заполнили подарками и поплыли к одному из небольших островков, наполняющих озеро. Мина позаботилась, чтобы Трев одолжил лодку у друга, и отправила ему координаты, побуждая на поиски сокровища, на каждом пункте остановки оставив шоколадную монету в фольге.

А теперь, похоже, главная роль в таком сюрпризе у меня.

Олд Милл закрыт за ненадобностью, потому что ниже по реке построен новенький мост. Я касаюсь пальцами покрытых мхом кирпичей, отыскивая то, что не принадлежит этому месту.

Вспышка яркого цвета привлекает мой взгляд — к одной из каменных колон привязан красный шар. Я подхожу и отвязываю его, но записки нет. Оглядываюсь, ожидая, что она сейчас выпрыгнет откуда-нибудь, вся такая восторженная, хитрая и с улыбкой на лице.

— Мина? — зову я. Осматриваю землю. Может, записка упала.

Но ничего не нахожу.

У меня звонит телефон.

— Ты что-то забыла? — спрашиваю в трубку.

— Лопни шарик, — говорит она, и в ее голосе слышна улыбка.

— Ты следишь за мной? — снова осматриваясь, спрашиваю я. Подхожу к краю и перегибаюсь через перила, пытаюсь найти ее. Так приятно облокотиться на крепкий камень, хоть на секунду убрать вес с больной ноги.

— У меня бинокль и все такое, — говорит Мина, понизив голос в попытке звучать опасно, но проваливает ее, разразившись смехом.

— Сталкерша. Ты где?

— Мне нужно было убедиться, что никто не заберет шарик! Твой папа написал мне, когда ты проснулась.

— Могла бы просто показаться, — предлагаю ей. Смотрю вниз через ограждение и наконец нахожу ее на северной стороне, внизу, около берега. Она выделяется, ее ярко желтое платье контрастирует с серыми камнями.

— Лопни шарик, и потом я подойду, — обещает она.

Я откапываю свои ключи и тыкаю самым длинным в воздушный шар. Он лопается, и на землю, укатываясь, падает что-то маленькое и серебряное. Я тянусь, опираясь на здоровое колено, за этим чем-то, когда оно останавливается.

Долгое мгновение я молчу. В руке колечко, у уха — телефон.

— Софи? Ты нашла его? — спрашивает Мина.

— Да, — отвечаю я. — Да. Я... — Пальцем ощупываю надпись, выгравированную на кольце. — Оно прекрасно. Мне нравится.

— У меня такое же, — говорит Мина. — Они парные.

— Ага. Парные.

Провожу пальцем по слову, надавливаю на надпись, впечатывая себе в кожу.

Навсегда.

СЕЙЧАС (ИЮНЬ)

Папа подвозит меня до дома. Он не выходит, а остается в заведенной машине и ждет, пока я не окажусь в безопасности дома. Дожидаюсь, пока он уедет, сажусь в свою машину и направляюсь в городскую оранжерею.

Пытаюсь там отвлечься среди рядов грядок. Глубоко вдыхаю пропитанный ароматами земли и зелени воздух, тяжесть в груди отступает, впервые с той минуты, когда я ступила в кабинет Дэвида.

Оплатив маргаритки и органическую почву, я с улыбкой качаю головой девушке, поинтересовавшейся, нужна ли мне помощь. Тележка нагружена под завязку, но я упираюсь в нее всем весом, сжав зубы от нагрузки на мышцы.

К тому моменту, как я добираюсь до машины, нога болит до такой степени, что я сейчас не отказалась бы от помощи, предложи мне ее. Позади раздается гудок автомобиля, и я убираю с дороги тележку.

— Привет, Софи, неужели это ты? — Из окна своего пикапа в меня всматривается Адам Кларк. Как с многими другими людьми из школы, я знакома с ним почти всю свою жизнь. Около года он встречался с нашей подругой Эмбер, и она не замолкая все твердила, что он похож на кантри-версию диснеевского принца. Соедините потрепанную бейсболку, ковбойские сапоги и пристрастие к джинсам и футболкам с логотипом компании «Джон Дир» с его зелеными глазами, прямым носом и идеальной улыбкой и поймете, что слова Эмбер не лишены смысла.

— Привет, Адам.

Он смотрит на тележку у моих ног, и на его лице расплзается понимание.

— Нужна помощь?

Когда мне наконец позволили вернуться в школу после аварии, каждому из нашей компании Мина дала задание убедиться, что мое возвращение проходит гладко. Явно выделила все на календаре цветными блоками с кодовыми именами. Эмбер помогала мне в туалете, потому что перерывы на обед у нас с Миной были в разное время. Коди отвечал за напоминание о приеме лекарств, потому что был самым пунктуальным. А Адам и Кайл, будучи самыми крупными в компании (и еще у нас совпадали уроки), носили мои вещи и не давали падать.

Поначалу меня нереально бесили эльфы Мины, но после тех четырех раз, когда я, еще будучи здоровой, кривой походкой выходила из туалета для людей с ограниченными возможностями, я понимала, что от помощи лучше не отказываться. И научилась быть благодарной Эмбер за то, что она захлопывала двери туалета перед всеми, кто пытался зайти.

— Не помешала бы. Спасибо, Адам.

Адам подъезжает к моей машине и выскакивает из своего фургона.

— Разбиваешь сад?

— Ага, надо же чем-то занять себя. — Открываю багажник, и парень укладывает в него первый мешок с почвой. — А ты что здесь делаешь?

— Миссис Джаспер покупает у нас с Мэттом оленину. Она делает джерки ^[3] из нее.

— Хороший год?

Адам улыбается, поворачивая бейсболку козырьком назад, отчего на лоб спадают локоны темных волос.

— Да. И Мэтту становится лучше. Он восстанавливается. — Подняв следующий мешок на плечо, он сбрасывает его в багажник.

— Сам-то как? — спрашиваю я, совершенно не желая, чтобы разговор перешел на меня. — Так и идешь на футбольную стипендию?

— По крайней мере пытаюсь. — Он усмехается. — Кажется, это единственный способ свалить отсюда. Но дядя Роб считает, что у меня неплохие шансы. Не слезает с меня, от такого количества тренировок умереть хочется.

Я сочувственно вздрагиваю.

— Помню, с нами то же самое было. Мой папа считал, что мы еще слишком малы для таких темпов. Они часто спорили по этому поводу.

— Я и забыл, что ты тоже играла.

— Где-то сезон, после перешла в плавание. А потом сам знаешь что случилось. — Я пожимаю плечами.

Адам тянется и сжимает мою руку, а мне стоит больших усилий не отпрянуть. Если я не успеваю этого заметить, то, как правило, отпрыгиваю, когда люди прикасаются ко мне. Уверена, Дэвид многое сказал бы по этому поводу.

— Я знаю, как бывает тяжело. Но все станет лучше, — серьезно говорит он. — Тебе просто нужно оставаться чистой. Мой брат через это проходил, ты же знаешь. Он тоже сорвался. Наломал немало дров, украл у мамы деньги — она едва не потеряла наш дом из-за этого. Но дядя вывел его на верный путь. Мэтт признал свою вину и сейчас проходит очень хорошую программу. Восстанавливается, как я уже говорил. Они с мамой даже снова начали общаться. Поэтому я уверен, если ты всерьез за это возьмешься, не отвернешься от семьи, то ты справишься. Ты сильная, Соф. Просто подумай обо всем, через что тебе пришлось пройти.

— Очень мило, — отвечаю я. — Спасибо.

Адам улыбается.

— Знаешь, рад, что мы встретились. Кайл упоминал, что вы двое столкнулись на прошлой неделе.

— Он так и сказал? — с напускной легкостью спрашиваю его.

— Слушай, я понимаю, что у вас там какие-то свои проблемы. Но серьезно, Соф, та егссора с Миной...

— Какая ссора?

— Я думал, вы поэтому... — Он резко замолкает, его щеки краснеют. — Наверное, мне не стоило...

— Нет, расскажи мне, — говорю я, и, видимо, слишком быстро, потому что он недоуменно сводит темные брови.

— Слушай, Кайл мой лучший друг... — начинает он.

— А Мина была моей лучшей подругой.

Адам вздыхает.

— Да это не важно, — говорит он. — Они просто... они поссорились накануне ее смерти. Кайл пришел ко мне в дерьмовом состоянии. Он не сказал бы, что случилось, но был он реально расстроен. Чувак даже плакал.

— Кайл плакал? — Не могу даже представить плачущим такого здоровяка, как Кайл.

— И это было очень странно, — признает Адам, качая головой.

— Он вообще ничего не говорил? Не говорил, из-за чего они поругались? — В тот день она не отвечала на его звонки. Что же стало причиной такой ссоры, что он поехал плакаться в жилетку своему лучшему другу? Достаточно ли этого было, чтобы он захотел убить ее?

— Он так набухался, что я и половины сказанного не понимал. Просто продолжал твердить, что она не выслушала бы его и что его жизнь кончена. Думаю, ему тяжело было это вспоминать, потому что, ну, знаешь, они поругались, и он не успел извиниться.

— Ага, — но я, сморщив лоб, уже перевариваю информацию.

— Зря я все растрепал, — говорит Адам, когда молчание слишком затягивается. Он хватает оставшиеся в тележке два мешка и переносит их в багажник, после отряхивает руки о джинсы. — Прости.

— Нет, все нормально. Спасибо, что рассказал. И спасибо, что помог мне с этой землей.

— Дома есть кто-нибудь, кто поможет ее выгрузить?

— Да, папа.

— Напиши мне как-нибудь, — кричит Адам, садясь в свой фургон. — Можем выбраться погулять.

Он отъезжает, а я машу ему вслед. Залезаю в машину и со всех сил давлю на газ, словно чем быстрее я еду, тем скорее оставлю все вопросы позади.

По приезду я оставляю мешки с почвой в машине и направляюсь напрямик в дом. Приняв душ, делаю то, чего так страшилась. Слишком долго я откладывала обыск комнаты Мины. Раз уж Трев не хочет отвечать на мои звонки, придется обмануть его. Но это значит, что нужно будет дождаться, пока папа придет домой, чтобы воспользоваться его телефоном. Поэтому я заставляю себя взять картонную коробку и подняться наверх в свою комнату, чтобы наполнить ее вещами Мины. Только так я смогу попасть к ним домой.

За столько лет ее одежда и украшения перемешались с моими. У меня до сих пор остались папки с газетными вырезками и распечатками статей из интернета, которые она просматривала, пока мы лежали на моей кровати, слушая музыку. Книги, фильмы, серьги, косметика и духи, все они смешивались, пока становились не просто ее или моими. А нашими общими.

Куда бы я ни посмотрела, везде она. Мне не сбежать от нее, как ни пытайся.

Я тщательно выбираю, что сложить в коробку, знаю ведь, что Трев пролистает каждую книгу, каждую вырезку, словно в них заложен какой-то глубинный смысл, послание, чтобы утешить его. Украшения он переложит обратно в красную бархатную шкатулку у зеркала, а одежду — в шкаф, и никогда больше не достанет их.

Кладу последнюю книгу в коробку и слышу, как папа открывает входную дверь.

Выхожу на лестницу.

— Хороший день? — спрашиваю его.

Он улыбается.

— Да, солнышко, неплохой. А ты весь день дома была?

— Съездила в магазин за почвой. И ромашками.

— Рад, что ты все занимаешься садоводством, — говорит папа. — Тебе полезно бывать на солнце.

— Я собиралась позвонить маме и спросить, что она хочет на ужин, но мой телефон заряжается наверху. Можешь дать свой?

— Конечно. — Он подходит ко мне, по пути доставая телефон из кармана коричневых брюк.

— Спасибоочки.

Я жду, пока он не исчезает в кухне, а после выхожу на крыльцо. Сначала я звоню маме, так что фактически я не лгала, но меня перебрасывает на голосовую почту. Наверное, она на совещании.

Жму на номер Трева.

— Это Софи, — быстро говорю я, когда он отвечает. — Пожалуйста, не клади трубку.

Пауза, потом вздох.

— Чего тебе?

— У меня остались ее вещи. Я подумала, может, ты хочешь их забрать. Я могу привезти их.

Снова долгая пауза.

— Давай попозже. Около шести?

— Приеду.

— Увидимся.

Только сбрасываю вызов, как меня охватывает беспокойство. Я не могу вернуться внутрь. Не могу просто сидеть наверху, рядом с тем, что от нее осталось, сложенным в коробку. Ухожу обратно в свой сад, потому что это единственное, чем меня можно теперь отвлечь от проблем.

Папа уже вытащил из машины мешки с землей и выстроил их у клумб. Машу ему со двора, и он машет мне в ответ с кухни, где моет посуду.

Неловкой кучей разваливаюсь на земле, тянусь к крайней клумбе и вытаскиваю из почвы камешки, откидывая их через плечо. Печет жаркое летнее солнце, и по спине стекает пот, пока я работаю. Согнутая под неудобным углом нога просто добивает меня, но я игнорирую боль.

Я разрываю мешок и приподнимаю его на край деревянной клумбы, засыпая туда свежую землю. Снова и снова зарываюсь руками во влажную почву, пропуская ее между пальцами, аромат влажной земли действует успокаивающе. Зарываясь руками все глубже, поднимаю нижнюю почву, перемешиваю старые и новые слои. Кончиком пальца задеваю что-то гладкое и металлическое, погребенное в глубине. Хватаю его и вытягиваю на поверхность потускневший кружочек серебра.

Удивившись, кладу кольцо на ладонь и стряхиваю грязь.

Ее кольцо. Я помню, как она думала, что потеряла его на берегу озера летом прошлого года. Мое лежит в шкатулке, запертое, потому что не стоит ничего без сочетающейся пары.

Так крепко сжимаю пальцы на кольце, что удивительно, как слово, выбитое на серебре, не отпечатывается на коже татуировкой.

ТРИ С ПОЛОВИНОЙ ГОДА НАЗАД (ЧЕТЫРНАДЦАТЬ ЛЕТ)

— Вставай давай.

Я натягиваю на голову одеяло и мычу:

— Отвянь.

Уже неделя, как меня выписали из больницы, и за это время я ни разу не покинула своей комнаты. С трудом даже встаю с кровати, слишком все напоминает, какой отстойной стала моя жизнь. Я могу лишь смотреть телек и принимать коктейль из обезболивающих, которые доктора все продолжают мне выписывать, и от них я словно в тумане и не желаю ничего делать, вообще.

— Поднимайся. — Мина сдергивает с меня все одеяла, и одной рукой мне нечего ей противопоставить — вторая еще в гипсе.

— Злыдня, — говорю ей, осторожно перекатываясь на другую сторону, вместо ответа укладывая подушку на лицо. От усилий, потребовавшихся для поворота, у меня вырывается стон. Даже с таблетками все болит, неважно, двигаюсь я или нет.

Мина шлепается на кровать рядом со мной, совсем не потрудившись сделать это поизящнее. От ее веса матрас подпрыгивает, раскачивая меня. Я вздрагиваю.

— Прекрати!

— Тогда вылезай из постели, — говорит она.

— Не хочу.

— Очень жаль. Твоя мама говорит, ты не хочешь выходить из комнаты. А когда твоя мама начинает звать *меня* на помощь, я знаю, что это проблема. Так что — вставай! Ты воняешь. Тебе в душ уже надо.

— Нет, — стону я, уткнувшись лицом в подушку. Придется мыться на этом дебильном стуле для немощных стариков. Мама каждый раз крутится за дверью, накручивая себя волнением, упаду ли я. — Просто отстань от меня.

— Ага, да-да, это *точно* сработает со мной. — Мина закатывает глаза.

Я не вижу, как она встает, а чувствую это. Слышу звук включившейся воды. На секунду решаю, что она включила душ в ванной, но потом подушку, которую я держу, вырывают у меня из рук, а когда я открываю рот, чтобы возразить, Мина выливает на меня стакан холодной воды. Я воплю, слишком резко принимая вертикальное положение, и это больно, черт, *как же больно*. Я до сих пор не могу привыкнуть, что не в состоянии повернуться и двигаться как раньше. Но сейчас так зла на нее, что мне все равно. Упираюсь здоровой рукой о кровать, хватаю подушку и швыряю в нее.

Мина довольно хихикает, пританцовывая вперед-назад, дразня меня пустым стаканом.

— Сучка, — говорю я, убирая упавшие на глаза волосы.

— Пока будешь мыться, можешь называть меня как хочешь, вонючка, — заявляет Мина. — Идем, вставай.

Она протягивает руки, и не так, как кто угодно другой, кто становится моей временной тростью. Не как папа, который хочет всегда меня носить. Не как мама, которая хочет завернуть меня в мягкое одеяльце и никуда больше не выпускать. Не как Трев, который до отчаяния хочет излечить меня.

Она протягивает руки, а когда я не сразу их беру, щелкает пальцами, напористо, нетерпеливо.

Как обычно.

Я кладу свою руку на ее. Она тепло и нежно улыбается, и сколько же в этой улыбке облегчения.

СЕЙЧАС (ИЮНЬ)

У дома Бишопов розовые ставни и белая отделка, а яблоневое дерево на переднем дворе растет сколько я себя помню. Прижав к бедру коробку, я опираюсь на перила и осторожно поднимаюсь на крыльцо.

Не успеваю позвонить, как Трев открывает дверь, и на секунду мне кажется, что мой план провалится, что он не пригласит меня.

Но он отступает, и я вхожу внутрь.

Странно чувствовать себя нежеланным гостем. Я половину жизни провела в этом доме и знаю каждый закоулок: где хранятся разный ненужный хлам, где спрятаны «Орео», где найти чистые полотенца.

Знаю все тайники Мины.

— Ты в порядке? — Взгляд Трева задерживается на том, как я поглаживаю больную ногу. — Давай, — он забирает у меня коробку и на секунду забывается, когда хочет взять меня за руку.

Но в последний момент вспоминает и одергивается. Потирает рот рукой и оглядывается через плечо на гостиную.

— Не хочешь присесть? — спрашивает он, но в его голосе так и сквозит нежелание.

— Можно я сначала в туалет сбегаю?

— Конечно. Ты в курсе, где он.

Как и ожидалось, его внимание уже все на коробке с вещами Мины. Он исчезает в гостиной, а я иду по коридору. Остановливаясь у двери ванной, открываю и закрываю ее, словно вошла внутрь, и на цыпочкахдвигаюсь через кухню к единственной спальне на первом этаже. Мине это нравилось. Она всегда была беспокойной по ночам, писала до самого рассвета, пекла булочки до полуночи, в три утра бросала камни в мое окно, выманивая на поездку к озеру.

Дверь комнаты закрыта, и я не решаюсь из страха, что она издаст какой-нибудь звук. Но это мой единственный шанс, так что я берусь за ручку и медленно поворачиваю ее. Дверь открывается, и я проскальзываю в комнату.

Когда придумывала план, я боялась, что, проделав весь этот путь, окажется, что все ее вещи упаковали по коробкам или увезли.

Но реальность намного хуже: все по-прежнему. Начиная от лавандовых стен и заканчивая девчачьей кроватью с балдахин, которую она выпросила в двенадцать лет. Ее бутсы так же стоят у стола, один на другом, словно она только что их сняла.

В спальне ничего не трогали. Кровать Мины не застелена, осознание приходит с ужасным чувством в животе. Я смотрю на скомканное одеяло, вмятину на подушке, и с трудом удерживаюсь, чтобы не прижаться рукой к месту, где покоилась ее голова, чтобы не провести по простыням, замершим следам ее последней безмятежной ночи.

Пошевеливайся, Софи. Я падаю на пол и заползаю под кровать, нащупывая неприбитую половицу. Подцепляю ногтями деревяшку, поднимаю ее и отодвигаю в сторону, подтягиваясь ближе.

Пальцы ныряют в тайник, задевая паутину, но ничего не нащупывают в укромном месте.

Вытаскиваю из кармана телефон и освещаю пространство под полом.

Глубоко-глубоко в углу свет задевает конверт. Я тянусь за ним и хватаю, в спешке комкая бумагу. Уже ставлю половицу назад, когда из коридора доносится голос зовущего меня Трева.

Черт. Поправляю доску и выбираюсь из-под кровати. Приходится прикусить губу, когда нога изгибается под неправильным углом и боль пронзает колено. Мне хочется опереться на кровать и переждать боль, но времени на это нет. Прерывисто дыша, засовываю конверт в сумку.

— Соф? Ты в порядке? — Трев стучит в дверь ванной.

Я вылетаю из спальни Мины, беззвучно закрываю за собой дверь, прежде чем проковылять на кухню и схватить из шкафа стакан.

Шаги. Поднимаю на него взгляд, пока включаю кран и наполняю стакан. Делаю глоток воды, пытаюсь не вызвать подозрений.

— Предполагается, что вода должна сократить мышечные судороги, — объясняю я, ополаскиваю стакан и ставлю на сушилку.

— Так и сидишь на всем натуральном? — узнает он, пока мы возвращаемся в гостиную. Я облегченно выдыхаю; он не заметил, что у меня сбито дыхание. Одна из ее книг лежит раскрытая на журнальном столике.

— Йога и разные травки. Инъекции кортизона в спину. Ненаркотические анальгетики.

Мы садимся на диван, словно застрявший в семидесятых, тщательно сохраняя между нами расстояние. Кроме нас, единственное, что изменилось в комнате, — это камин. Все наше детство свечи и распятия окружали большое черно-белое фото отца Мины. Иногда, ночуя у них, я видела, как миссис Бишоп зажигала свечи. И как-то раз она поцеловала свои пальцы и прижала их к уголку фотографии, и меня замутило от осознания, что всех нас когда-нибудь не станет.

Теперь рядом с фотографией отца стоит и фотография Мины. Она смотрит на меня из-под густой массы темных локонов, губы слегка изогнуты в хитрой улыбке с намеком на флирт, а во взгляде — лишь эхо взрывной энергии.

Некоторые вещи просто нельзя сохранить или перенести на фото.

Я отвожу взгляд.

— Твоя мама... — начинаю я.

— Она в Санта-Барбаре с тетей, — говорит Трев. — Так лучше для нее. Сейчас так лучше.

— Конечно. Осенью возвращаешься в универ?

Он кивает.

— Придется повторить последний семестр. И буду жить здесь и ездить каждый день туда-обратно. Когда мама вернется... я чаще буду рядом.

Теперь киваю я.

Снова это мучительное молчание.

— Мне пора, — говорю я. — Просто хотела отдать тебе коробку.

— Софи, — начинает он.

Он произносит мое имя так же, как это делала она. *Я знаю* его. Каждую его частичку, наверное даже больше, чем знала Мину, потому что Трев никогда ничего от меня не скрывал. Никогда даже не задумывался о подобном. Я знаю, что он собирается спросить. Что он от меня хочет.

— Не стоит, — говорю в ответ.

Но он непреклонен.

— Мне нужно знать, — слова выходят очень ожесточенными. Он так смотрит на меня, словно я отказываю ему в чем-то жизненно необходимом. В кислороде. В еде. В любви. — Я несколько месяцев изучал полицейские отчеты, газетные статьи и слухи. Я не могу. Мне нужно знать. И ты единственный человек, который может дать мне ответ.

— Трев...

— Ты должна мне хотя бы это.

Нет ни единого шанса избежать ответа на его вопрос. Если только не убежать.

Раньше мне легко удавалось избегать Трева. Сейчас же это невозможно.

Он — все, что у меня осталось от нее.

Тру колено, вжимая пальцы в болезненную мышцу между коленной чашечкой и костью. Если нажать сильнее, то чувствуются неровности шрамов. Больно, но это хорошая боль, исцеляющая.

— Спрашивай уже.

— Врач, который проводил вскрытие... сказал, что все случилось быстро. Что ей, возможно, совсем не было больно. Но мне кажется, он солгал, чтобы я не накручивал себя.

Я не хочу быть рядом с ним, когда он так поступает со мной — с нами обоими. Я сдвигаюсь к самому краю дивана, отклоняюсь подальше от него, защищаясь от атаки.

— Все было не так? — спрашивает Трев.

Киваю. Все было совсем наоборот, и он это знал, но я вижу, как мое подтверждение буквально ломает его.

— Она что-нибудь сказала?

Хотела бы я солгать ему. Хотела бы сказать, что она попросилась, что заставила меня пообещать присматривать за ним, сказала, что любит его и маму, что она видела, как на другой стороне отец ждет ее с распростертыми объятиями и приветливой улыбкой.

Хотелось бы мне, чтобы все было так. Хотелось бы, чтобы все случилось мгновенно, чтобы ей не было так страшно. Хотелось бы, чтобы ее смерть была спокойной и тихой, проявлением храбрости. Чем угодно, но не болезненным, неистовым хаосом, наполненным грязью, в которой мы стояли, нашим дыханием, кровью и страхом.

— Она все повторяла, что ей жаль. Что... ей больно. — Голос срывается, не могу больше продолжать.

Трев прикрывает рот руками. Его трясет, и я ненавижу себя за то, что пошла у него на поводу. Он не справится. Не сможет.

Это только моя ноша.

Было бы так легко заглушить все чувства таблетками. Пустить по себе змея, пустить его под кожу, ожидая, пока он набросится и затянет меня. Я могла бы забыть. Вдохнуть так много, что ничего уже не имело бы значения.

Но я не позволю себе отступить. Кто бы ни убил ее, он заплатит.

Девять месяцев. Три недели. Пять дней.

— Я пыталась, Трев. Я пыталась заставить ее снова дышать. Но что бы я ни делала...

— Уходи. Пожалуйста, уходи. — Он смотрит прямо перед собой.

Раздается шум, от которого я поворачиваюсь обратно, так и не дойдя до входной двери. Он пинком перевернул журнальный столик, отправив на пол все содержимое коробки. Он встречается со мной взглядом, и я выплевываю слова, чтобы сломать его, потому что именно

этого я сейчас хочу. Потому что он сам вынудил меня рассказать. Потому что он так на нее похож. Потому что он здесь, и я тоже, а ее нет — и это слишком несправедливо.

— Все еще не можешь ненавидеть меня, Трев?

ПОЛТОРА ГОДА НАЗАД (ШЕСТНАДЦАТЬ ЛЕТ)

— Как тебе Кайл Миллер? — спрашивает Мина. Мы уже полтора часа едем в университет Чико, где Трев получает степень бакалавра. Мине нравится брать меня с собой в эти ежемесячные поездки. А я никогда не отказываюсь, потому что обычно я рада, что увижусь с Тревом. Мина хотела выехать пораньше, поэтому у меня не выдаётся шанса принять таблетки, отчего меня всю потряхивает. Не стоило говорить, что я поведу машину, но сидеть на пассажирском месте в дальних поездках мне нравится не больше.

Мы минуем придорожные фруктовые лавки, знаки «ЗАКРЫТО НА ЗИМУ» качаются в ветру. По обе стороны от нас пролетают километры деревьев грецких орехов и оливковых садов, беспросветно чёрных на фоне бледно-серого неба. На пустырях ржавеют тракторы, на проволочных оградах висят уже вечные объявления о продаже.

— Соф?

— А?

— Хватит уже все осматривать тут. Кайл Миллер? Твое мнение?

— Я же за рулем. И с какого перепугу ты заговорила о Кайле Миллере? — Без понятия, почему я притворяюсь, что туплю. Когда Мине становится скучно, она развлекается с парнями.

— Не знаю. Он милый. Он приносил нам кексики, пока ты лежала в больнице.

— Я думала, их его мама пекла.

— Неа, сам Кайл. Мне Адам говорил. Кайл печет. Просто не любит об этом распространяться.

— Ну ладно, кексики — это неплохо. Но он не слишком-то сообразительный. — Я задумываюсь, в этом ли все дело. Что он не будет настолько внимательным, чтобы заметить. Мне всегда боязно, что Трев поймет.

— Кайл не тупой, — возражает она. — И у него такие большие карие глаза. Как шоколадные прям.

— Ой, да прекрати, — огрызаюсь я, слишком напряженная, чтобы скрывать своё раздражение. — Только не говори, что начнешь встречаться с ним лишь потому, что он смотрит на тебя, словно хочет стать рабом твоей любви.

Она пожимает плечами.

— Мне скучно. Мне нужно немного встряски. Этот год как никогда отстойный. Трев уехал, мама пропадает на своих благотворительных мероприятиях. Единственным развлечением за весь учебный год была подготовка к вечеру встреч выпускников.

— Взгляд Крисси, когда Эмбер ударила ее по башке скипетром, стоил всей недели отработки наказания.

Мина ухмыляется.

— А ты разбила ее корону.

Сейчас я и не стараюсь скрыть усмешку.

— Я случайно! Тот поддон был такой неустойчивый.

— Ага-ага, так я тебе и поверила, Соф, — говорит Мина. — Танцы были весёлые, отработка — не очень. Но я и не хочу веселья. Я хочу, чтобы что-то интересное случилось.

Как когда пропала Джеки Деннингс.

— Не говори так! Это ужасно.

— Нет ничего необычного в нераскрытых похищениях, — заявляет Мина.

— Ты что, снова на этой теме помешалась? В первый раз было довольно жутко.

— Да ничего не жутко. С ней *реально* случилось что-то плохое.

— Хватит страдать. Может, она просто сбежала.

— Или, может, она мертва.

У меня вибрирует телефон, Мина достает его и отключает напоминалку.

— Время лекарств?

— Ага. Подашь контейнер?

Она достает его из моей сумки, но не отдает мне. Искоса смотрит на меня, поворачивая коробочку в руках, таблетки стучат о пластик.

— Что? — спрашиваю я.

— Софи. — Все, что она говорит. Единственное слово, но наполнено оно таким беспокойством, в нем столько разочарования.

Мы знаем друг друга до мелочей. Это главная причина, по которой я избегала неотвратимой конфронтации, ведь если я солгу на ее прямой вопрос, то она поймет.

— Я в порядке, — вкладываю в свои слова всю правду, что только могу собрать. — Мне просто нужно принять таблетки. — Кожу покалывает под ее взглядом. И я уверена, что она может разглядеть, как наркотики распространяются по моему телу.

Сосредотачиваюсь на дороге.

Она вертит контейнер в руках.

— Не думала, что тебе до сих пор столько выписывают.

— Ну, да, вот так. — Я словно на краю пропасти в шаге от падения, камни летят вниз из-под моих ног. Я все смотрю на контейнер. Она не отдает его.

И что мне делать, если не отдаст?

— Может, тебе пора прекратить принимать их. Постепенно снижать дозу. Ты на них уже вечность, это явно не идет тебе на пользу.

— Доктора навряд ли с тобой согласятся. — Я уже на грани, стараюсь убрать из голоса предупреждение. Она что, не может просто отдать их?

Видимо, нет. Она различает предупреждение и отмахивается от него, потому что, ну, такая вот Мина.

— Я серьезно, Софи. Ты ведешь себя как... — Она задерживает дыхание. Она не скажет этого вслух. Слишком боится. — Я за тебя *волнуюсь*. А ты ничего мне не рассказываешь.

— Ты не поймешь. — После аварии у нее осталась сломанная рука и несколько ушибов. У меня же — металл в костях и зависимость от обезболивающих, переросшая в голод, который я не могла — и не хотела — игнорировать.

— Почему ты тогда даже не пытаешься объяснить?

— Нет, — возражаю я. — Мина, отдай. Просто отдай мне таблетки, ладно? Скоро уже приедем.

Она прикусывает губу.

— Ладно. — Бросает контейнер мне на колени и складывает руки на груди, уставившись в окно на голые деревья, мелькающие все быстрее.

Остаток дороги проходит в молчании.

На вечеринке, куда ведет нас Трев, куча народу. Внутри слишком жарко от

разгоряченных тел, воздух пропах пивом. Я теряю Мину минут через двадцать после того, как мы пришли, но мы и так едва ли разговаривали после ссоры в машине, поэтому пофиг.

Так я себя успокаиваю.

Музыка ужасна, играет что-то из топ-40, разрывая мне голову на куски. Я хочу лишь уйти отсюда, пешком дойти до квартиры Трева, улечься на его диван, закрыть глаза и исчезнуть на несколько часов.

Пробираюсь через толпу, а меня за задницу чуть не хватает какой-то богатенький студент в бейсбольной кепке, надетой задом наперед. Обхожу его и выхожу на пустой балкон. Вытаскиваю из кармана несколько таблеток и запиваю их остатками водки.

Здесь холодно, но тише, только слышны приглушенные шум толпы и музыка. Меня передернуло от водки, я упираюсь локтями в перила, ожидая помутнения от алкоголя, который сгладит все острые углы.

Балконная дверь открывается и закрывается.

— Вот ты где, — говорит Трев. — Мина тебя обыскала.

— Здесь так хорошо, — отвечаю я.

Трев подходит ко мне и облакачивается на перила.

— Прохладно. — Сняв свое пальто, он накидывает его мне на плечи. Меня окружает аромат сосны и клея для дерева.

— Спасибо, — говорю ему, но не укутываюсь в пальто. Не могу раствориться в нем, как растворилась в ней.

— Вы поссорились? — спрашивает Трев.

— Вроде того.

— Знает, легче простить ее, что бы она там ни натворила. Достанет же.

— С чего ты решил, что это ее вина?

Трев улыбается.

— Да ладно, Соф. Это же ты. Ты никогда не поступаешь плохо.

Меня бросает в дрожь при мысли о наркотиках, запрятанных по всей моей комнате. О дорожках, занюханных до нашего отъезда. О только что принятых таблетках. Обо всех таблетках, которые я принимаю не по расписанию, как сласти, съеденные исподтишка.

— Она не виновата. Ничего страшного. Все наладится.

Я обнимаю себя. Действие Окси начинает набирать обороты, чувство оцепенения, неустойчивости смешивается с помутнением от алкоголя, и я почти роняю стакан.

Трев, нахмурившись, забирает его и ставит на пол.

— Плохая, наверное, была идея приглашать вас обеих. У твоей мамы и так навалом причин ненавидеть меня.

— Она тебя не ненавидит, — бормочу я, хотя мы оба знаем, что это показатель моей лжи. — И я сама справляюсь. Это Мина не сильно дружит с алкоголем.

— О, поверь мне, я-то в курсе. — От легкой улыбки Трева исчезает тяжесть в груди, появившаяся после нашей с Миной ссоры в машине. Он всего лишь старается помочь; он ничего не знает.

Он не видит меня такой, какой видит Мина.

Смотря ему в лицо, облакачиваюсь на перила балкона. От движения пальто соскальзывает с моих плеч, свет, льющийся из квартиры, освещает кожу. Вырез на кофточке такой глубокий, что можно заметить край шрама. На автомате дергаю вырез вверх, но бесполезно. Взгляд Трева опускается, становясь серьезным, изучающим, бесцеремонным.

Его улыбка исчезает, он одним шагом сокращает расстояние между нами. Он кладет руку мне на плечо и притягивает ближе к себе. Я скорее ощущаю, а не вижу, как его пальто спадает на пол. Ткань задевает мои ноги сзади, и во мне возникает желание закутаться в нее.

— Трев? — Мой голос дрожит. Слишком много таблеток и водки, слишком плохая это была идея. Он слишком близко.

— Соф. — Большим пальцем он надавливает на линию шрама, разрезающего мою грудь на неравные половины, физическое воплощение того, что он никогда не будет со мной. Он явно пьян — он не может быть трезвым; он всегда очень осторожно прикасается ко мне.

— Боже, Софи. — Он втягивает щеки, кусая их изнутри. — Вот куда...

Рукой он прикрывает все самое худшее. Его ладонь покоится меж изгибов моих грудей, мозолистые кончики пальцев лежат на шраме, поднимаясь и опускаясь с каждым моим вздохом.

Сердце стучит, колотится под кожей, жаждет прикосновений.

— Не понимаю, почему ты простила меня, — его слова наполнены эмоциями и пивом.

— Это я идиотка, сама виновата, что не пристегнулась, — повторяю то же, что говорю ему каждый раз, когда он поднимает эту тему.

— Я так испугался, когда ты не пришла в себя, — говорит Трев. — Следовало догадаться. Мина знала. Она все твердила, что ты слишком упряма, чтобы нас покинуть.

Он поднимает глаза, вся боль выплескивается наружу, и когда я встречаюсь с ним взглядом, его пальцы дергаются, словно он хочет пробраться под мою кожу и сложить что-то прекрасное из обломков.

Внезапно понимаю, что, если так и буду смотреть на него, он меня поцелует. Это видно по тому, как он держится, как переминается с ноги на ногу и пальцами теребит лямку лифчика, словно старается запомнить это ощущение. В этом вся сущность Трева: целенаправленный, честный, надежный. Я разрываюсь: одна часть меня хочет поцеловать его, другая — сбежать.

Я почти хочу, чтобы он решился. Я не удивлюсь. Как будто я не замечаю его взглядов.

Как будто не понимаю, что он ко мне чувствует.

И эта последняя мысль заставляет отвести глаза. Я отступаю, и на секунду окутывает страх, что он не отпустит меня, но он отпускает. Конечно, он отпускает.

— Пить хочу, — говорю я и спешу внутрь, а часть меня, порядочная часть, с облегчением вздыхает.

СЕЙЧАС (ИЮНЬ)

Едва переступив порог своего дома, я разрываю конверт, найденный в комнате Мины. Он выпуклый в одном углу, и я вытряхиваю флешку, когда раздаются мамины шаги по коридору. Сжимаю фиолетовую флешку в виде Hello Kitty, а другой рукой засовываю конверт в задний карман джинсов.

Мама хмурится.

— Ты чего стоишь в коридоре? — спрашивает она.

— Просто ключи достаю. — Лезу в сумку и выпускаю флешку, прежде чем достать связку ключей. Улыбаюсь маме, вешая ее на ключницу на стене. — Пахнет замечательно.

— Я запекла цыпленка. Идем ужинать.

Следую за ней в столовую, где уже ждет папа. Мама выставила превосходный фарфоровый сервиз.

Шагаю, а в кармане мнется конверт. Мне хочется поскорее добраться до своей комнаты, запереть дверь и засунуть эту злополучную флешку в ноутбук.

Я подавляю вздох, пока мама садится за стол. Ну почему именно сегодня им приспичило устроить семейный вечер?

— Как прошла встреча? — спрашивает мама.

— Нормально.

— Тебе понравился доктор Хьюз? — На этот раз вопрос исходит от папы. В голове мелькает предположение, что они заранее договорились, кто и о чем меня спрашивает.

— Да неплохой вроде.

— Я только поняла, что у тебя никогда не было психотерапевта-мужчины, — произносит мама. — Если для тебя это проблема...

— Нет, — отрицаю я. — Доктор Хьюз нормальный. Он понравился мне. Правда. — Откусываю от куска курицы, пережевывая намного дольше, чем требуется.

— Пора и об университете подумать, — выдает папа. — Составить список тех, что тебе интересны.

Опускаю вилку, аппетит, которого и так почти не было, теперь пропал совсем. Я надеялась, что этого разговора не случится хотя бы несколько недель. В конце концов, до начала учебы еще два месяца.

— В августе начнется твой выпускной год^[4], — успокаивает мама, ошибочно прочитав выражение моего лица.

Я катаю горошины по тарелке, даже не пытаюсь есть. В горле словно глыба размером с Техас застряла. У меня нет времени думать об учебе и подобной ерунде. Нужно сосредоточиться на поисках убийцы Мины.

Что же на той флешке?

— И то независимое исследование, которое ты провела в Центре, очень впечатлило твоих учителей, — продолжает мама, ее лицо освещает такая редкая улыбка.

— Меня это не волнует, — начинаю я.

— Мы как-нибудь объясним те месяцы, что ты провела не здесь. И если твое эссе будет сфокусировано на аварии и преодолении всего, что выпало на твою долю, уверена...

— Хочешь, чтобы я играла калеку? — перебиваю, и она вздрагивает, словно я ее ударила.

— Не говори так! — Она теряет контроль.

Едва удерживаюсь, чтобы не закатить глаза. На маму все произошедшее повлияло намного сильнее. Папа водил меня на физиотерапию и провел все обследования перед операцией. Он спускал и поднимал меня по лестнице весь первый месяц, а когда я еще лежала в больнице, читал мне каждый вечер перед сном, как в детстве. Он помогал мне даже тогда, когда я уже должна была сама о себе заботиться. Папа всегда помогал людям.

У мамы дар все налаживать и исправлять, но она не может исправить меня, и ей с этим ничего не поделать.

— Да только это правда. — Резкие слова нацелены, чтобы пробить ее броню ледяной королевы. Чтобы она наконец перестала ждать ту девушку, которой я больше никогда не стану. — Я калека. И наркоманка. И ты думаешь, что смерть Мины — частично и моя вина, поэтому, полагаю, *убийцу по неосторожности* тоже можно добавить к списку. О, а может, написать эссе на *эту* тему?

Ее лицо багровеет, затем бледнеет, а после становится чуть ли не фиолетовым. Меня словно загипнотизировали, я в ловушке ее гнева, заинтересованность в ее глазах сменяется яростью. Даже папа кладет свою вилку и берет ее за руку, словно предполагая, что мама может кинуться на меня через стол и ее придется удерживать.

— Софи Грейс, прояви уважение в этом доме, — наконец выплевывает она. — Ко мне, своему отцу и, главное, к себе.

Я кидаю салфетку на тарелку.

— С меня хватит. — Отталкиваюсь, чтобы встать, но ноги трясутся, и мне приходится держаться за стол дольше, чем хотелось бы. Прихрамывая, я выхожу из столовой. Я чувствую, что она наблюдает за мной, что ее пристальный взгляд впитывает каждый неровный шаг, каждое неуклюжее движение.

Наверху я почти роняю сумку, когда в спешке достаю флешку. Хватаю ее, открываю крышку ноутбука и, засунув флешку в разъем, постукиваю пальцами по столу.

На рабочем столе появляется папка, и я кликаю по ней дважды, а стук моего сердца отдается в ушах.

На экране возникает окошко для ввода пароля. Сначала я печатаю ее день рождения. Потом Трева, мой, ее папы, но ни один не подходит. Пробую имена всех домашних животных, даже черепахи, которая была у нее в третьем классе и которая умерла через неделю после того, как Мина принесла ее домой, но бесполезно. Больше часа я печатаю каждое слово, приходящее в голову, но ничего не открывает папку.

Разочарованная, я встаю и подхожу к шкафу, где рядом с моим лежит кольцо Мины. Я беру его, и слово словно подмигивает мне в искусственном освещении.

Разворачиваюсь назад, внезапно наполнившись надеждой, набираю в окошко слово «навсегда» и жму Ввод.

Пароль Неверный.

Сидевший во мне гнев, слившись с обидой от маминых слов, затопляет меня.

— Черт возьми, Мина! — бормочу я. Изо всех сил бросаю кольцо. Оно отскакивает от стены и падает на коврик у моей кровати.

И почти в то же мгновение, когда оно приземляется, я, вздрагивая от боли, сажусь на колени и достаю его из ворса. Руки дрожат, когда я надеваю его.

И не перестают трястись, пока я не подхожу к шкафу, и второе кольцо — мое — не соединяется с ее на большом пальце.

ПОЛТОРА ГОДА НАЗАД (ШЕСТНАДЦАТЬ ЛЕТ)

После вечеринки, все еще пьяная и под кайфом, я лежу на полу гостиной Трева рядом с Миной, мы обе в спальнях мешках. Периодически раздается храп его соседей из комнат вдоль по коридору.

Пол твердый, на ковре странного цвета пятна, о происхождении которых я не хочу даже думать, квартира полна парней. Мне неудобно, я беспокоюсь дергаюсь, уставившись на пивные кепки, подвешенные под самый потолок. Веки тяжелеют, но я держу глаза открытыми.

Мина не спит, но притворяется, что спит. Меня ей не одурачить, годы пижамных вечеринок не прошли даром.

— Я знаю, что ты не спишь.

— Спи, — только и отвечает она. Даже не открывает глаз, дыша все так же преувеличенно медленно.

— Все еще злишься?

— Отстань, Соф, я устала.

Я играю с замком-молнией на своем спальном мешке, вверх-вниз, ожидая ее ответа и зная, что его может и не быть.

— Спина не болит? — Она в беспокойстве открывает глаза, нарушая ею же и возведенное молчание.

— Переживу.

Навряд ли. Проснусь завтра вся окостеневшая. Здоровая нога просто онемееет, а больная же будет адски ныть, особенно в месте шрама.

Нужно принять еще таблетку. Я ее заслуживаю.

— Возьми мою подушку. — Она переворачивается и подсовывает ее мне под голову. — Лучше?

— Ты не ответила на мой вопрос, — напоминаю ей.

— Я не злюсь на тебя, — вздыхает Мина. — Говорила же, я *волнуюсь*.

— Мне этого не нужно, — противлюсь я.

Неверный ответ. От нее исходит самый настоящий страх. Он беспокоит меня куда сильнее, чем я хотела бы признать, пробуждает во мне желание скрыться, отгородиться от всего, от нее.

— Нет, нужно, — шипит она, садясь, мешок сползает ей до пояса. Она хватается меня за руку и тянет, пока я тоже не сажусь. И тут она настолько быстро наклоняется ко мне, что я даже не успеваю как-то воспротивиться.

— Ты принимаешь слишком много таблеток. Вредишь сама себе. — Она сглатывает и, кажется, внезапно понимает, насколько близки мы друг к другу. Ее пальцы сжимают мою руку, хватка становится крепче, слабее, и снова крепче.

— Софи, пожалуйста, — говорит она, и я не понимаю, чего она просит. Она слишком близко; я ощущаю запах ванильного лосьона, которым она мазала руки, прежде чем мы легли спать. — *Пожалуйста*, — повторяет она, и у меня перехватывает дыхание, потому что на этот раз нет никакого сомнения, о чем она молит.

Ее взгляд опускается к моим губам, она притягивает меня к себе, и я перестаю дышать в ожидании, *Боже мой, это правда происходит*, и приближающиеся шаги мне не слышно, пока не становится почти поздно.

Но Мина слышит и резко отскакивает, прежде чем в коридоре появляется Трев.

— Вы чего еще не спите? — Зевая, он шагает в кухню и берет из холодильника бутылку воды.

— Уже спим, — торопливо говорит Мина, ложась на спину.

На меня она не смотрит, а я чувствую, как алеют мои щеки. Все мое тело горит и тяжелеет, мне хочется закутаться поглубже в спальный мешок и крепко сжать ноги.

— Споки, — говорит Трев. Он оставляет включенным свет на кухне, так что Мине не придется спать в темноте.

Она молчит. Укладывается в спальном мешке рядом со мной и лежит, положив руку под голову. Долгое мгновение мы просто смотрим друг на друга.

Я боюсь шевелиться. Боюсь говорить.

И тут Мина улыбается, только для меня, улыбка еле заметна, на грани задумчивости, и, закрывая глаза, второй рукой Мина берет мою. Серебряные кольца, теплые от ее кожи, ласкают мои пальцы. Аромат ванили окружает меня, от него кровь приливает к коже, а в животе сворачивается клубок чего-то горячего, упивающегося нашим контактом.

Когда я просыпаюсь следующим утром, наши пальцы переплетены.

СЕЙЧАС (ИЮНЬ)

— Спасибо, что приехала. — Я отступаю в сторону, чтобы Рейчел вошла в дом.

— Софи, это... — Тут мама замечает Рейчел с ее огненными волосами, в горчично-желтом, неправильно застегнутом свитере и с массивным кулоном-черепом на велосипедной цепочке на шее. — О, — в конце концов выдает она.

— Мам, ты же помнишь Рейчел.

— Конечно. — Мама улыбается, и улыбка почти искренняя, хотя взгляд ее задерживается на Рейчел слишком уж долго. Это из-за внешности Рейчел или мама вспоминает ту ночь? Рейчел была рядом со мной, пока не появились мои родители. И у нее, в общем-то, не было особого выбора: я не выпускала ее руки.

— Как поживаете, миссис Уинтерс? — спрашивает Рейчел.

— Неплохо. А ты?

— Превосходно, — улыбается Рейчел.

— У меня что-то с компом случилось. Рейчел пришла проверить его.

— До свидания! — жизнерадостно восклицает Рейчел, следуя за мной к комнате. Когда мы закрываем за собой дверь, она кидает сумку на мою кровать и падает следом за ней. — Ладно, у меня сорок минут. Мне еще ехать на гору Шаста к папе. У него день рождения.

— Успеешь за сорок минут хакнуть флешку?

Красные губы расплываются в улыбке.

— Не думаю. Я, конечно, хороша в разбирании и собирании начинки компьютеров. Но кодировка — другой монстр. Побольше времени занимает.

Я вручаю ей флешку.

— Буду благодарна, если ты попытаешься. Мой метод включает разве что перебор всех паролей, которые только могу придумать.

— Вероятно, не самый эффективный подход.

— Согласна.

— Что сказал начальник Мины из газеты? — спрашивает Рейчел, подпирая подбородок подушкой. Одну ногу она подгибает под себя, другая свисает с кровати.

— Его нет в городе, вернется на следующей неделе. Тогда и поговорю с ним.

— И, очевидно, проникновение в дом прошло успешно, — говорит Рейчел, покачивая флешкой в воздухе.

Пожимаю плечами.

— Трев ненавидит меня.

— Если честно, сомневаюсь.

— Хочет, — говорю я. — И должен бы. Стал бы. Если бы знал правду.

Рейчел меняет положение на кровати, но поднимает глаза, встречаясь со мной взглядом.

— Правду?

Больше ничего я не говорю, потому что когда ты скрываешь такое — все на инстинктах. Этому нужно научиться самостоятельно, но я не могла с этим справиться, как бы ни хотела.

— Соф, можно тебя кое о чем спросить? — В ее глазах вопрос.

Тот самый вопрос.

Я могу отвести взгляд и промолчать. Могу сказать «нет». Могу быть той, кто скрывает правду и до последнего отрицает то, кем является.

Но это поглотит меня изнутри. Пока не останется ничего настоящего.

Я кручу наши кольца на большом пальце, они задевают друг друга, поцарапанные после стольких лет ношения.

— Конечно. Спрашивай.

— Ты и Мина, вы были... — Она меняет тактику, столь же неожиданно, как и в своих письмах, которые начинаются одним и после поворачивают совсем в другую степь. — Тебе нравятся девушки, да?

К щекам приливает жар, и я прячусь в уголке своего стеганого одеяла, пока решаю, что сказать.

Порой мне интересно, что подумала бы мама. Замела бы ситуацию под коврик, как мусор, добавила бы к постоянно растущему списку вещей, которые нужно исправить?

А порой интересно, возражал бы папа, если бы ему пришлось вести меня к алтарю, у которого стояла бы девушка, а не парень, тем самым обретая еще одну дочь вместо сына.

Еще интересно, как бы все повернулось, откройся я с самого начала. Если бы мне никогда не приходилось скрываться. Насколько все было бы иначе, будь мы честны?

Этого мне никогда не узнать. Но я могу быть честной здесь и сейчас, с Рейчел. Возможно, причина в том, что она встретила меня в худший момент моей жизни. Возможно, потому, что она была рядом даже после.

А может, потому, что я больше не хочу бояться. Только не этого. Ведь по сравнению со всем остальным — зависимостью, той дырой внутри, что осталась после утраты Мины, клубком вины, в котором запутались мы с Тревом, — держаться за эту тайну не страшно. Больше не страшно.

Именно поэтому я говорю:

— Иногда.

— Значит, нравятся и парни.

— Зависит от человека. — Я все еще тереблю стеганое одеяло, накручивая вылезшие нитки на пальцы.

Она улыбается, открыто и ободряюще.

— Лучшее из двух миров, полагаю.

Я смеюсь, звук вылетает из меня, как правда. Мне хочется заплакать и поблагодарить ее. Сказать ей, что я никому не говорила этого прежде, и то, что она выслушала меня и приняла мои слова как ничего особенного, ощущается самым лучшим подарком.

ТРИ ГОДА НАЗАД (ЧЕТЫРНАДЦАТЬ ЛЕТ)

— Ну же. Открывай дверь. — Мина стучится уже третий раз.

Я заперлась в ванной, пытаюсь нанести столько тоналки, чтобы скрыть шрам на шее. Неудачно. Сколько бы я ни намазала, очертания все равно видны.

Прошло почти полгода с аварии, и от идеи похода на танцы, иронии похода на танцы, когда резкие движения еще вызывают сильные боли, мне хочется кричать и вопить «нет, нет, нет», как маленький ребенок. Но мама была так взволнована, когда Коди позвал меня, а Мина бесконечно трещала о платьях, что я не смогла заставить себя отказать им.

Но сейчас мне не хочется даже выходить из ванной. Мне ненавистно, что я такая кривая и косая, что при каждом шаге приходится опираться на трость.

— Соф, если ты не откроешь эту дверь через пять секунд, я выбью ее. Обещаю. — Мина сильнее колотит по двери.

— Не сможешь, — говорю ей, но улыбаюсь, представляя, как придется попотеть этой малявке ростом сто пятьдесят семь сантиметром и весом в сорок пять килограмм, чтобы выбить дверь.

— Смогу! Или приведу Трева, у него-то точно выйдет.

— Не смей приводить Трева! — Каждый раз, когда мы с ним наедине, он хочет извиниться — хочет *исцелить* меня.

Мне даже через дверь понятно, какое у нее сейчас лицо.

— Приведу! Уже бегу за ним. — Раздаются преувеличенно громкие шаги — Мина топает на месте. Мне видно тень ее ног из-под двери.

Я бросаю флакон тонального крема в косметичку и мою руки. На открытые плечи спадают идеальные локоны, завить которые меня уговорила Мина.

— Сейчас выйду.

Подтягиваю вырез платья повыше. Оно из прекрасного красного шелка — на его фоне моя кожа выглядит молочной, а не болезненно-бледной, — но маме пришлось отдать его портному, чтобы пришить к V-образному вырезу кружева, прикрывающие худшие рубцы.

Мы целую вечность искали что-то с рукавами. Перемерили, наверное, около полусотни платьев, находясь в одной примерочной, пока мама ждала снаружи. Мина нянчилась со мной, помогая с ворохами тюля и атласа. Она взяла меня за руку и помогла устоять на месте, и, когда отпустила (держав слишком долго, кожа к коже, полуодетая я в крошечной комнатке), она покраснела и запиналась, когда я спросила, в порядке ли она.

Снова боли в ноге. Трость я оставила в спальне, но теперь она не помешала бы, пусть я даже смотреть на нее не могу.

Достаю оранжевый пузырек из украшенного бусинами клатча, на котором настояла Мина наряду с платьем. Высыпаю две таблетки.

Она снова стучится.

— Выходи, Софи!

Вытряхиваю третью. Наклоняюсь, чтобы запить их водой из-под крана, и убираю флакон.

Я открываю дверь; скрывая уродливые шрамы, ноги обволакивает красный шелк.

Незнакомое, почти приятное чувство.

Мина сияет улыбкой.

— Посмотри на себя. — Она уже переодета в серебряное платье, загорелая кожа мерцает от хайлайтера. Миссис Бишоп явно разозлится от высокого разреза на этом платье в греческом стиле. — Я была права — оно идеально подошло.

Она оборачивается. Ее завитые волосы собраны лентой с серебряными листьями, из-под которой выбиваются несколько прядок. Мина что-то ищет в одеялах на своей кровати.

— У меня есть сюрприз! — Она чуть ли не вибрирует от нетерпения.

— Какой же? — подыгрываю я, потому что она очень счастлива. Хочу, чтобы она всегда была счастлива.

Достает она ее триумфально.

Трость, которую она сжимает, красного цвета, идентичного платью оттенка. По всей длине Мина приклеила к ней красные и белые кристаллы, переливающиеся на свету. Из рукояти выходят ленты, красные и серебряные спирали покачиваются в воздухе.

— Ты украсила мою трость. — Я беру ее, улыбка такая широкая, что еще немного — и лицо треснет. Прижимаю ко рту руку, словно хочу ее спрятать, эту улыбку, удержать, и плачу, а слезы, наверное, портят весь макияж. Но мне все равно, потому что Мина делает то, что не удастся больше никому: благодаря ей моя жизнь становится лучше, наполненной блеском и бархатом, и в этот момент я так сильно люблю ее, что не могу сдержаться.

Так что это я и говорю, потому что это правда, потому что рядом с ней никак иначе и быть не может:

— Я люблю тебя.

И вот, лишь на секунду, в ее глазах я замечаю вспышку, она быстро ее прячет, но я все вижу, прежде чем Мина обнимает меня и шепчет:

— Я тебя больше.

СЕЙЧАС (ИЮНЬ)

Рейчел уезжает к папе с обещанием разобраться с флешкой как можно скорее. Я начинаю утренние упражнения йоги, но вчера я слишком много из себя выжала. Так что после четырех подходов позы воина мне приходится свернуть и убрать коврик.

Важно понимать, когда твои силы на исходе.

Джинсы так и валяются на полу, где я их оставила прошлым вечером, и, когда я их поднимаю, из заднего кармана выпадает конверт, в котором лежала флешка.

Внутри обнаруживается сложенный блокнотный лист, который я как-то не заметила сразу. Разворачиваю его и вижу незнакомый почерк:

«Малыш, пожалуйста, просто ответь на звонок. Нам надо об этом поговорить. Просто поговорить. Только возьми трубку. Если продолжишь игнорировать меня, ничем хорошим это не закончится.»

Переворачиваю записку, но подписи нет.

Это и не важно. Скорее всего, она от Кайла.

«Если продолжишь игнорировать меня, ничем хорошим это не закончится.» Перечитываю предложение снова и снова, заиклившись на нем, как в бесконечной петле разума.

— Софи?

Отрываю глаза от бумажки в руках. Папа, насупившись, стоит в дверях комнаты.

— Прости. Ты что-то хотел?

— Просто говорил, что уезжаю. У меня ранний ланч с Робом. Мама уже ушла. Родная, ты в порядке? Ты как-то побледнела. Я могу отменить...

— Все в порядке, — отвечаю ему, но в ушах звенит. Уже перебираю в уме места, где сейчас может находиться Кайл. — Просто переборщила с йогой. Колено болит.

— Принести льда?

— Я справлюсь. И не нужно ничего отменять, пап. Иди на ланч. Передавай от меня привет тренеру. — Мне нужно, чтобы папа уехал из дома. Нужно найти Кайла. Где он может сейчас быть? Дома?

— Ладно, — говорит папа. — Звони тогда, если станет хуже.

Я улыбаюсь, что он принимает за согласие.

Сжав записку Кайла в руке, жду, пока папин седан не скрывается из вида. Затем беру телефон и набираю номер Адама. Хожу по комнате, пока идут гудки.

Когда он наконец отвечает, на заднем фоне у него слышны смех и лай собак.

— Алло?

— Адам, привет. Это Софи.

— Привет, что такое?

— Я хотела спросить, вдруг ты знаешь, где сейчас Кайл. Я нашла ожерелье Мины, которое, скорее всего, он ей подарил. Хотела отдать ему, чтобы компенсировать то, какой я стервой была на прошлой неделе. Не совсем уверена, где он подрабатывает этим летом.

— Да, он на работе, наверное, — говорит Адам, и кто-то окликает его, после чего следует взрыв смеха. — Парни, я сейчас, — кричит он. — Прости, Соф. Он в ресторане

своего отца, не закусочной, а в ресторане морепродуктов на Главной... «Маяк».

— Спасибо.

— Да без проблем. Эй, позвони мне на следующей неделе. Ребята из команды собираются на костре у озера. Мы тоже идем.

— Конечно, — отвечаю я, не принимая его предложение всерьез. — Мне пора. Еще раз спасибо.

Я еду слишком быстро, проскакивая на желтый свет светофора, едва приостанавливаясь на знаках, стоящих перед перекрестками. Центр города не большой, потому что и сам город не слишком крупный. Хорошие и плохие районы соседствуют друг с другом, в отдалении стоят здание суда и тюрьма, напротив винного магазина — Методистская церковь. Парочка ресторанов, вдоль железнодорожных путей разные забегаловки и несколько мотелей с понедельной оплатой, в которых вечно происходит что-то на грани незаконного. Я замедляюсь, только когда вижу «тель Капри», сине-розовую неоновую вывеску с отсутствующей первой буквой.

«Маяк» прямо рядом с ним, так что я быстро паркуюсь и влетаю внутрь, не заботясь о том, что привлекаю внимание. Кайл выгибается у барной стойки, где смотрит баскетбольный матч по висящему на дальней стене телевизору.

Ресторан почти пустой, заняты лишь несколько столиков. Я вышагиваю мимо них к поджавшему губы Кайлу.

— Мне надо поговорить с тобой.

— Я работаю. — Он впивается в меня взглядом сквозь небрежно торчащие светлые волосы. — И если ты собираешься тут психовать...

— Возьми перерыв, или узнаешь, как я умею психовать.

Он оглядывает людей за столами.

— Пошли, — говорит он, и я следую за ним через кухню к заднему выходу из ресторана на огороженную забором-сеткой площадку с мусорными баками. Здесь ужасно воняет жиром, рыбой и мусором, и я стараюсь дышать через рот.

— Поверить не могу. — Кайл разворачивается ко мне, как только закрываются двери и мы остаемся наедине. — В чем твоя проблема?

Я хлопаю по его груди ладонью с зажатой запиской.

— Ничего не хочешь объяснить?

Он отбирает ее у меня и читает.

— И что?

Я скрещиваю руки на груди.

— Расскажи, из-за чего вы с Миной ссорились накануне ее смерти.

Кайла можно назвать самым определением открытой книги. Он дерьмово скрывает эмоции, и на секунду у него падает челюсть.

— Это не твое дело.

— Мое, когда ты оставляешь Мине записку с угрозами, а потом ее убивают!

— Чушь, — говорит Кайл. — Это не угроза. Я просто хотел, чтобы она перезвонила мне.

— Ты угрожал ей. «Если продолжишь игнорировать меня, ничем хорошим это не закончится». Кто говорит такое своей девушке?

Кайл краснеет, в его щенячьих глазках появляется грозное выражение.

— Заткнись. Ты и понятия не имеешь, о чем говоришь.

— Тогда объясни мне. Скажи, почему вы ссорились.

— Оставь это, — предупреждает он.

— Ни за что.

— Да пошла ты. — Он отходит к двери, и я встаю перед ним и с силой его толкаю. Он ростом выше ста восьмидесяти, гора мышц, но все же как это приятно. Он спотыкается, я подхожу ближе, но он восстанавливает равновесие и хватает мои запястья. — Остановись, Софи. — И только теперь он отпускает меня и делает шаг назад, держа перед собой свои огромные руки. — Себе же хуже делаешь.

Я снова делаю выпад, но он бросается прочь. Я почти падаю, когда слишком резко ступаю ногой.

— Какая же ты заноза в заднице, — бормочет он, беря меня под руку, чтобы помочь встать.

— Расскажи мне, — требую я, задыхаясь, адреналин отбивает во мне дробь. — Почему вы ругались.

— Не лезь. Просто не лезь сюда.

— Что она сказала тебе, раз ты настолько разозлился? Зачем ты ей угрожал? — Каждый мой вопрос — толчок, и он принимает их. Между нашими лицами лишь несколько сантиметров, я стою на цыпочках. Приходится схватиться за забор позади него, чтобы устоять на земле. Нога дрожит, но я пытаюсь не обращать внимания. — Она заботилась о тебе. Она даже спала с тобой! Почему ты...

— Заткнись! — вопит он, и у меня перехватывает дыхание, я вздрагиваю от первобытной ярости его голоса. Карие глаза блестят, словно он сейчас заплачет. — *Закрой рот!* Из нас двоих только один человек ее трахал, и это стопроцентно был не я.

ТРИ ГОДА НАЗАД (ЧЕТЫРНАДЦАТЬ ЛЕТ)

— Как же мы опаздываем, — говорит Эмбер, хватая спортивную сумку из машины своей мамы.

Мина впивается в нее взглядом, доставая с заднего сиденья ходунки для меня.

— Успокойся, — резко отвечает она.

— Тренер нас убьет. Нам еще размяться надо.

Я подталкиваю Мину.

— Иди. Я сама доберусь до трибун.

— Нет.

— Эмбер, иди, — говорю я другой девушке. Не хочу, чтобы она злилась, если из-за меня опоздает. Она даже не хотела, чтобы я приезжала, но Мина настояла.

Эмбер кивает, забирая сумку Миной.

— Я справлюсь, — убеждаю ее, когда Мина не идет следом.

Мина оборачивается через плечо. Девчонки уже на поле; у нее будут проблемы, если она не поторопится.

— Эй! — кричит она, махая рукой. — Адам! Кайл!

— Мина...

— Если хочешь, чтобы я ушла, тогда пусть Кайл и Адам помогут тебе.

Я закатываю глаза и беру за поручни ходунков, с трудом поднимаюсь и переношу на них вес. Врачи сказали мне начать ходить с ними где-то месяц и только потом переходить на трость. Не думала, что буду с радостью ждать того, чтобы ходить с тростью.

Ребята подходят к нам, и как только они убеждают Мину, что не уронят меня с трибун, она, тряхнув волосами, усакивает на поле.

Кайл нависает надо мной. Его джинсы на дюйм короче необходимого — он уже перерос всех в классе и, кажется, останавливаться на этом не собирается. Он держит дрожащую руку на моей спине несколько мучительных минут, пока мы идем к трибунам, как будто боится, что я в любой момент просто опрокинусь назад.

— Где твой папа сегодня? — спрашивает Адам, пока я усаживаюсь на нижнюю скамейку. — Дядя Роб низковат для тренера.

— Срочное депульпирование, — отвечаю я.

— Такое вообще бывает? — спрашивает Кайл.

— Наверное. Вы можете пойти на верхние ряды, если хотите. Я тут справлюсь сама.

— Отсюда лучше вид, — с ухмылкой говорит Кайл.

Я улыбаюсь этим словам. Лезу в сумку за упаковкой M&M's, которую мы передаем друг другу, переключив все внимание на поле.

Девочки разминаются у границы поля и уже готовы к игре. Мина нагнула темноволосую голову к коленям, разогревая ноги.

— Разве ты не помогаешь тренеру? — спрашивает Кайл Адама.

— Пока они не начнут, я ему и не нужен.

Взгляд Кайла задерживается на Мине, следя, как она вытягивает руки и тянется вверх. В команде она самая маленькая — но на поле она полна силы и скорости и словно в три метра

ростом.

— А ты неплохо передвигаешься. — Адам снимает бейсболку и засовывает ее в задний карман.

— Почти готова к трости. Вперед, я ^[5].

— Эй. — Кайл хмурится. — Ты должна гордиться собой. Мина говорит, ты отлыниваешь от физиотерапии.

— Мина говорит, да, Кайл? — спрашивает Адам, заговорщицки мне улыбаясь, когда Кайл краснеет.

— Родители достают по поводу колледжа? — спрашивает Кайл и видно, как отчаянно он пытается сменить тему.

— Они намекают, но еще слишком рано.

— Возможно, для вас, — замечает Адам. — А мне пора думать о стипендии. Без помощи мне никуда не попасть. А с моими оценками мне навряд ли что-то путное светит.

Кайл смеется.

— Черта с два, — заявляет Кайл. — Ты будешь лучшим вратарем, которого только видела Северная Калифорния.

Адам, усмехаясь, встает. Девчонки начинают выходить на поле. Наша команда в синем, Пумы школы Андерсона — в красном.

— Ладно, ваше здоровье. Не сидеть мне здесь вечно. Пойду, пока дядя Роб не выбесился. Увидимся, Соф.

Теперь, когда Адам ушел, наше внимание возвращается к полю, Мина притягивает нас, как магнит.

Команда выстраивается для первого броска, и Эмбер говорит что-то, на что Мина запрокидывает голову и смеется, ее локоны покачиваются на фоне серого неба. Она пихает Эмбер локтем, та слегка толкает в ответ, все так же смеясь.

Уголкем глаза смотрю, как Кайл наблюдает за ней.

— Она тебе правда нравится, да?

Он резко поворачивается, краснея до кончиков ушей. Он не смотрит мне в глаза, лишь ковыряет дырку на штанине джинсов.

— Это настолько очевидно?

— Типа того.

Он смеется.

— Вот это облегчение для парня.

Я пожимаю плечами.

Я не говорю о том, что думаю. Не говорю, как ему везет, что он может просто сознаться в своих чувствах, робкий, но никем не осужденный. Словно у него есть на это полное право. Как будто все нормально только потому, что она должна принадлежать кому-то вроде него, а не меня.

СЕЙЧАС (ИЮНЬ)

— Понятия не имею, о чем ты, — мой голос дрожит. Я чувствую, как внутри поднимается паника: Кайл *знает*.

— Господи, Софи, за кого ты меня держишь? Она мне рассказала.

Живот скручивает узлом. Слюна наполняет мой рот, горячий порыв, который я не могу сдерживать. Раскрыв рот, я еле успеваю метнуться к мусорным бакам, как меня начинает тошнить.

Мои волосы неуклюже собирают большие руки, пока я изрыгаю остатки завтрака. Я резко дергаюсь от него, кожа вспыхивает огнем и холодом, покрываясь мурашками. Наконец я выпрямляюсь, вытираю губы рукой, горло жжет от кислоты, в глазах стоят слезы. Он снова отступает от меня подальше, облакачивается на забор, засунув руки в карманы.

— Кайл... — начинаю я, затем замолкаю, потому что понятия не имею, что сказать. Мне ненавистно, что он в курсе. С Рейчел по-другому, безопаснее, ведь она не знала Мину.

В нос бьет запах рвоты, взывая к новому порыву, и я прижимаю к губам ладонь, судорожно вдыхая, пока он не проходит. Я отхожу от бака и опираюсь плечами о забор-сетку, отделяющий задний двор ресторана от «теля Капри». На втором уровне здания люди ходят туда-сюда к льдогенератору.

— Я так разозлился. Кричал на нее. Не имел права, но все равно кричал. Она плакала, а я... я говорил ей по-настоящему дерьмовые вещи. А на следующий день она не отвечала на мои звонки, не хотела меня выслушать, поэтому я и оставил ту записку. Просто хотел сказать, что прошу прощения. Она не ответила, а потом мне звонит Трев и говорит, что ее убили. — Он делает шаг в сторону, словно ему, как и мне, нужно пространство. — Иногда я тебя ненавижу, — заявляет Кайл. — Каждый раз, когда вижу тебя, ты меня выбешиваешь. Ты рядом, а я только и думаю о том, что она мне рассказывала, о ее взгляде... — Он судорожно выдыхает. Его кадык дергается под воротником футболки-поло. — Она словно освободилась. Слово вечность хотела признаться. А я... поступил как мерзавец. Довел ее до слез.

— Поэтому ты солгал полиции. — Это сумасшествие. Я в ярости, потому что всё это из-за него, все месяцы, что я провела взаперти в Центре. Потому что из всех людей именно ему она доверила свою — нашу — главную тайну. Потому что он рассердился, что его променяли на девчонку.

Я ударяю его, с силой бью по груди.

— Ты во всем виноват! — кричу я. — Три месяца я лечилась от зависимости, которой *уже не было*. Мои родители считают меня безнадежной наркоманкой и лгуньей! Все в этом городе думают, что из-за меня Мина была на Букер Поинте. Трев даже не смотрит на меня. Не говоря уже о том, что твои ложные показания полиции, вероятнее всего, помогли убийце выйти сухим из воды.

— Наркотики *были*, — настаивает он. — Я их не выдумал. Я слышал, что полиция нашла таблетки. Кому еще они могли бы принадлежать? Я не хотел объяснять детективу, почему так много звонил Мине в тот день, поэтому сказал, что Мина говорила, что вы вдвоем собирались на Поинт из-за сделки, а я пытался остановить ее. Думал, что это доставит тебе неприятностей.

Хочу снова ударить его, но на этот раз сдерживаюсь.

— Ага, правильно подумал. Единственная проблема — наркотики не мои. Убийца Мины подкинул их мне.

Он щурит глаза.

— Ты правда не принимала все это время?

— Хочешь, чтобы я поклялась на ее могиле? Потому что так и есть. Можем хоть прямо сейчас поехать к ней.

— Нет, — говорит он слишком быстро, и до меня доходит, что не мне одной тяжело ходить на кладбище. — Я... я верю тебе.

— О, великолепно, — огрызаюсь я. — Мне от этого намного легче. Спасибо большое.

Сейчас он как никогда напоминает слюнявого щенка. Засунув крупные лапы в карманы шорт, он кусает нижнюю губу и смотрит на свои ноги.

— Слушай, прости, что соврал... хотя я почти не считал, что вру, — говорит он. — Но ты спала с моей девушкой.

— Я не спала с ней, пока вы встречались!

— Пофиг.

— Серьезно. Посмотри на меня. — Он проводит ногой по асфальту, и я щелкаю пальцами перед его лицом, пока мы не встречаемся взглядами. — Перестань на меня злиться. Что бы она ни сказала тебе... — Я выдыхаю. Не могу думать, что она рассказала ему о себе или о нас. Всякий раз мысли ускользают из-под контроля, я теряю опору.

Девять месяцев. Три недели. Шесть дней.

Выстукиваю числа на коже запястья в ритме пульса.

— Ей нравились девушки, — заканчиваю, когда беру себя в руки. — Только девушки. Парни были лишь прикрытием. Мне жаль, но так все и было.

— Я знаю, — говорит он спокойно. — Я знаю, — повторяет он, сморщившись.

Распахивается задняя дверь ресторана.

— Кайл, — зовет мужчина в заляпанном фартуке. — Ты нам нужен.

Кайл наклоняет голову, чтобы парень не заметил, насколько он раздавлен.

— Секунду, — бормочет он. Парень кивает и возвращается внутрь.

Кайл смотрит на небо, и я даю ему время, чтобы собраться.

— Мне нужно возвращаться, — говорит он. Он вытирает щеки и откашливается, прежде чем пройти мимо меня.

— Кайл, миссис Бишоп не должна об этом узнать. — Меня бесит, как я это произношу, почти умоляя.

На его лице появляется что-то вроде сочувствия, но быстро исчезает.

— От меня она не узнает. Обещаю.

Он будет молчать ради Мины и ради себя, не ради меня, но мне все равно, пока это остается в секрете.

Свою клетку Мина построила давным-давно, возвела из веры, в которой воспитывалась. Да, она сказала Кайлу. Но она никогда не хотела, чтобы знал кто-то еще.

Пусть так и остается.

ДВА С ПОЛОВИНОЙ ГОДА НАЗАД (ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ)

Мой телефон вибрирует. Часы показывают два ночи, и я уже сплю, но все же отвечаю, когда вижу, что звонит Мина.

— Что?

— Выгляни в окно.

Вылезаю из кровати. Мина припарковалась на противоположной стороне улицы, и сейчас стоит, облокотившись на знакомый синий Форд модели F-150.

— Ты угнала машину Трева? Ты же только получила права.

— Я *одолжила* ее. И никто нас не поймает. Спускайся.

Обуваюсь и тихонько крадусь вниз. На мне пижамные штаны и танк-топ, но мне все равно, потому что ночь выдалась теплой. При виде меня Мина расплывается в улыбке.

— Где трость? — спрашивает она, пока я сажусь на пассажирское место. — Тебе еще три недели...

— Мне легче без нее, — перебиваю. — Все прекрасно. Мне нужно привыкать к ходьбе. Даже физиотерапевты так сказали.

— Ну ладно, — говорит Мина, ни капли мне не поверив.

Мы катимся мимо окон к озеру и подпеваем радио. Свернув на проселочную дорогу, направляемся в место, про которое знают только местные жители, где за эти годы мы провели сотни ленивых часов, плавая и выпитывая солнечные лучи.

Перед нами простирается озеро, и Мина останавливается на повороте дороги. Когда мы вылезаем из машины, становится слышен легкий плеск воды о скалы внизу. Высокая луна отражается на поверхности. Мы приезжали сюда еще будучи детьми, но раньше к берегу было намного проще спуститься.

Мина помогает мне пройти по неровной тропке до небольшого пляжа. Мы раздеваемся до нижнего белья, и она ничуть не смущается, когда бросает свою рубашку на камни. Я следую ее примеру, но медленнее, осторожнее. Мина уже идет к озеру, медленно ступая, пока вода не доходит до бедер, а после ныряет вперед. И с плеском выныривает, ее темные волосы расплываются на поверхности, а она улыбается мне в свете луны.

Вода холодная — почти ледяная, и на коже выступают мурашки. Пальцы ног зарываются в илистое дно, но, зайдя на достаточную глубину, я расслабляюсь и позволяю окутать себя водной невесомости и нежусь в плавном течении.

Мина переворачивается на спину и смотрит на небо.

— Я кое-что слышала сегодня, — говорит она.

— Ммм? — Я подплываю ближе к ней.

— Эмбер сказала, что видела, как Коди на прошлой неделе покупал презервативы в аптеке.

Поднимаю руки над головой и рассекаю воду, отплывая от нее.

Но слишком медленно. Перевернувшись со спины, она вырывается вперед, расплескивая воду во все стороны, и останавливается ко мне лицом.

— Ты этого не делала! — Когда я не отвечаю и даже не смотрю на нее, она говорит: — Боже мой, ты сделала.

— Даже если и так, то что? — спрашиваю я, получается более оборонительно, чем мне хотелось бы. Мы с Коди встречаемся уже несколько месяцев; этот этап в порядке вещей. Только вот распространяться о нем мне не хотелось.

Кому как не ей знать, насколько хорошо я умею притворяться. Это то, что мы делаем. Это то, что делаю я. Я притворяюсь, что мне не больно, что я хочу Коди, что не хочу ее, что не принимаю слишком много таблеток, что потеря девственности что-то значила.

Но это не так. Она что-то значит только лишь с правильным человеком. А с ней я быть не могу.

— Пов-верить не могу... — заикается Мина. — Боже мой.

— Это не важно, — бормочу я.

— Нет, *важно!* — говорит она быстро, но в ее словах слышится какая-то запинка.

Словно она сейчас заплачет.

— Мина. — Я начинаю плыть к ней, но она отворачивается и ныряет. Она скользит под водой, а когда выплывает, уже не понять — это слезы или вода текут по ее лицу.

Больше мы эту тему не поднимали.

Неделю спустя мы идем на вечеринку к Эмбер. Эмбер, самодовольно улыбаясь, пробирается ко мне через толпу на веранде.

— Почему ты мне не сказала? — вопрошает она, накручивая на палец выгоревшие под солнцем локоны волос. Мы выходим во двор. Дом Эмбер стоит у самой реки, и я наблюдаю за плывущими по ней уточками.

— Чего не сказала?

— То есть, Мина и *тебе* не рассказывала? — распахивает глаза Эмбер. — Наверное, мне не стоило...

— Эмбер, колись уже, — перебиваю ее бормотание. Я могу быть стервой, когда придется. И все же я лучшая подруга Мины, как бы Эмбер ни пыталась ею стать.

— Мина спит с Джейсоном Кемпом.

— Что? — Я чувствую, как кровь приливает к лицу. Приходится крепче сжать стакан, иначе уроню его.

Я инстинктивно ищу Мину. Когда наши взгляды встречаются, я понимаю: она это спланировала, она этого хотела, она ждала, чтобы я узнала — и во мне поднимается ненависть к ней.

Это самый жестокий ее поступок по отношению ко мне, но, по правде говоря, не мне ее винить.

После двух недель, когда она постоянно висит на шее Джейсона, они целуются в любом удобном месте, и своим взглядом она давит на меня, наказывает меня, я все же не выдерживаю. Глотаю таблетки и захлебываюсь рыданиями.

Месяцами я была на грани, принимая слишком много, заглушая боль. Заглушая в себе ее. Настает следующий шаг, эволюция моего падения.

Это словно американские горки, скольжение вниз по наклонной, боль выжигает изнутри, ударяя прямо в голову. Приход — мимолетный, но такой прекрасный — затопляет меня, и я тянусь за бóльшим, пока он не исчез полностью. Что угодно, лишь бы стереть ее из памяти.

Но некоторые раны не затягиваются. Как бы их ни лечили.

СЕЙЧАС (ИЮНЬ)

Дома я разглядываю доску с доказательствами на обороте матраса, потому что мысли занимают только они. Я снимаю фото Кайла, разрываю пополам и бросаю на пол, едва сдерживаясь, чтобы не потоптаться по нему.

— Софи? — В дверь стучится мама. — Папа сказал, что у тебя болело колено. Я захала домой, чтобы проверить тебя.

— Секундочку. — Я с трудом опускаю матрас. Одеяло валяется на полу, а у меня нет времени, чтобы заправить постель, так что я просто бросаю его на кровать, засовываю порванное фото Кайла под подушку и сажусь поверх всего этого бардака. — Заходи.

Видя меня покрасневшую и виновато выглядящую, она хмурится. Зная маму, у нее должен быть список того, на что нужно обратить внимание, когда дело касается дочери-наркоманки.

— Что ты прячешь? — спрашивает она.

— Ничего.

— Софи.

Я вздыхаю, слезаю с кровати и достаю спрятанную под тумбочкой обувную коробку. Открываю ее и вываливаю содержимое на стеганое одеяло.

— Просто смотрела фотографии.

Мамино выражение лица смягчается, и она берет одну фотографию, на которой мы с Миной стоим, обнявшись, в неоновозеленых шапочках для плавания и розовых купальниках.

— Как раз перед твоим скачком роста, — говорит мама.

Забираю у нее фотокарточку, пытаюсь вспомнить, когда она была заснята; один из солнечных деньков на занятии по плаванию. У Мины нет переднего зуба, значит, нам около десяти лет. Тем летом она перелетела через руль велосипеда, когда обгоняла меня. Трев всю дорогу до дома бежал, неся ее на руках, а после я видела, как он проверял велик и можно ли на нем ездить.

— И перед множеством других событий, — отвечаю ей. Убираю фото назад в коробку и собираю остальные, с глаз долой.

— Нам надо поговорить. — Мама садится на край моей кровати, а я продолжаю собирать фотки, просто чтобы чем-то занять себя. Замираю на той, где мы с Тревом стоим на палубе его лодки и высовываем языки. С краю розовое пятно: от пальца Мины, попавшего в кадр.

— Прости за мои слова о твоём эссе для колледжа, — продолжает мама. — Напиши о том, что хочешь рассказать.

— Все нормально. И ты прости, что я накричала на тебя.

В ее руках фото, где я, пухлая и радостная, сижу на коленях у тети Мейси.

— Ты же знаешь, — раздаются тихие слова, — что моя мама умерла от передозировки.

Я поднимаю на нее взгляд, настолько удивленная ее словами, что роняю стопку фотографий.

— Да. — Быстро наклоняюсь, чтобы их поднять, благодарная, что мне не придется смотреть прямо на нее.

Мама редко рассказывает о бабушке. Мой дед живет в доме, который построил своими силами. После аварии он хлопнул мне по плечу (слишком уж сильно) и сказал:

— Ты справишься.

Это был почти приказ, но меня он успокоил, словно это было одновременно и обещание.

— Я нашла ее. Мне тогда было пятнадцать. Один из худших моментов моей жизни. Когда папа обыскивал твою комнату... когда я поняла, что ты могла пойти по той же дорожке... что в какой-то момент я могу зайти в твою комнату и ты не будешь дышать... я осознала, что подвела тебя.

Из ее рта вылетают невообразимые слова. Да, она подвела меня, но только после того, как я излечилась. Она отказывалась замечать во мне изменения, то, что я преодолела и приняла в себе — которые она сама не могла принять. Она стояла с безразличием к моим мольбам и слезам, скорби и ошеломлению, и видела в них вину и ложь.

Ненавижу, но во мне еще осталась частичка, обломок, не захваченный Миной, который понимает, почему родители мне не верили, почему запихнули на реабилитацию. Они хотели любым способом защитить меня.

Я понимаю.

Вот только не могу их за это простить.

ГОД НАЗАД (ШЕСТНАДЦАТЬ ЛЕТ)

Задний двор дома Алекса заполнен людьми. Занятия наконец закончились, а его мама уехала из города, что дало шанс им с братом устроить вечеринку, на которую заявился каждый житель двух округов.

После бесконечной очереди в туалет и жизненно-необходимой таблетки я выхожу наружу и ищу Мину и Эмбер. Споткнувшись о порог, уверяю себя, что это из-за ноги.

Ложь.

— Ой, Софи, осторожнее. — От бочонков с пивом и кулеров бежит Адам и берет меня под руку. Он подводит меня к столику, где рядом с подносом шотов с желе сидит Эмбер.

— Развлекаешься? — спрашивает она меня, когда Адам обнимает ее за талию.

— Ага, — снова лгу. Очень душно, и я лучше бы сидела дома, чем напивалась здесь и была жертвой комаров. Я выпила уже достаточно, но все равно принимаю у Эмбер пластиковый стаканчик, и мы быстро чокаемся. Я с трудом глотаю смесь вишни и водки.

— Куда Мина пропала?

— Без понятия, — отвечаю я Эмбер.

— Я не так давно видел ее в доме с Джейсоном, — говорит Адам. Когда музыка становится громче, он ближе притягивает Эмбер за талию. — О, малыш, пойдём потанцуем.

Эмбер усмехается, когда я отмахиваюсь от них.

Покидаю желешки и возвращаюсь в дом, пробираясь через толпу людей постарше меня, собравшихся вокруг брата Адама. Они определенно точно друзья Мэтта, если принять запах травы за отличительную черту.

Я иду через кухню в гостиную, когда слышу крик.

— Да пошел ты, Джейсон!

Я появляюсь уже к окончанию этого мини-спектакля. В гуще толпы стоит Мина, покачиваясь на высоких каблуках, лицом к лицу со своим бойфрендом. Джейсон несчастно сжимает пластиковый стаканчик. Люди жаждут зрелищ, и я ловлю взгляд Кайла, стоящего на другом конце комнаты. Одними губами спрашиваю: «Давно они?».

Он пожимает плечами и вскидывает брови в вопросе: «Помочь?».

Я качаю головой. Они ссорились всю неделю, так что я уже привыкла. Подхожу к ней и хватаю ее за локоть. Мину шатает от перебора алкожеле, и она пугается в собственных ногах.

— Какой же ты придурок! — Она рвется к нему, но я перехватываю ее за талию, изо всех сил стараясь устоять на ногах и одновременно удержать ее. Не очень-то и просто, учитывая весь выпитый мной алкоголь и две дорожки.

— С меня хватит! — говорит Мина. К большой моей радости, ибо я все же не падаю, как могло бы быть, продолжи она разборку. Она закатывает глаза, когда понимает, что комната погрузилась в молчание и все на нее пялятся. — Пошли, — раздражается она и идет на выход, я за ней, как и всегда.

— Твои ключи все еще у Джейсона, — пытаюсь ее догнать, говорю я. Она уже на середине двора Адама и направляется в сторону грунтовой дороги, ведущей к шоссе.

— Я обо всем позаботилась. — Она останавливается, разворачивается и ждет меня. Когда я подхожу, берет меня под руку.

Здесь, вдали от огней цивилизации, звезды на удивление яркие, и Мина задирает голову и улыбается, смотря на них.

— Все, достал, я с ним расстаюсь, — заявляет она. — И не хочу больше об этом говорить.

Я спотыкаюсь и поднимаю облако пыли, оседающей на пучках колючего чертополоха и васильков.

— Как пожелаешь, — внутри меня расцветает торжество.

— Шевелись, Соф. Я сказала ему, что мы будем в конце дороги. — Она ускакивает вперед, виляя бедрами в такт доносящейся со стороны дома музыке. Я усмехаюсь, шагая следом за ней.

— Кому ты позвонила?

— Треву.

Я останавливаюсь.

— Только не ему.

— Ну конечно ему, кому же еще. — Она подталкивает меня вперед. Луна сияет ярко, а я накачана достаточно, чтобы позволить своему взгляду задержаться на ее волнистых волосах, темной ряби на фоне бледной кожи. Воздух наполнен запахом сосен и свежестью, как обычно бывает незадолго до дождя, но я все равно улавливаю аромат ванили.

— Он взбесится, когда увидит меня пьяной.

— Мне пофиг. Еще больше он злился бы, урой мы Джейсона и сядь пьяными за руль. Ты сама знаешь, как он относится к тебе и автомобилям.

И то верно. Трев до трясучки боится, что со мной что-то случится. Даже спустя несколько лет в его глазах страх и желание защитить. Иногда я оборачиваюсь и встречаю его пристальный взгляд. Иногда он не отводит его, и в глубине я вижу то, что видят в нем другие девушки, чего они от него хотят.

— С ним, скорее всего, Бекки. Она меня ненавидит.

Мина смеется чуть дольше необходимого. Она всегда была легкомысленной.

— Правда ненавидит; слышала бы ты, что она о тебе триндит. Девчонке палец в рот не клади.

— Девушка Трева говорит с тобой обо мне? — удивление просачивается через туман окси-водки.

— Ну, не прям со мной. Я подслушала ее телефонный разговор после твоего отъезда. Но можешь не волноваться.

— Что она говорила? — Покачиваясь, я останавливаюсь и разворачиваю ее к себе лицом. — И что значит «можешь не волноваться»?

Мина вздыхает, высвобождая свою руку из моей хватки, и облакачивается на столб забора. Наклонившись, она срывает василек и крутит его в руке.

— Забей. — Отрывает лепестки от цветка, один за другим — *любит, не любит*, — а после бросает стебелек на землю. И медленно кружится, отчего ее юбка слегка взлетает.

— Да все и так знают, что вы с Тревом поженитесь и заведете кучу детишек, — говорит Мина с улыбкой, но в глубине этих небрежных слов я различаю горечь. — И Бекки хочет быть с ним. Только до нее не доходит, что единственный человек, которого хочет он, это ты.

— Но я не хочу Трева.

Иногда мне хочется, чтобы Трев узнал, в каком он треугольнике; тогда я не чувствовала бы этой вины. Но он не может и вообразить об этом, потому что Мина прячется за своими

тайнами, а моя душа увядает от таблеток, и у нас все лучше некуда, спасибо. Бесшабашные девушки танцуют на пыльной дороге, ожидая, когда их спасут от самих себя.

— И мы станем сестрами, если ты выйдешь замуж за Трева, — говорит Мина и дует губы от такой мысли. Словно Трев отбирает у нее желанную игрушку.

Идея подобного пугает меня чуть ли не до тошноты.

— Мы не сестры.

Мина моргает, и ее глаза вспыхивают в лунном свете. Мне хочется наклониться, прижаться к ее губам. Мне нужно знать, какова она на вкус — сладкая, наверное, как клубника.

И я пьяна настолько, чтобы это проверить, меня подстегивает ее ссора с Джейсоном и кайф от наркотиков. Делаю к ней шаг, но колено простреливает боль, острая и внезапная, от которой меня подкашивает. Я заваливаюсь вперед с тихим «уупс», и Мина ловит меня на полпути. Но я выше и тяжелее нее, так что мы все же оказываемся на земле запутанным смеющимся комком. Хихиканье нарастает, когда нас освещают фары фургона.

— Так это вы. — Заглушив двигатель, Трев высовывается из окна. — Слышал ваши вопли еще с шоссе.

— Трев! — пищит Мина и сжимает мою талию, отчего внутри меня все переворачивается. — Ты приехал! Я порвала с Джейсоном. Он осёл.

— А ты пьяна. — Он выходит из машины и осторожно поднимает ее на ноги. Стряхивает с ее плеч пыль, прежде чем присесть рядом со мной. — Соф, ты упала?

— Я в норме. — Я улыбаюсь, и он улыбается в ответ, беспокойство сходит с его лица. Он ждет, пока я не протяну руку, и тянет меня вверх.

— Стоять, — говорит он, когда меня покачивает и я льну к нему. Трев крепкий, теплый. Мина хихикает и жметя к нему с другого бока, и он обнимает нас обеих. Мы держимся за него. Возводим его между друг другом и словно огораживаемся от правды.

Но ее рука находит мою за его спиной, и мы переплетаем пальцы, наши кольца звенят, соприкасаясь, тайный, только нам понятный звук.

Вот только некоторые преграды возводят лишь затем, чтобы после разрушить.

СЕЙЧАС (ИЮНЬ)

— Ты сегодня молчаливая, — говорит Дэвид в середине нашего второго сеанса в понедельник. — О чем размышляешь?

Я поднимаю на него взгляд. Я крутила кольца на большом пальце, смотря на выгравированные слова, как будто они ключ к замку, который я до сих пор не нашла.

— Об обещаниях.

— Ты держишь свои обещания? — спрашивает Дэвид.

— Порой их сложно сдержать.

— А пытаешься?

— Разве кто-то не пытается?

Дэвид улыбается.

— Если только в идеальном мире. Но я думаю, кому как не тебе знать о несправедливости реального мира.

— Я пытаюсь. И очень хочу.

— Мина выполняла свои обещания?

— Ей этого и не надо было. Ее всегда прощали, что бы она ни вытворяла.

— Она тебе очень дорога.

— Какую еще очевидность скажете, Дэвид?

Дэвид дергает бровями, от моей враждебности его любезная улыбка сменяется просто нейтральной.

— Ты так же очень многое ей прощала.

— Не говорите так, словно были с ней знакомы. Не были. А теперь и не будете.

— Но ты можешь рассказать мне о ней.

Я долго молчу и просто сижу в тишине, и он не подталкивает меня к разговору. Просто откидывается в кресле, складывает руки и ждет.

— Мина была властной, — я наконец нахожу нужные слова. — И избалованной. Но внимательной и рассудительной. И умной. Могла выбраться из любого дерьма, просто улыбнувшись. Когда надо, была той еще сучкой, и никогда за это не просила прощения. О ней я думаю, когда просыпаюсь и когда засыпаю, да и все остальное время тоже.

Разглядываю висящие на стене дипломы в рамках, награды Дэвида, какие-то из них за организацию приюта для бездомных, другие — группы поддержки для женщин, переживших насилие. К тому времени, когда он прерывает молчание, текст практически каждого из них я могу воспроизвести по памяти.

— Похоже на зависимость, Софи.

Продолжаю пялиться на стену. Не могу на него смотреть. Только не сейчас.

— Больше не хочу ни о чем говорить.

— Хорошо, — соглашается Дэвид. — Просто посидим еще немного на случай, если передумаешь.

Уже в машине у меня вибрирует телефон. На время сеанса я его выключала, но сейчас вижу, что Рейчел оставила мне сообщение.

Звоню на голосовую почту и замираю, даже не донеся ключи до замка зажигания.

«Это я. Я взломала флешку. Срочно перезвони. Мне кажется, я знаю, из-за чего Мину убили».

ДЕСЯТЬ МЕСЯЦЕВ НАЗАД (ШЕСТНАДЦАТЬ ЛЕТ)

— Мы заблудились, — заключаю я.

— Ничего подобного. — Последние полчаса мы едем по грунтовой дороге на грузовике Трева, Мина за рулем. Снаружи темно, и только свет фар прорубает темноту, мелькая на деревьях у обочины, когда мы кружим по неровной дороге. — Эмбер сказала Шоссе 3, второй поворот направо.

— Мы абсолютно точно заблудились. Какая площадка для кемпинга будет находиться в такой дыре. Здесь кроме деревьев и оленей ничего нет.

Мина вздыхает.

— Ладно. Я поверну обратно. Наверное, пропустили поворот или еще что.

Деревья не пропускают сигнал, поэтому я даже не могу позвонить Эмбер и сказать ей, почему мы с Миной так опаздываем к ним с Адамом на эту площадку. Мина осторожно дает задний ход — горная дорога настолько крутая, что мне едва видно, чем заканчивается темнота внизу. Колеса оказываются близко к обрыву, и Мина, сосредоточенно прикусив губу, добела сжимает руки на руле. Наконец она разворачивается, но через милю в стекло начинают лететь камешки, и дорога становится еще более ухабистой.

— Черт. — Мина медленно останавливается. — Похоже, колесо пробило.

Я достаю из бардачка фонарик, выхожу из машины и свечу на шину.

Мина хмурится.

— Ты знаешь, как менять?

Я качаю головой и смотрю на дорогу. До шоссе не меньше пяти километров. Я рассеянно потираю ногу, думая, как сильно она разболится от такой прогулочки.

Мина вытаскивает телефон и начинает ходить кругами, чтобы поймать сигнал. Я не говорю ей, что это бесполезно, потому что ее глаза полны решимости, и она продолжает поглядывать на мою ногу, словно знает, какая боль меня ожидает. Я облокачиваюсь на плоский склон горы, нависающей над нами серым гигантом, и жду, когда она примет поражение. Сейчас август, но ночи прохладные, по спине пробегает холодок, пуская мурашки, и мне это нравится. Славно здесь, в лесу; он по своему шумный, треск и шелест в подлеске — надеюсь, олень, а не медведь, стон ветвей на ветру прерывается поступью Мины по гравию. Я закрываю глаза, наслаждаясь этими звуками.

— У тебя ловит? — с надеждой спрашивает Мина спустя примерно пять минут размахивания телефоном.

— Неа. Нам лучше уходить, — говорю я. — Не похоже, что мы перегородили главную дорогу, так что попросим Трева утром поменять колесо.

— Не говори глупостей. Тебе нельзя столько ходить. Я пойду одна и вернусь за тобой с помощью.

— Да какие глупости? Это же ты провалила курс выживания в лесу в Герл Скаутах. Тебя там медведь съест. Идешь ты — иду и я.

— Это дорога. Нельзя заблудиться, идя по дороге. И все равно ты не сможешь столько пройти.

— Уверена, что смогу.

— Ни за что, — упрямится она.

— Ты не можешь указывать, что мне делать. Я иду.

— Нет!

— Да, — говорю я, начиная раздражаться. — Да что с тобой? Хватит воспринимать меня...

— Слабой? — заканчивает она. — Искалеченной? Пострадавшей? — Ее голос становится громче с каждым словом, словно они сидели в ней вечность, а теперь наконец высвободились.

Я отшатываюсь, будто она ударила меня, а не просто сказала правду. Даже при том, что она в десятке шагов от меня, мне нужно больше расстояния между нами. Я запинаюсь, злясь на свою неуклюжесть в такой момент.

— Какого черта, Мина?!

Но я словно открыла ящик Пандоры, и в ночь продолжают вылетать ее резкие слова.

— Если ты пойдешь, то после используешь это как оправдание принимать свои гребаные таблетки. И станешь осоловелая и рассеянная, как *всегда* в последнее время. Я понимаю, что тебе больно, Соф. Но я знаю *тебя*. Ты вредишь себе, и никто больше этого не замечает или не говорит об этом. Остановись. Пока это переросло в проблему.

Внутри переплетаются паника и облегчение. Паника — потому что она знает, облегчение — потому что она не осознает, насколько все плохо. Она думает, что я на краю и готова прыгнуть, когда на самом же деле я уже на дне этой пропасти и едва вижу, как она стоит наверху.

Еще есть время все исправить.

Ложью проделать себе выход.

Я даже не пытаюсь воспринимать ее слова всерьез, потому что у меня все в *порядке*. Я все держу под контролем, и нечего ей совать сюда свой нос.

И вообще, частично в этом есть и ее вина.

— Прощу, Софи, услышь меня. — В ее широко распахнутых глазах отражается тревога, и я душу в себе дикое желание сказать, как далеко я зашла, что натворила, кем я стала.

Но тогда ее любовь ко мне — какой бы она ни была — погаснет. И как иначе? Разве можно любить меня такую?

— Ты права. Я поговорю с докторами, довольна?

— Поговоришь? — Она выглядит такой маленькой. Да, она и так крошечная, но сейчас даже ее голос звучит слабо. — Правда?

— Правда. — Живот сворачивает от лжи. Убеждаю себя, что поговорю, что сделаю это ради нее.

Но в глубине души знаю, что этого не произойдет.

Я не смогу.

Она подскакивает ко мне и обнимает. Меня окутывает аромат ванили, запахи влажного леса и зелени смешиваются с ним, создавая самый идеальный парфюм. Ее теплые руки обвивают мою талию, она прячет лицо в изгибе моей шеи и с облегчением вздыхает.

Она исчезает в ночи с фонариком и бутылкой воды, а я покорно остаюсь ждать в машине, как хорошая девочка.

Жду, пока она не пропадает из виду, и достаю из сумки контейнер с таблетками.

Вытряхиваю четыре и всухую проглатываю их.

СЕЙЧАС (ИЮНЬ)

Не могу дозвониться до Рейчел. После получаса бессмысленного шатания я бросаю телефон (шесть звонков без ответа, пять смс, три голосовых письма) в сумку и спускаюсь вниз. Надеюсь, она дома. Поеду сразу туда.

Но когда я открываю входную дверь, на крыльце оказывается Кайл.

— Зачем пришел? — Мне хочется протолкнуться мимо него, убрать его с дороги, с глаз долой.

Что же нашла Рейчел? Почему не отвечает мне?

— Хочу поговорить с тобой.

— Сейчас реально не вовремя. — Я выхожу, закрываю за собой дверь и сбегая по ступенькам.

— Ты дважды устраиваешь мне засаду, а сейчас у тебя нет и пяти минут? — Он следует за мной по пятам так близко, что меня охватывает гнев.

— Ты солгал полиции, саботировал расследование убийства и из-за тебя меня заперли на реабилитации — и все из-за ревности. Уж прости, что ты меня бесишь.

Я открываю дверь машины, а он захлопывает ее, отчего я подпрыгиваю. Поднимаю взгляд и впервые замечаю темные круги под его налитыми кровью глазами.

Вспоминаю слова Адама о том, что Кайл плакал незадолго до смерти Мины. Каким был его голос, когда он осознал, что она сказала ему правду.

Он любил ее. В этом я не сомневалась, хоть и было неприятно. И я слишком хорошо понимала чувство разочарования и опустошения, любви и ее потери.

— Мне некогда. Если хочешь поговорить — говори. — Скрепя сердце, я соглашаюсь. — Если нет, так уйди с дороги.

Он смотрит на мою сумку.

— Надеюсь, ты не станешь угрожать этим своим спреем от медведей?

— Садись или уходи, Кайл. Мне пофиг. — Я забираюсь в машину и включаю зажигание. Он оббегает и открывает дверь с пассажирской стороны, садясь, когда я жму на газ. — Пристегнись. — Обязательный приказ каждому, кто оказывается в моей машине. Как и у Трева, рефлекс, который ни одному из нас не превозмочь.

Несколько минут тишины, и Кайл начинает постукивать ногой. Я закатываю глаза и включаю радио.

— Выбирай.

Он переключает станции, пока я мчу на восток города, к выезду на Трассу 99.

— И куда мы едем? — спрашивает он, останавливая свой выбор на кантри, и смотрит в окно.

— Нужно кое с кем встретиться. Ты останешься в машине.

Теперь уже Кайл закатывает глаза.

— Так скажешь уже, чего ты хочешь? — Я обгоняю пожилую даму в Кадиллаке, ползущую со скоростью на двадцать километров в час ниже ограничения, и прибавляю газу после поворота на Главную, чтобы миновать подъем. Мы едем мимо старого кирпичного здания муниципалитета, построенного еще во времена золотой лихорадки, когда и был

основан город. Над входом висит огромный баннер, приглашающий на Фестиваль Клубники. Раньше Мина всегда тащила меня на него, мы играли в дурацкие фестивальные игры и ели кучу выпечки.

— Я правда не хотел, чтобы у тебя были неприятности, — говорит Кайл.

— Не ври хотя бы сейчас.

— Ладно, я хотел, чтобы у тебя были неприятности, — признает он. — Но я думал, что ты и так в жопе. Не стал бы ничего делать, если бы не считал, что ты выпутаешься. Знаю, это не оправдание. Но... если наркотики не при чем, должно быть что-то еще, так?

— Ага.

Я поворачиваю на шоссе. В это время года 99 трасса — серая полоса посреди моря пожелтевшей травы, изгородей из колючей проволоки и островков темно-зеленых дубов. Коровы пасутся в полях, от главной дороги отходят грунтовые, вдали виднеются полуразрушенные сарайчики и фермы. Наполненная спокойствием картина. И даже время словно замедляет свое движение.

Но кому как не мне знать, настолько обманчивой она может оказаться.

— И это не было ограблением, — продолжает Кайл. — Я в курсе, что он забрал ваши сумки, но почему он стрелял только в одну из вас? Почему вообще стрелял, раз получил, что хотел? Почему не забрал и машину? Почему оставил тебя в живых? Почему подбросил наркотики?

Ого, а он всерьез этой темой загрузился. Мне в голову приходит мысль, что круги под его глазами могут быть результатом бессонных ночей, когда он страница за страницей изучал статьи об убийстве Мины. У него есть копия полицейского отчета, как у меня? Запомнил ли он его наизусть?

С трудом сдерживаюсь от закатывания глаз.

— Я об этом месяцами твержу. Но, что странно, никто меня не слушает.

— Да, это мой косяк, — тихо шепчет Кайл. — Но я же извинился и все объяснил.

— Не все так просто. Благодаря тебе все расследование пошло под откос. Меня заперли на реабилитации, где мне только и оставалось, что сидеть и думать, что убийца Мины ходит на свободе и никто его не ищет. И никакие извинения этого не изменят. Мы уже не в первом классе. Твое признание ничего не изменит и не поймают убийцу. Сейчас мне остается лишь собирать частички правды и пытаться сложить из них целую картину.

— Я хочу помочь.

На дорогу выскакивает белка, и я выворачиваю руль, чтобы не раздавить ее, но меня заносит на встречную полосу. На одну ужасную секунду меня охватывает страх, что сейчас я потеряю управление и мы разобьемся.

— Черт, Софи. — Кайл хватается за руль и, нависнув надо мной, сворачивает на обочину, пока я пытаюсь остановиться.

Я всхлипываю, кусаю щеку изнутри, чтобы губы перестали дрожать, и вытаскиваю ключ из зажигания. Втягиваю воздух через нос.

— Эй. — Кайл хмурится и неуклюже треплет мое плечо. Странно, но от этого мне становится легче. — Все в порядке. Мы целы.

Так крепко сжимаю руль, что костяшки пальцев белеют. Легкие сводит от страха, сердце колотится как бешеное. Воздуха не хватает. Мне хочется прижаться лицом к прохладному стеклу окна, но не могу же я сделать так перед ним. И не буду. Так что просто концентрируюсь на дыхании. Вдох, выдох. Вдох, выдох.

Когда я наконец прихожу в себя, Кайл тихо спрашивает:

— Мне сесть за руль?

Вдох, выдох. Вдох, выдох. Еще два глубоких вдоха, и я разжимаю хватку на руле.

— Я в норме.

Снова включаю двигатель, давлю на газ, и, поднимая облачка придорожной пыли, выезжаю на дорогу.

Вдох, выдох.

Вдох, выдох.

СЕМЬ МЕСЯЦЕВ НАЗАД (ШЕСТНАДЦАТЬ ЛЕТ)

Всю неделю я с нетерпением жду, когда же смогу позвонить Мине. Помимо родителей, мне позволены только два телефонных звонка в неделю. Отстой, но приходится следовать правилам тетушки Мейси. Поэтому когда на экране высвечивается номер Трева вместо Мины, во мне вспыхивает разочарование.

— Привет, — стараюсь говорить как можно радостнее. — Разве ты не на занятиях?

— Мне нужен был перерыв. И хотел поведать тебя. Давно не разговаривали.

Несколько месяцев, по правде говоря.

— Неплохо, — отвечаю я, проводя рукой по застилающему кровать пледу. Он сшит из квадратных лоскутов, и мне нравится накручивать на пальцы атласные ленты, которыми они соединены.

— Да?

— Да, знаешь, терапия, принятие собственных ошибок и недостатков, все такое. Сплошное веселье.

— Похоже на то. Больно? Ты... справляешься?

— Больно. Постоянно.

Из динамика слышится его вздох, рваный и слишком резкий, что мне кажется, зря ему так честно ответила. Он до сих пор винит себя?

Ну конечно винит. Трев не знал бы, как себя вести, не будь его любовь ко мне завязана на какой-то форме вины.

Это у них с Миной общее.

— Я переживал за тебя.

— Знаю. — Откидываюсь на спину, тону в безопасности своих подушек. — Со мной все будет в порядке.

— Мина соскучилась по тебе.

— И я по ней. — Слышит ли он? Всю правду в этих четырех крошечных словах?

— Уже знаешь, когда вернешься домой?

— Точно не в ближайшие месяцы. Слишком тяжело отвыкать от таблеток. Я не хочу... — Замолкаю.

— Что? — спрашивает Трев.

— Я просто... не могу. Не сейчас. — Точно знаю, что он не понимает всего смысла моих слов. Как больно. Как было тяжело. Приходилось видеть самое худшее в себе. Внешнее уродство ничто по сравнению с внутренним.

Я уже не та, что прежде. Внутри пустота. Меня грызет постоянный страх, что стало слишком поздно, что я все испорчу, скачусь на самое дно, безвозвратно. Теперь я понимаю, насколько слаба.

— Я поправлюсь. Мне колют кортизон в спину, помогает, и хочешь верь, хочешь нет, но я занимаюсь йогой и мне реально нравится.

— Йогой? — переспрашивает он. Слабею, когда слышу его смех. — Мне казалось, это для тебя чересчур медленно.

— Времена меняются.

— Думаю, так и есть.

И снова молчание. Гляжу на потолок, на все звездочки, которые наклеила Мейси.

— Где Мина? — спрашиваю. — Она должна была позвонить.

— Знаю. Она попросила меня позвонить и сказать, что поговорит с тобой во вторник.

Ей некогда. Готовится официально представить нам с мамой своего нового парня.

Меня накрывает холодным потрясением. Настолько быстро принимаю сидячее положение, что спина мучительно вспыхивает в знак протеста.

— Парня?

— Она не говорила тебе? Ну конечно не говорила. Ох уж эта Мина и ее секреты. — Слова Трева полны нежности. — Тот блондин, который ходит за ней как потерянный щенок. Кайл.

— Кайл Миллер, — выдаю с хрипом. Меня сейчас стошнит. Чуть не роняю телефон, но заставляю себя продолжать слушать.

Ни разу ничего не сказала. Всё время, все эти месяцы я думала...

Господи. Снова повторяется история с Джейсоном Кемпом. Только на этот раз всё намного хуже.

— Да-да, он. Он нормальный? Или мне придется отпугнуть его?

— Эээ... — И что мне сказать? Он бабник. Придурок мирового масштаба. Изменщик... любую другую ложь, чтобы убрать его подальше от нее.

— Соф?

— Он... нормальный, вроде, — мямлю в ответ. — Спортсмен. Всегда был влюблен в нее без памяти. Похоже, она все же решила дать ему шанс.

Постучав по открытой двери, в комнату заглядывает Мейси. Постукивает по часам, и я киваю, что скоро закончу.

— Мне пора, — выпаливаю. Глаза горят. В любую секунду могу заплакать и отчаянно желаю прервать разговор, пока он не понял. — Трев... она счастлива?

— Да, — отвечает он, не осознавая, что одно это слово творит со мной.

— Хорошо, это... отлично. Ладно, пока. Спасибо, что позвонил.

— И снова позвоню. Увидимся, когда ты вернешься домой.

— Конечно.

Теперь домой мне совсем не хочется. Хочу остаться здесь навечно. Скрыться от того, что ждет впереди. Я зла, мне больно, даже спустя столько времени кожа помнит ее прикосновения. Понятия не имею, как поступить дальше. Откладываю телефон и сижу на кровати.

Так и тянет что-нибудь принять.

Мысль просачивается в меня, мучительная, соблазнительная. Зовет меня. *Еще разок. Будет приятно, поможет забыть, станет лучше.* Как же хочется.

Три месяца. Одна неделя. Один день.

Не могу.

И не буду.

Но как же хочется.

СЕЙЧАС (ИЮНЬ)

— Ты реально оставишь меня ждать в машине? — спрашивает Кайл, пока мы едем по грунтовой дороге к дому Рейчел. Я паркуюсь позади заляпанной грязью Шеви и выхожу, пытаюсь игнорировать до сих пор дрожащие ноги.

С неохотой отвечаю:

— Нет. Шевелись.

Он следует за мной до входа, и я громко стучу в дверь. Прежде сдерживаемое нетерпение снова пробуждается к жизни.

Что же она откопала?

Никто не открывает, но неподалеку слышится рокот двигателя, так что мы идем на задний двор. На веранде, наслаждаясь теплом, лежат собачки. Рейчел ведет древнюю газонокосилку, стрижет длинную, выгоревшую за лето траву. Она машет, заметив нас, и, выключив мотор, подходит.

— Это кто? — спрашивает меня, поравнявшись с крыльцом.

— Кайл.

Рейчел вскидывает брови.

— Seriously?

— Кажется, он на нашей стороне, — говорю я.

— Ага, на вашей, — поддакивает Кайл. — Привет. — Он протягивает руку, и девушка, хмурясь, пожимает ее.

— Потом расскажешь мне обо всем в самых подробных деталях, Софи, — грозит она.

— Обязательно, — соглашаюсь я, пытаюсь скрыть нетерпение. — Теперь говори, что ты узнала?

Рейчел потирает лоб и промокает бисеринки пота на висках.

— Идемте внутрь. Лучше вам увидеть это самим.

Она приводит нас в гостиную, где на журнальном столике стоит ноутбук. Несколько минут она что-то кликает и печатает, а после включает проектор, установленный рядом. На стене напротив появляется ее рабочий стол.

— Знаете что скажу? Ваша подружка такая дотошная была. — Рейчел кликает по файлу с названием «Хр», и у меня чуть ли не глаза на лоб лезут от того, что я вижу. *28 сентября: Джеки Деннингс пропадает на пробежке по Клир Крик Роуд (примерно в 18:00). Ее мать сообщает в полицию, когда та не возвращается к ужину (прим. в 20:00). Полиция обнаруживает розовый свитер у обочины Клир Крик Роуд (прим. в 21:00).*

Быстро просматриваю страницу до конца.

Это же хронология.

В груди расцветает триумф. Я была права. Мина расследовала историю, из-за которой ее и убили.

— Что это? — спрашивает Кайл.

— Заметки Мины, — отвечаю, пока Рейчел щелкает по стрелке, переходя на другую дату. *30 сентября: Мэтью Кларк (парень Джеки) вызван на допрос. — Это — настоящая причина, почему мы были на Букер Поинт. Рейчел, все файлы на флешке связаны с Джеки*

Деннингс?

— Ага. — Рейчел уменьшает хронологию и выводит на экран больше файлов, газетных статей с заголовками «Местные жители ищут пропавшую девушку»; «Уже шесть недель никаких известий о пропавшей местной девушке»; и «Прошло два года, исчезновение Деннингс до сих пор остается загадкой».

— Твою мать, — ругается Кайл.

— Что такое?

— В прошлом году Мина попросила меня узнать у брата номер Эми Деннингс. Таннер и Эми дружат.

— Младшая сестра Джеки? — уточняю я.

Кайл кивает:

— Ты помнишь, когда пропала Джеки? Только начался девятый класс. Все эти ночные дежурства.

— Трев тогда упал духом. Они с Джеки вместе учились.

Я смотрю на статьи на стене. Оттуда мне улыбается лицо Джеки Деннингс, прямые светлые волосы, ниспадающие на плечи, голубые глаза полны доброты и тепла.

Что такого обнаружила Мина, раз ее действия стали столь опрометчивыми?

— Что еще в записях? — спрашиваю я Рейчел.

— Джеки Деннингс числилась пропавшей в течение трех лет, — рассказывает Рейчел. — Так и не нашли ни единого следа. Ни единой зацепки. Она просто... *испарилась*. Не хочу нагнетать, но я больше чем уверена, что она мертва. И Мина думала так же. — Рейчел несколько секунд щелкает по кнопкам, и на месте статей появляется карта округа. Северо-запад обведен в круг, и, подойдя ближе, я вижу, что прямо в центре круга Клир Крик Роуд, где и попала Джеки.

— Она искала места, где могло бы быть тело Джеки? — От этого предположения меня начинает подташнивать.

— Ну, да, — подтверждает Рейчел. — То есть я не знаю, ходила ли она по лесам с лопатой, но отмечала все на карте. Прикидывала, как далеко мог уйти ее похититель до того, как полиция заблокировала дороги. Теория Мины в том, что Джеки похитили на Клир Крик Роуд, а после убили и выбросили труп в другом месте.

Я качаю головой:

— На западе у него в распоряжении половина реки Тринити.

— А в пятнадцати километрах еще и озеро есть, — добавляет Рейчел. — Идеальное место, чтобы избавиться от тела. Никто и не будет там искать.

— То есть ты говоришь, что кто бы ни убил Джеки Деннингс три года назад, он же убил Мину? — спрашивает Кайл.

— Ну, если причиной встречи была статья, то скорее всего именно *эта*, — полагает Рейчел. — И она опрашивала людей, связанных с этим делом. Здесь три аудио-файла с разговорами с семьей Джеки и ее парнем. Наверное, поэтому она и узнавала у тебя номер Эми, Кайл. Разговор с ней тоже есть на флешке.

У меня перехватывает дыхание, внутри что-то переворачивается, чувствую некую смесь страха и удивления.

— Есть... запись... как Мина говорит?

Рейчел подходит ближе и сжимает мою руку.

— Хочешь, чтобы я включила?

Меня накрывает волной желаний вперемешку с протестом.

Я не готова.

— Нет, — быстро выпаливаю. — Нет. Пожалуйста. Не надо.

Позади раздается выдох, наполненный облегчением. Кайл.

— У нее была куча материала, — продолжает Рейчел. — Отвечаю, она сохранила каждую статью, которую только писали о Джеки. И список ее подозреваемых очень детальный — в этом она была хороша.

— Чересчур хороша. Она слишком близко подобралась. И ему пришлось заткнуть ее.

— Есть еще кое-что, — добавляет Рейчел. — Похоже, убийца пытался предупредить ее. Чтобы она отступила.

— Что? — одновременно с Кайлом восклицаем мы.

— Seriously, смотрите. — Она снова выводит на экран хронологию и пролистывает вперед. — Она охватила довольно большой промежуток времени. В декабре больше всего записей, за несколько месяцев до того, как ее убили. Смотрите, что здесь написано.

5 декабря: Получила записку. Отправитель советует не лезть (Предупреждение? Или угроза?)

20 декабря: Вторая записка. Собираюсь на время залечь на дно. На всякий случай.

Меня накрывает гневом.

Почему она постоянно всё скрывала? Ей следовало знать лучше. Следовало понимать, что она не была неуязвимой. Ненавижу ее за эту безрассудность. Что даже не задумалась о том, что мы пойдем по ее следам.

— Вот что убийца имел в виду, — шепчу я. — Той ночью. Он сказал «Я предупреждал тебя», прежде чем застрелить.

— Она получала записки с угрозами и ничего нам не говорила? — Кайл выглядит изумленным. — Она сообщила бы в полицию, — добавляет он, но неуверенно, потому что в глубине души знает, что неправ. Он пытается скрыть, забыть, какой она была в действительности. Она существовала наполовину в этом мире, а наполовину в своем собственном, и когда она нарушала правила, было так прекрасно ощущать себя частью происходящего, что ты готов был безоговорочно бежать за ней по пятам, лишь бы погреться в лучах ее свечения. — Или Треву? — предполагает, когда ни я, ни Рейчел ничего не говорим. — Может, она рассказала Треву?

— Если бы она сказала Треву, что ей угрожают, поверь, мы бы здесь сейчас не стояли, — утверждаю я. — Сейчас она была бы жива. Потому что Трев запер бы ее в комнате и вызвал копов. Именно поэтому она никому ничего и не говорила.

Кайл переводит взгляд в окно, а Рейчел кусает губу, ее взгляд мечется между нами.

— Но она не пошла бы туда посреди ночи, если бы думала, что встретится с человеком, который ей угрожал, — Кайл нарушает напряженное молчание. На этот раз в его голосе нет и следа неуверенности.

— Ты в этом уверен? — уточняет Рейчел, глядя скорее на меня, нежели на Кайла.

Я почти пожимаю плечами, но Кайл меня опережает.

— Да, — уверенно говорит он. — Только не с Софи. Если бы она считала, что есть какая-то опасность, то придумала бы оправдание, чтобы Софи осталась дома.

— Она не относилась ко мне...

— Ты и не представляешь, как она боялась, что ты снова сорвешься... только об этом со мной и говорила. Она не подвергла бы тебя опасности.

Жар приливает к щекам, и затянувшееся молчание прерывает покашливание Рейчел.

— То есть, значит, это был кто-то, кого она не ожидала, — говорю я.

— Это значит намного большее, — добавляет Кайл. — Это значит, что это был кто-то, кому она доверяла.

Кайл прав, конечно он прав. И меня мутит от понимания, что убийца втерся к ней в доверие, убедил встретиться именно там, и она пошла из-за своего всепоглощающего желания знать.

— Там нет никаких сканов или фоток этих записок? — спрашиваю я.

Рейчел качает головой:

— Нет. Но она бы их не уничтожила?

— Однозначно, — подтверждаю.

— Но полиция обыскивала ее комнату, — говорит Кайл.

— Не очень-то тщательно — эту флешку я нашла под половицами.

— Тогда нужно еще раз ее обыскать, — предлагает он.

— У меня это не выйдет, — вздыхаю я.

— Почему?

— Трев, — отвечает Рейчел, когда становится очевидно, что от меня ответа не дожидаться.

— Ох, точно, — доходит до Кайла, и у него хватает мозгов принять виноватый вид. — Он нехило разозлился на тебя. Я с ним поговорю и все объясню. Скажу, что солгал, что не по твоей вине вы были на Поинте. Не волнуйся. Трев у тебя под каблуком — он тебя простит.

Игнорирую последнюю часть его речи, потому что совсем не хочу об этом думать, и гляжу на Кайла.

— Если ты расскажешь Треву правду, он тебе задницу надерет.

— Уж о себе я могу позаботиться, — бормочет Кайл.

— Это плохая затея, — спешно говорю я, больше ради блага Трева, чем Кайла.

— Но...

— Брось это, Кайл, — наседаю я. — Рейчел, что еще у тебя есть?

— Почти ничего. Я сделаю копии для вас. Вы знали ее, знали ход ее мыслей, может, заметите что-то, что я пропустила.

— Можем встретиться снова через несколько дней, — предлагает Кайл. — Ну, обменяться мнениями?

— Хорошая идея, — говорит Рейчел и смотрит на меня, ожидая согласия.

Я киваю.

— Да. Хорошая идея.

ЧЕТЫРЕ С ПОЛОВИНОЙ МЕСЯЦА НАЗАД (СЕМНАДЦАТЬ ЛЕТ)

— Мы опоздаем, — говорит Мина.

Я застегиваю молнию на ботинках и поправляю штанины поверх них.

— У нас еще двадцать минут в запасе. Успокойся.

Она заваливается на мою кровать, разбрасывая в стороны декоративные подушки. На ней надето ярко-розовое платьице, настолько короткое, что при виде него ее мама закатила бы истерику — поэтому Мина и переоделась, придя ко мне. Рукава украшены мелкими бликующими на свету бусинами камнями.

Она опирается на локоть, густые темные волосы, перекинутые через плечо, контрастируют на розовом фоне.

— Ты уверена, что хочешь надеть эти джинсы? Лучше черные скинни. И заправить их в обувь.

— В скинни не вздохнешь.

— Но они тебе жутко идут.

Оценивающе смотрю на нее, слишком уж подозрителен этот внезапный интерес к моей одежде.

— Ты мне чего-то недоговариваешь? — спрашиваю ее. Больше всего на свете Мина любит устраивать сюрпризы. — Зачем мне наряжаться? Ты же не устроила вечеринку по случаю моего возвращения? Мина, я их ненавижу.

— Вот поэтому я себя притормозила, — вставляет Мина. — Мы просто поедим бургеров с Кайлом и Тревом. Как я и говорила.

Бросаю на нее взгляд:

— Ладно. Но я все равно считаю, что ты странно себя ведешь.

— А я считаю, что ты должна переодеться.

— Ни за что.

— Ну хотя бы губы накрась.

— Да что с тобой? — натягивая свитер, спрашиваю я. — Это просто Трев и твой парень. — С каждым разом называть Кайла ее парнем становится все легче и легче. Я тренировалась перед зеркалом.

— Ты симпатичная девушка. — Мина встает с кровати и тянется к моей шкатулке с украшениями. — И половину своей жизни одеваешься так скучно, потому что считаешь, что из-за этого люди станут меньше тебя замечать.

— Может, я не хочу, чтобы меня замечали.

— Так, а я о чем и говорю. — Стоя перед зеркалом, она подносит к ушам пару серебряных сережек-колец, но, повертев головой, откладывает их. — Ты хочешь спрятаться ото всех. Ты к себе несправедлива.

— Не я одна хочу спрятаться, Мина, — отвечаю, а она теребит в руках выбранное ожерелье.

— Я пойду вниз, — говорит она безэмоционально. — Нам пора выезжать.

Когда мы наконец приезжаем, Трев и Кайл уже сидят за столиком в кабинке. Вся бургерная забита приехавшими на выходные из колледжа студентами, большая компания

играет в бильярд в углу зала, в свободных от киев руках они держат бутылки «Короны», украшенные дольками лайма. Музыка в автомате не меняли, кажется, вечность; здесь всегда звучит древнее кантри со звонкой гитарой.

Мина скользит на место рядом с Кайлом, а Трев выходит из отделанной дубом кабинки.

Из Орегона я вернулась неделю назад. Это наша первая встреча, и меня удивляет, как я рада его видеть. С Тревом легко. Спокойно. Именно то, что мне нужно после дней пустословия и предостерегающих взглядов от Мины.

Он обнимает меня и словно утешает, с Тревом всегда так.

— Наконец-то, Софи, — говорит он, и я ощущаю вибрацию в его груди.

— Как учеба? — спрашиваю я, пока мы рассаживаемся. Я полна решимости сосредоточиться на Треве, не обращать внимания на Кайла и то, что он закинул руку на спинку дивана позади Мины, словно это его собственность. Словно она его собственность.

— Все время занимает, — отвечает Трев.

— Трев строит лодку, — вставляет Мина.

— Еще одну? — оборачиваюсь я к нему.

После той аварии он заново отстроил полуразвалившийся парусник, и иногда я составляла ему компанию в доке. Это было единственное время, когда я могла находиться рядом с ним и не чувствовать себя под бременем его вины. Единственное время, когда он восстанавливал что-то, помимо меня.

Месяцами он чинил корпус и перекладины. Наконец закончив, он взял нас — только мы вдвоем, он, я и Мина, — в первое плавание. Я смотрела, как заботливо он гладит свою лодку, словно прикасается к святыне, и вдруг поняла о нем то, чего не понимала раньше. Осознала, что мы с ним связаны вместе, почти так же, как я и Мина.

— Ты бы видела толпы девчонок, которые собираются в доках каждые выходные, — хихикает Мина. — Сидят, развалившись, на солнышке и поглядывают на него — так забавно. Наверное, сними он футболку, с ними случится массовая истерия. Фу. — Высунув язык, она брызгает Трева водой из стакана.

Трев закатывает глаза, а Кайл смеется.

— Точняк!

— Успокойся, мелочь, — говорит Трев Мине.

— Сходи туда, Соф. Напугай их до усрачки. — Под столом Мина подталкивает меня ногой, и вся легкая атмосфера, подначки Трева и Мины исчезают в ту же секунду.

Я бледнею, и Трев явно замечает мою реакцию. Интересно, думаю я, видит ли он, как она смотрит на меня, как всё ее внимание приковано ко мне, видит ли горечь в ее улыбке, отчаянной и чертовски испуганной. Понимает ли он, что она со мной творит — со всеми нами?

И потому, что такая уж Мина, она идет напролом.

— Нам с Кайлом нужна была пара для двойного свидания. Идеально. Правда забавно, да, малыш?

— Конечно, — соглашается Кайл.

Чувствую, что Трев глядит на меня, но не могу оторвать от нее пристального взгляда, когда говорю:

— Сейчас вернусь.

Ни единого колебания на ее лице. Она все так же смотрит на меня, тогда как я же почти готова лечь перед ней на столе.

— Хорошая идея. Нам надо освежиться. — Она перекидывает сумку через плечо и бросает Кайлу улыбку. «Все отлично, просто идеально» — такую улыбку. До Кайла даже не допирает, какую же чушь она несет, но я понимаю — как и Трев, он хмурится, силясь понять, почему я расстроена, почему она такая радостная.

К женскому туалету она шагает с таким видом, словно ей плевать на весь окружающий мир. Словно не она сейчас сводила меня со своим братом, словно не играла со мной (и с ним) самым худшим образом.

Мина любит играть с огнем.

Но сейчас сгораю только я одна.

СЕЙЧАС (ИЮНЬ)

Назад к моему дому мы едем в тишине.

Когда я, припарковавшись, тянусь к ручке двери, он не выходит. Только смотрит на приборную панель, сложив руки на коленях. В течение долгой, неудобной минуты мне хочется просто уйти и оставить его одного. Но он внезапно начинает говорить.

— Я признался ей в любви ее, — произносит он. — За неделю до того, как... Сказал, что люблю, а она заплакала. Я думал, она... Как же глупо. Какой же я тупой. Я считал, что знаю ее. Но не знал ее совсем. — Он смотрит на меня полными печали щенячьими глазками, и мне становится жалко его даже при том, что я до сих пор на него сержусь. — Как так получается, Софи? Настолько сильно любить человека и не иметь ни малейшего понятия, что творится в его душе?

Ни единой мысли, как на это отвечать. Я любила ее. Настоящую ее. Любила такой, какой ее знал весь мир, какой ее знала я — перепуганной и убегающей прочь и отчаянно летящей мне навстречу. Каждую ее часть, каждое измерение, каждую версию я знала и любила.

Вспоминаю о том времени, когда мы были младше. Даже в средней школе Кайл вечно крутился неподалеку, наблюдал, очарованный, в то время как с ней была я. Выждал и наконец получил то, что хотел, но его это сокрушило.

Я понимаю, почему он меня ненавидит. По той же самой причине, что я ненавидела его в те месяцы. Он отнял ее у меня. А теперь ее отняли у нас обоих. В этой игре, о которой мы даже не догадывались, победителей нет.

Из-за такого нашего сходства я могу отложить свой гнев. Могу стать добрее. Ей бы этого хотелось.

— Мина доверилась тебе. Рассказала правду. Это многое значит.

Он смотрит на меня, словно впервые видя. Горе все еще плещется в его глазах, но теперь к нему примешивается что-то еще, пронизывающий взгляд, от которого хочется поскорее сбежать.

— Знаешь, у всех есть вроде, ну, мечты? На всю оставшуюся жизнь?

Я киваю.

— Мина была моей.

Я тянусь — не могу сдержаться — и сжимаю его плечо.

— И моей.

После отъезда Кайла я поднимаюсь к себе в комнату и просматриваю файлы, которые нам дала Рейчел.

Хронология, составленная Миной, не идет ни в какое сравнение с тем убожеством, что прячется на обратной стороне моего матраса — протяженностью лишь в год, со списком подозреваемых и краткими заметками по каждому заинтересованному лицу.

Я не могу даже вспомнить, чтобы хоть раз разговаривала с Джеки Деннингс. Мой первый год средней школы был омрачен аварией, но даже без нее наши пути вряд ли бы пересеклись. Она была старше и, являясь президентом класса и очень популярной девушкой, для меня существовала лишь как миленькая блондинка, скорее идея, нежели реальный

человек. А однажды эта блондинка оказалась на плакатах «Пропала», и висели они на каждом шагу. Семья Деннингс даже арендовала билборды на въезде в город, но и это ни к чему не привело.

Согласно записям Мины, Джеки хорошо училась и подавала надежды в спорте, была любящей сестрой и примерной дочерью. Ей даже предложили полную спортивную стипендию в Стэнфорде. Единственным минусом в ее портрете идеальной девушки был бойфренд.

Когда пропала Джеки, Мэтт Кларк стал главным подозреваемым. Злоупотребление наркотиками, несколько случаев публичного пьянства и драк в барах, шаткое алиби от другого наркомана не играли ему на руку, но обыск грузовика и дома полиции ничего не дали.

Курсор замирает на ссылке аудиофайла с записью интервью Мины и Мэтта. Мне нужно кликнуть на нее. Нужно прослушать.

Но я не могу заставить себя. Здесь, в пустой комнате, звук ее голоса покажется мне раскаленным металлом, заберется под кожу, оставив после себя лишь выжженное клеймо.

Мне не хватит сил.

Десять месяцев. Два дня.

На следующий день родители уходят в восемь утра. Я расстилаю на полу коврик и выполняю свои обычные асаны, но не могу сосредоточиться, — а точнее, расслабиться. Теперь у меня есть ради чего двигаться вперед, желание разыскать и опросить всех, кто знал Джеки, накрывает с головой.

Но я не могу. У Джеки остались родители и младшая сестра, многие по ней тоскуют. И их может возмутить мое вмешательство.

Я не Мина. У меня не выходит располагать к себе людей и вытягивать из них нужные сведения. Даже до аварии это не было моим талантом.

Медленно дыша, заканчиваю упражнения позой лотоса, когда раздается дверной звонок.

Прежде чем спуститься, выглядываю в окно. У дома припаркован Форд Трева, и моим первым инстинктом становится — переодеться. Я в коротеньких шортах и топе. Как глупо. Словно он не видел меня в меньшем одеянии; словно не видел вообще без ничего.

Снова звонок.

Глубоко вдыхаю и спускаюсь по лестнице вниз.

— Нам нужно поговорить, — заявляет он, как только я открываю дверь. Он проносится мимо меня, не дожидаясь, когда я его приглашу.

И разворачивается, заключая меня в ловушку с дверью за спиной.

— Кайл заходил вчера.

Черт. И почему я не взяла с Кайла обещание не идти к Треву?!

— Рассказал, что таблетки не были твоими. Что он солгал о словах Мины, будто вы шли на сделку. Мина расследовала исчезновение Джеки Деннингс, и именно поэтому вы были на Поинте.

Я скрещиваю руки, переступая босыми ногами на испанской плитке. Твердый и холодный пол придает мне сил, и я поднимаю подбородок и ловлю взгляд парня.

— Так Кайл сказал?

Его лицо темнеет от гнева:

— Ну нет, Софи, не увиливай. Мы потратили восемь часов, переворачивая вверх дном комнату моей сестры в попытках найти записки с угрозами, которые она получала, по его

утверждению. Не вываливай на меня свое дерьмо. Только не когда это касается Мины. Говори правду!

— Я пыталась, — выпаливаю я. — Я писала тебе, когда была в Центре. Все объяснила. Но ты вернул обратно нераспечатанное письмо. Видимо, тогда тебя никакая правда не интересовала. — Не могу скрыть негодование в голосе. Да и не хочу.

Поверженный, он смотрит вниз:

— Там нашли наркотики. На флаконе с таблетками были твои отпечатки пальцев. Детектив Джеймс был уверен, что это наркосделка. Что еще мне оставалось думать? Ты годами лгала нам. *Годами*, Софи. Не употребляла шесть месяцев, и что, я должен об этом забыть?

— Мне плевать, что ты мне не верил. Теперь — плевать. Теперь, когда все вокруг от меня отвернулись. Меня злит, что ты отвернулся от *нее*. Она бы *никогда* не взяла меня туда, где замешаны наркотики. И ты должен был знать это — ее должен знать!

С каждым словом мой голос становится все громче, и теперь я уже кричу на него, потрясая в воздухе рукой от переизбытка чувств.

— Не смей... — Он делает шаг ко мне, но передумывает и отступает назад.

Я стою на своем. Прошли месяцы с тех пор, как он вернул письмо, но обида все так же сильна, она рвется наружу и ее не унять.

— Ты бросил меня! И подвел ее, поверив, что она позволила бы мне вот так сорваться — и даже помогла прикупить таблеток. Издеваешься? Да она же и сдала меня в первый раз! О чем ты только думал? — воплю я, у моего голоса, как и гнева, нет верхнего предела.

На этот раз он не отступает. Он стоит ровно, а по моей спине пробегает холодок от его взгляда.

— Я думал о том, что тогда понятия не имел, кем же ты стала, — молвит он. — Ты лгала нам много лет. Притворялась, что с тобой все в порядке, а мы верили. Я верил. И начал подозревать, о чем же еще ты нам врала. Когда ты уехала в Портленд, Мина два месяца ходила... *разбитая*. Никогда ее такой не видел. После смерти отца... — Он трет рукой губы, плечами упираясь в дверь, придавая себе сил.

— Я пытался убеждать себя, что она волнуется, скучает по тебе. Вы двое всегда были неразлучны, как сестры. Но в том и дело, да? Ты и Мина. Вы не были сестрами. И не были просто подругами, ведь так? — Он вглядывается в мое лицо, ища намек на правду.

Он знает.

Божебожебоже, слишком поздно, уже слишком поздно.

— Ты любила Мину? — Он требует ответ, но я слышу в его голосе страх. — А она тебя любила?

Хотела бы я знать ответ на последний вопрос.

— Кайл тебе рассказал.

— Господи боже, — выдыхает Трев, и я осознаю, что Кайл ничего не говорил — вместо этого я только что подтвердила страх, сидевший глубоко внутри разума Трева.

Он заметно бледнеет, это видно даже под насыщенным летним загаром. Для поддержки он льнет к двери всем телом. Даже жаль, что этот разговор не состоялся в гостиной, там бы он смог присесть на диван — как, собственно, и я. Мои ноги дрожат, ладони липкие от пота.

— Господи боже, — повторяет он, качая головой, глядя перед собой, словно меня здесь нет. — Все это время... — Он переводит на меня глаза. — Почему ты никогда мне не говорила?

— Тебя это не касалось.

— Не касалось... — Из него вырывается недоверчивый смешок. — Ты же знала, что я люблю тебя. Не считаешь, что можно было и упомянуть, что парни тебе не нравятся? Все это время я убеждал себя, что тебе нужно... — Он затихает. — Ладно. Не важно. Больше не важно. — Он качает головой и отворачивается, собираясь открыть дверь.

— Эй. — Я ловлю его за руку.

Зря я к нему прикоснулась. Это сразу же становится ясно. Теперь нет никакого оправдания. Не списать на шок после смерти Мины. На пьяную ночь и тонкую рубашку.

Только он и я. Последние двое. Из всех людей только он тоскует по ней так же, как я, с кем у нас общие воспоминания о ней, чья любовь ко мне совсем противоположна ее: открытая и непоколебимая.

Он не шевелится. Не может, потому приходится мне. Ради нас обоих.

— Это не изменится, — уверенно говорю я. — Ты и я. Это химия. Или называй как хочешь. У нас с тобой своя история... Ничего не изменилось, Трев. Обещаю.

— Но ты по девочкам.

— Я не лесбиянка; я би. Это разные вещи.

— А Мина?

Мое молчание говорит само за себя, и он молчит тоже.

— Это была Мина, все это время?

Единственное, что я могу ему сейчас дать, — горькую правду. Ту, что переписет все его воспоминания — о нем и мне, о ней и мне, о них двоих, о нас троих.

— Это всегда будет Мина.

ЧЕТЫРЕ С ПОЛОВИНОЙ МЕСЯЦА НАЗАД (СЕМНАДЦАТЬ ЛЕТ)

Туалетная комната пуста. Мина стоит у зеркал, роясь в косметичке.

Меня переполняют эмоции.

А она даже не смотрит на меня. Просто начинает мазать блеском губы, будто мы только для этого и пришли сюда.

— Какого черта ты творишь? — вопрошаю я.

— Подкрашиваю губы, — отвечает она. — Не слишком темный для меня, как считаешь?

— Мина!

Она вздрагивает. Тюбик выпадает из ее рук на коричневый кафельный пол. Она находит в зеркале мои глаза, а после отводит взгляд.

— Что ты творишь? — спрашиваю снова.

— Ничего, — бормочет она.

— Ничего? Ты пытаешься свести меня с Тревом.

— И что такого? — вопрос быстрый и оборонительный, словно я оскорбила ее брата. — Трев милый, и хороший, и честный. Он будет отличным бойфрендом.

— Он — *Трев*, — говорю я, как будто это все объяснит.

— Он любит тебя, сама же знаешь.

Конечно я знаю. И потому-то все, что она делает, кажется таким неправильным. Она не настолько глупа — но именно настолько сообразительна. Если я буду с Тревом, то стану неприкосновенной, и это уберезет ее от пересечения любых границ. Это единственное, что остановит ее. Остановит нас.

Мне хочется накричать на нее. Хочется попросить у Трева прощения, потому что между нами могло бы что-то быть, не уничтожь меня Мина для других людей. Хочется сбежать отсюда, хлопнув дверью с такой силой, чтобы пошли трещины.

Хочется прижать ее к раковине и попробовать на вкус ее ключицы.

— Зачем ты так поступаешь? — Делаю к ней шаг, а она отступает назад, но я иду вперед, пока ее лопатки не упрутся в зеркало. То, что я выше Мины, становится моим преимуществом. Я пересекла ее личное пространство и не собираюсь отступать. Никогда прежде не была такой напористой. Инициатива всегда исходила от парней, но сейчас все меняется. Я изменилась. Теперь я могу что угодно. Я могу стать кем угодно.

Я могу провести тыльной стороной пальчика по нежной коже ее шеи, заставляя издать звук, от которого начнет тянуть низ живота.

Что я и делаю.

— Софи. — Это предупреждение, на издыхании. — Я просто... хочу, чтобы все вернулось на свои места.

— Не выйдет, — шепчу я.

Она облизывает губы.

— Нам нельзя.

— Можно.

— Но Трев... — Она затихает. — Моя мама. Все. Не получится. Ты и я — это неправильно. Ты и Трев — правильно. Естественно. Все этого ждут. Я пытаюсь помочь.

— Ты пытаешься спрятаться.

— Я так хочу.

— А я говорю, что это не обязательно.

Она вырывается из моей ловушки.

— Обязательно! — выпаливает она. — Что, считаешь, все будет прекрасно, если я признаюсь маме, что я лесбиянка? Да она соберет толпу священников и начнет молиться. Как думаешь, что почувствует Трев, когда поймет, что девушка, которую он любит, спугалась с его младшей сестренкой? А в школе — помнишь, что случилось с Холли Джейкобс? Хочешь на своей машине ЛЕСБА огромными буквами? Потому что именно это нас и ждет, Соф. Прятаться — безопасно. Выбрать Трева — безопасно.

Слезы наполняют мои глаза, катятся по щекам. Что бы я ни сказала, ее не переубедить. Мы не живем в большом городе. Семья Мины не из тех, что принимают подобное со спокойствием. Она права, ее мать позовет священника. А Трев... что бы ни случилось, больно всегда будет Треву.

Ее не переубедить. За годы своей любви я ее изучила. Ненавижу, что она загнала себя в ловушку и тянет меня за собой.

— Трев тебя любит, — произносит она в пугающей тишине, что повисла между нами. — Он тебе подходит.

— И я люблю Трева, — говорю я. — Настолько, что не могу так с ним поступить. Не могу использовать его как ширму лишь потому, что это безопасно, или из-за твоего желания.

— Будь умнее, Софи, — в ее голосе больше угрозы, нежели мольбы. Раньше такого не было. — Выбери его.

Я отхожу от нее — это почти легко, будто мною кто-то управляет, — но оборачиваюсь, едва дойдя до выхода. Она стоит у зеркала, наблюдая за мной в отражении, и я ловлю ее взгляд.

— Я выберу тебя. Неважно, насколько это трудно. Неважно, что скажут люди. Всякий раз я выберу тебя. Пора и тебе сделать этот выбор.

Закрывая за собой дверь, я слышу, как она плачет.

СЕЙЧАС (ИЮНЬ)

Трев подпирает спиной дверь, длительное время храня молчание.

Нам обоим больше нечего сказать.

Слов уже не осталось.

Только наконец открывшаяся правда. Ее бремя накрывает его, разрушая изнутри. Ненавижу себя за то, что так поступила, что причинила ему такую боль, но в то же время мне становится легче.

Он — все, что у меня осталось, мой друг по умолчанию. Безмолвное, стабильное присутствие которого в моей жизни не дает мне пропасть. Я столько раз пользовалась этой стабильностью, что не могу прекратить даже сейчас, и от этого на душе еще отвратнее.

Он резко возвращается к жизни, словно правда, которую я в него бросила, его заморозила. Он выпрямляется и начинает быстро говорить, стаккато срывается с напряженных губ:

— Если наркотики не причем, мне нужно рассказать маме. Полиция...

— Нет, ни за что.

— Но если ты считаешь, что у тебя есть зацепка...

— Ничего у меня нет, — перебиваю я. — Только записи Мины по нераскрытому делу трехлетней давности. У меня нет доказательств того, что ей угрожали. Я не могу пойти к детективу Джеймсу и типа: «Здрасьте, вот вам прорыв в расследовании, которому, по-вашему, я препятствую».

— Но если Кайл объяснит, что лжесвидетельствовал, то они обязаны тебе поверить.

— Черта с два. Там обнаружили наркотики. На пузырьке были мои отпечатки пальцев. Пока делом руководит детектив Джеймс, я лгунья, которая покрывает своего дилера. И какие-то заметки Мины по делу Джеки вряд ли что-то изменят. Но очень поможет выяснение, кто же угрожал Мине. Кто бы ни избавился от Джеки, он же убил и Мину — и я найду его.

— Ты с ума сошла? — вопрошает Трев. — Мину убили, потому что она слишком близко подобралась к нему. И теперь что, ты хочешь начать расследование? Жить надоело?

Отскакиваю как можно дальше от него, меня пробирает дрожь. Он слишком зациклен на своей боли и даже не замечает, в каком состоянии я. Или, может, я слишком на него давлю, что раньше было любимым делом Мины.

— Я делаю это ради Мины. Ты всерьез считаешь, что спустя три года Джеки до сих пор жива? Ее убил тот ублюдок в маске. А после он убил и Мину, потому что она очень много узнала. Он должен заплатить за содеянное.

— И заплатит. Но это работа полиции. Ты можешь пострадать, если продолжишь в том же духе, — сквозь зубы произносит Трев.

Я глубоко вздыхаю:

— Я не Мина. Я не буду держать все в тайне. Мне помогают Кайл и моя подруга Рейчел. Но чтобы полиция меня выслушала, мне нужны доказательства, которые Мина искала после исчезновения Джеки, и что ей угрожали из-за этого. Вы с Кайлом ничего не нашли, так?

Трев качает головой.

— Значит, нужно составить список людей, которые были в курсе расследования Мины, и сузить его до вероятных подозреваемых.

Трев хватается за волосы:

— Безумие.

— Но что еще мне остается? Не могу сидеть сложа руки в надежде, что его поймают полиция. Я понимаю, что ты принял прошлое и все такое, но я не могу. Пока не могу.

Самое ужасное, что я могла ему сказать — и до меня доходит это в тот же момент, как слова слетают с губ. Раскрасневшись, он распахивает серые глаза.

— Принял прошлое? — Он выплевывает слова, словно они ядовиты. — Она была моей младшей сестренкой. Я практически воспитал ее после смерти папы. Я должен был быть рядом с ней, когда она добивалась от жизни всего, чего хотела. Она должна была стать тетей моим детям, как я ее — дядей. Я не должен был ее терять. Я бы сделал ради нее *что угодно*.

— Тогда помоги мне! — рывкаю я. — Перестань на меня орать и *помоги* уже. Я сделаю это с тобой или без тебя, но предпочла бы все же с тобой. Ты ее понимал.

— Похоже, что ни черта я ее не понимал, — говорит Трев, и меня снова и снова поражает осознание, что Трев потерял не только Мину. Он потерял и меня — тот яркий, сияющий образ меня, которой не имеет ничего общего с реальностью.

Мне хочется обнять его, как-то успокоить, но я проявляю благоразумие. Решаюсь просто подойти ближе, на расстояние вытянутой руки.

— Ты понимал ее, — произношу я. — Остальные только думали, что понимали. Она любила тебя, Трев. Очень любила.

Трев был вторым любимым человеком Мины. Вторым исповедником, после меня. Мне даже кажется, не будь я центром этого переполоха, она бы рассказала ему всю правду о себе.

Может, он бы принял ее легче. Раз она грелась в лучах его принятия, то это дало бы ей силы освободиться.

Я не знаю. И не узнаю уже никогда. Такие мысли подобны мазохизму, как те часы, что я провела в реабилитации, сплетая прекрасный сценарий наших жизней, где она признается всем и это не имеет значения, представляя будущее, наполненное выпускными платьями, медленными танцами и обещаниями, которые никогда не нарушат.

Под его взглядом я ощущаю себя беззащитной. Впервые с той минуты, как я спустилась вниз, осознаю, насколько мало на мне одежды. Как ярок свет и как видны мои розовые и белые шрамы.

Раздается щелчок, и Трев отступает вперед от парадной двери, когда папа открывает ее.

Долгий момент дискомфорта, когда папа осматривает мое заплаканное покрасневшее лицо и переводит взгляд на Трева в таком же состоянии.

— Трев, — приветствует папа, и кажется, словно он два с лишним метра ростом вместо своих ста семидесяти двух.

— Мистер Уинтерс, — отвечает Трев.

Я переминаюсь с ноги на ногу и сжимаю руки в кулаки, чтобы удержаться и не начать тереть лицо.

— Софи, какие-то проблемы? — спрашивает папа, все так же глядя на Трева.

— Нет. Трев уже уходит.

— Думаю, это к лучшему, — заявляет папа.

Трев кивает:

— Я просто... Ладно, пока, Софи. До свидания, сэр.

Едва захлопывается дверь, как папа поворачивается ко мне, открыв рот.

— Еще секунду, — перебиваю и выскакиваю наружу за Тревом прежде, чем папа мог бы остановить меня.

Он уже на полпути к машине.

— Трев! — окликаю его.

Он разворачивается.

Между нами, словно океан, развёрзнуто новое знание, которое притягивает нас друг к другу, как бы далеки мы ни были.

— Интервью, — понижаю голос. — Которые Мина устраивала с родными Джеки. Они записаны.

У него распахиваются глаза, и он машинально делает шаг в мою сторону.

— Я не могу слушать их одна, — признаюсь ему.

Трев кивает:

— Вечером?

Меня охватывает облегчение, такое простое и приятное.

Он всегда давал мне то, о чем я не могла и просить.

— Вечером, — соглашаюсь.

ТРИ С ПОЛОВИНОЙ ГОДА НАЗАД (ЧЕТЫРНАДЦАТЬ ЛЕТ)

— Я и сама справлюсь, — сжимая флакон с жидким витамином Е, говорю я.

— Без обид, но твоя рука напоминает кусок сырого мяса.

Мина далеко не терпеливый или мягкий человек. Она вырывает флакон, игнорируя мои протесты. Это нормально, она всегда была властной, а я подчинялась, так что теперь я просто стягиваю халат с одного плеча, пока она устраивается на кровати.

Кусаю губу, глядя на ковер. Чувствую ее взгляд на своем плече, где металл пропорол кожу. Она, не мешкая, размазывает масло по моим шрамам с завидной решительностью.

— Эту штука пахнет как моя бабуля. — Она привстает и садится спереди.

— Лаванда, — объясняю я. — Мама нашла его в «Органик шопе» в Чико. Дай-ка сюда. — Пытаюсь забрать у нее бутылочку, но она вытягивает руку подальше от меня. — Круто. Давай, насмехайся над калекой.

— Я выведу тебя, чтобы ты перед своей матерью себя так назвала. Она головой двинется. — Мина озорно улыбается мне.

— Скорее она снова на полгода отправит меня к мозгоправу.

— Она хочет как лучше. Ту неделю, пока ты гуляла по Комаленду, она места себе не находила. Вела себя в стиле дешевых сериалов. Было очень напряжно. — Ее пальцы следуют по моему плечу, изуродованному рельефу, которым стало мое тело.

— Она продолжает вести себя так, словно все вернется в норму.

— Ну, это глупо, — соглашается Мина. — Все теперь иначе. Но это не значит, что должно быть ужасно.

— Порой я ощущаю себя ужасной, — шепчу я. — Ну, сама посмотри. — Я вытягиваю руки, и халат распаивается, являя шрам на груди, кусок плоти, который на свету еще безобразнее. — Мерзость. И не похоже, что это изменится. Пора ей уже понять.

— Ох, Соф. — Мина выдыхает почти весь воздух из своих легких. Она садится рядом со мной. — То, что с тобой произошло, ужасно. За гранью ужасного. И несправедливо и неправильно, что мы с Тревом в порядке, а ты... — Она затихает. — Но *мерзость*? — Она прижимает руку к моему сердцу. Ее большой палец касается края шрама. — Это не мерзко. Знаешь, что я думаю, когда это вижу?

Качаю головой.

Ее голос становится ниже. Она шепчет, эта тайна только между нами:

— Я думаю о том, какая ты сильная. Ты не переставала бороться, даже когда остановилось твое сердце. Ты вернулась.

Невысказанное «ко мне» повисает в воздухе. Мы слышим его, но ни одной не хватает храбрости произнести вслух.

— Ты никогда... ты же никогда не желала, чтобы тебя не спасали? — спрашивает Мина. Она впивается взглядом в свою руку, словно не вынесет моего ответа, если будет смотреть мне в глаза.

Не могу сказать ей правду. Она напугала бы ее так же, как и меня.

— Конечно нет, — говорю я.

Правда?

Без понятия.

Возможно.

Иногда.

Да.

СЕЙЧАС (ИЮНЬ)

Когда я возвращаюсь в дом, папа ждет в прихожей.

— И что это было? — интересуется он.

— Ничего.

— Софи, ты плакала. — Он протягивает руку, и я отворачиваюсь, когда он касается моей щеки. — Что сказал Трев...

— Мы говорили о Мине, — перебиваю. — Я расстроилась. Трев не... Я просто расстроилась. — Я потираю руки, отступая от него. — Ты рано вернулся. Что-то забыл?

— Твои уколы сегодня, — говорит папа. — Разве мама не говорила тебе?

— Ой. Говорила. Я совсем забыла.

— Я подумал, что могу отвезти тебя.

Меня пробивает дрожь, которую я не могу сдержать, и его это ранит. Едва заметная вспышка печали на его лице, но все же.

Внезапно мне вспоминаются все те дни, когда он отпрашивался с работы, чтобы возить меня к физиотерапевту. Он ждал в приемной, листая документы, пока я принуждала свое тело слушаться. И как после он всегда обнимал меня.

— Конечно. Я не против.

По пути к врачу мы разговариваем о самых обычных вещах. О футбольной команде, которую спонсирует папин стоматологический кабинет, а еще он подумывает об уходе с должности помощника тренера из-за того, что мама хочет ходить с ним на уроки танцев.

— Думала о колледже? — спрашивает папа, когда мы проезжаем почтовое отделение.

Бросаю на него взгляд.

— Не особо, — отвечаю.

Не могу. Не сейчас. Слишком многое нужно сначала сделать.

— Понимаю, как для тебя это было тяжело, родная. Но это важно. Пора начинать задумываться.

— Хорошо, — говорю я. Что угодно, лишь бы он закрыл тему.

Офис доктора Шут находится в кирпичном здании рядом с железнодорожными путями, и папа не сразу выходит из автомобиля, словно уверен, что повторится история перед сеансом у Дэвида. Поэтому я жду снаружи, пока он не выходим, и мы в молчании заходим внутрь.

Он остается в приемной, а мне приходится прикусить язык, чтобы не попросить его пойти со мной. Я продолжаю твердить себе, что мне не нужно держать его за руку, что я уже знаю после Центра, как проходят инъекции. Я научилась ни от кого не зависеть, кроме себя самой. Так что просто сажусь на кушетку и выжидаю.

Дверь открывается, и в кабинете появляется улыбающаяся доктор Шут с очками в красной оправе на шее.

— Давно тебя не было, Софи.

После короткого опроса об уровне моей боли она отходит, чтобы я могла раздеться. Я снимаю рубашку и в одном лифчике ложусь на кушетку лицом вниз. Сквозь одноразовую клеенку она холодит мне живот, я достаю из кармана джинсов телефон, когда доктор Шут с

предварительным стуком возвращается обратно. Листаю папку с музыкой и вставляю наушники в уши, позволяя звукам отвлекать мои чувства. Прижимаюсь лбом к сложенным рукам и концентрируюсь на дыхании.

— Дай мне знать, когда будешь готова, — произносит доктор Шут. Она помнит наш договор, помнит, что я не могу даже смотреть на длинную эпидуральную иглу, знает, насколько она меня пугает — даже спустя столько времени, после множества операций, я не могу держать себя в руках, когда меня протыкает дурацкая иголка.

Я никогда не буду готова. Мне это ненавистно. Я предпочла бы очередную операцию.

— Начинайте, — говорю я.

Первый укол — слева от позвоночника по центру спины, где боли самые сильные. Я делаю вдох, кулаки мнут бумажную подстилку на кушетке. Доктор опускается ниже, еще три слева, заканчивает глубоким уколом в поясницу. Длинная игла проникает в мое тело, закачивая кортизон в воспаленные мышцы, выгадывая мне еще немного времени. Затем — четыре на правой стороне. К тому времени, когда она принимается за шею, я дышу с трудом, музыка невнятным шумом отдается в ушах, и я просто хочу, чтобы она прекратила, пожалуйста, перестань.

Я хочу, чтобы Мина держала меня за руку, смахивая волосы с моего лица, говорила, что все будет хорошо.

По дороге домой папа заезжает в кафешку и заказывает шоколадный коктейль с арахисовым маслом. Это именно то, в чем я нуждаюсь в этот момент, и мои глаза наполняют слезы, ведь он даже не спрашивал. Мне словно снова четырнадцать. Никогда не думала, что захожу вернуться в те времена физиотерапии и тростей, полетов на облаках Окси, но вот она я. Тогда я хотя бы была живой.

Протягивая мне шейк, папа ловит мой взгляд и не выпускает стакан.

— Как себя чувствуешь, малыш? — спрашивает он, окутывая меня полным беспокойства голосом.

— Буду в порядке. Просто немного больно.

Но мы оба понимаем, что я лгу.

ГОД НАЗАД (ШЕСТНАДЦАТЬ ЛЕТ)

— Ненавижу тебя!

Ныряю вниз, когда из комнаты Мины вылетает ботинок, а следом за ним Трев.

— Придурок! — Второй ботинок пересекает коридор, а Трев, едва взглянув на меня, убегает с преисполненным эмоциями лицом. Он вылетает в черный ход, оставляя дверь нараспашку.

Слышу злобное бормотание Мины и, выглянув за угол, тихонько стучусь к ней в спальню. Она резко разворачивается, и я напрягаюсь, заметив, что она плакала.

— Что случилось? — спрашиваю ее.

— О. — Она смахивает слезы. — Ничего. Все прекрасно.

— Ага, чушь не неси.

Она шлепается на кровать, прямо поверх разбросанных на одеяле бумажек.

— Трев придурок.

Я сажусь рядышком.

— И что он натворил?

— Он сказал, что я слишком *открылась*, — передразнивает Мина.

— Я-ясно, — протягиваю я. — Знаешь, информация контексту не помешала бы.

Перевернувшись набок, Мина вытаскивает из-под себя бумаги. И вручает мне пачку, собранную скрепкой.

— Это мое эссе на стажировку в нашей газете. Я попросила его прочитать, и потому, что он *идиот*, — последнее слово она кричит, чтобы брат наверняка ее услышал, — он сказал, что лучше мне его не отправлять.

— Я могу его прочесть? — спрашиваю.

Мина пожимает плечами, в драматическом жесте прикладывая руку к глазам.

— Пофиг, — говорит она, словно это не имеет значения, что подразумевая, естественно, обратное.

Все пять минут, что я читаю, она молчит. Единственный звук в комнате — шорох бумаги, когда она шевелится на кровати.

Дойдя до конца, я долго смотрю на последнее предложение, гадая, что же сказать.

— Все так плохо? — слабо интересуется она.

— Нет, — говорю ей. — Нет, — повторяю, потому что она совсем не выглядит убежденной, отчего мне хочется свернуться калачиком с ней рядом и говорить, какая она замечательная, пока она сама не убедится. — Оно прекрасно. — Я сжимаю ее руку.

— В нем я должна была рассказать о том, что сформировало меня как личность, — она как будто ищет оправдание. — Он мне сразу в голову пришел. Трев сказал, что проверит. Я и не думала, что он так разозлится.

— Хочешь, я пойду поговорю с ним?

В ее серых глазах, покрасневших и припухших от слез, загорается огонек.

— Правда?

— Да. Я быстро.

Оставляю ее в комнате и следую в постройку на заднем дворе, которую Трев

преобразовал в мастерскую. Приблизившись, слышу изнутри ритмичное пошаркивание наждачной бумаги по дереву.

Тре́в, сторбившись над столом с инструментами, шлифует пару треугольных решеток для моего сада. Мгновение смотрю, как его крупные пальцы уверенно движутся по кедру, обтесывая торчащие неровности. Ступаю внутрь, вдыхая запах опилок и моторного масла.

— Я не хочу об этом говорить, Соф, — заявляет он прежде, чем я успеваю открыть рот. Продолжает находиться спиной ко мне, даже перейдя к другой стороне решетки. Наждачка проносится по дереву, взметая в воздух горку опилок.

— Он был и ее отцом тоже. У нее есть полное право писать о нем.

Плечи Тре́ва под тонкой черной футболкой напрягаются.

— Она может писать о чем хочет. Только не... об этом.

— Я не знала. Она никогда не рассказывала, — запинаясь я. — Что вы были с ним, когда он умер.

— Да, были. — Его голос безликий и безжизненный, словно, только отключив эмоции, он может затрагивать эту тему. — Все произошло быстро.

Даже не знаю, что ответить. Мне больно думать, что десятилетний Тре́в играл в мяч со своим папой и видел, как между подачами он упал из-за кровоизлияния в мозг.

— Я и не осознавал, что она столько запомнила, — хрипит Тре́в. Все еще стоит спиной ко мне, и это, наверное, единственная причина, почему он продолжает говорить. — Я сказал ей отвернуться. В детстве она слушалась меня. И после она никогда не поднимала эту тему. Я думал, она заблокировала воспоминания... надеялся.

— Не заблокировала. Вам нужно об этом поговорить.

— Нет.

— Да. — Я понимаю, что сейчас перехожу границы. Меня подталкивает из тени незримая Мина.

Он наконец оборачивается, вцепившись в решетку как в спасательный круг.

— Тре́в, — мягко убеждаю я. — Столько лет прошло. Пора.

Он качает головой, но когда я обнимаю его, он падает в мои объятия как подкошенный. Я обнимаю крепко, прижимая ладони к его плечам, два островка тепла, просачивающегося через его футболку.

Когда я поднимаю взгляд, вижу, что Мина стоит у крыльца и наблюдает за нами.

Я протягиваю руку, зовя, упрасывая, и она нерешительно сходит по ступеням, шаг, второй, теперь уже увереннее, пока не оказывается передо мной и охватывает Тре́ва за талию, тогда как я отступаю.

— Прости, — шепчет он, или она, или, может, они оба это говорят. Я выхожу из мастерской и направляюсь к дому.

Молчаливым стражником сажу на крыльце, неясный ропот их голосов смешивается со стрекотом сверчков и ночными шорохами, и загадываю желание, чтобы любые проблемы можно было решить столь же просто.

СЕЙЧАС (ИЮНЬ)

Мне полагается отдыхать после сеансов инъекций, но как только папа уезжает обратно на работу, я еду в офис газеты «Харпер Бикон». Находится он в построенном в семидесятых горчично-желтом здании рядом с лучшим — потому что единственным — рестораном мексиканской кухни в городе. Воздух здесь наполнен ароматами кинзы и жареного мяса. Я толкаю вращающиеся двери.

Парень за стойкой администрации указывает мне направо после вопроса о стажировке, и я прохожу по обвешанному рамками с первыми полосами коридору. Он приводит меня в помещение, разделенное десятком или около того серых перегородок, а от верхнего света все отливает болезненной синевой.

Пробираюсь по лабиринту огороженных рабочих мест. Каждые несколько секунд у кого-то звонит телефон или пищит принтер. В комнате стоит низкий гул компьютеров и голосов. Так и представляю ее посреди всего этого с улыбкой на лице.

Это был первый шаг Мины к тому, чего она всегда хотела. Стать частью того мира за пределами нашего пыльного городишки, «внести свою лепту», как она всегда выражалась.

А взамен она стала лишь несколькими историями, написанными *о ней*, а не *ею* самой.

— Мистер Уэллс? — останавливаюсь у комнатки с его именем на стене.

— Секундочку, — говорит он, не давая мне возможности зайти внутрь. Все его внимание сосредоточено на мониторе, он печатает, а у меня появляется время внимательно его рассмотреть.

Он молодой, моложе, чем я предполагала. Лишь на несколько лет старше Трева, может, ему двадцать два или двадцать три. Рубашка на пуговицах не заправлена в джинсы, а обут он в черные кеды. Симпатичный, немного растрепанный, словно часто, задумавшись, ерошит себе волосы.

Мине он нравился. И сильно, по правде говоря. Половина наших разговоров, пока я была в Портленде, сводилась к ее стажировке, мистеру Уэллсу, как много он ей рассказывал о цифровых коммуникациях и какой же он великолепный журналист.

Но она ни разу не упомянула, что он симпатичный.

Вероятно, сознательно.

— Так, ладно, привет, — говорит он. Разворачивается на стуле и осматривает меня с ног до головы. — Планы стажировки, да? Они у Дженни, она...

— Я пришла не из-за стажировки, — перебиваю его. — Я здесь из-за Мины Бишоп.

Взгляд карих глаз меркнет.

— Мина, — повторяет он с сожалением и вздыхает.

— Я Софи Уинтерс, — единственное, что я произношу, и замолкаю. Просто жду, когда его лицо озарит понимание.

И появляется оно сразу же. В конце концов, он же репортер. Даже если полиция не разглашала мое имя, как несовершеннолетней, все и так знали.

— Чем я могу помочь, Софи?

— Можно присесть?

Он кивает, указывая на табурет в углу комнатки. Сажусь так осторожно, как только

могу, но поясница, до сих пор чувствительная после инъекций, вспыхивает болью.

— Я нашла кое-какие записи Мины. — Достāju из сумки распечатки выдержек хронологии Мины и передаю ему. — Я хотела спросить, не упоминала ли она при вас, что изучала исчезновение Джеки Деннингс?

Мистер Уэллс поджимает губы, пока просматривает три страницы.

— Это... — Он поднимает на меня взгляд. — Над этим работала Мина?

Я киваю.

— Есть еще что-то? — интересуется он.

— Нет, — отвечаю. Слова вылетают на инстинкте. Я проскальзываю в ту часть себя, которая врет, не задумываясь. Она слишком близко к злоупотребляющему наркотиками уголку моей души, прежде подчинявшему меня, что так и ощущаю, как он шевелится.

Он качает головой.

— Мне жаль, но Мина никогда не говорила о Джеки. А могла бы, если ее интересовало это дело. Это одна из первых освещенных мною историй. Полагаю, она до нее так и не добралась?

Думаю о том, что Мина сохраняла вырезки статей об исчезновении Джеки. Быть того не может, что она не заметила бы имя Уэллса на большинстве из них.

— Может быть. В любом случае, это все, что я хотела узнать. — Поднимаюсь с табурета и опираюсь о стол, чтобы сохранить равновесие. — А у вас были какие-то теории?

— О Джеки? — Мистер Уэллс откидывается на спинку кресла, заложив руки за голову, и размышляет. — Ответственный за дело детектив был убежден, что виноват бойфренд.

— А что думаете вы?

Он ухмыляется, его энтузиазм в сторону столь старого дела поражает. Он напоминает о Мине, ее жажде докопаться до истины... жажде рассказывать.

— Сэм Джеймс — хороший детектив... — начинает он.

— Это дело вел детектив Джеймс? — перебиваю его.

— Да, он, — хмурится Уэллс.

— Точно, — выпаливаю я. — Простите. Что вы говорили? О Джеки?

— Мэттью Кларк однозначно под подозрением, — говорит мистер Уэллс

— Но вы так не считаете.

— Нельзя сказать наверняка. Это крепкая теория, учитывая отсутствие мотива по другим направлениям следствия, но доказательств было недостаточно.

— У Мэтта был мотив?

— Как-то ты чересчур интересуешься этим делом, — замечает мистер Уэллс.

Пожимаю плечами.

— Наверное, я просто думала, что... для Мины это было важно, понимаете? Работать здесь, с вами. Она всегда говорила, столькому у вас научилась. Я считала, возможно, если разберусь в том, над чем работала Мина, это поможет мне... не знаю, двигаться дальше. Было тяжело, когда... — я затихаю, стараясь не сильно распахивать глаза, иначе это будет уже явный прессинг.

Мистер Уэллс откладывает копию заметок Мины на стол, выражение его лица смягчается.

— Я понимаю, — говорит он. — Но послушай, дело Деннингс — висяк. Вряд ли мы узнаем, что приключилось с этой девчонкой, учитывая, сколько времени прошло. И ничего тут не поделать. Лучше забудь об этом деле.

Я киваю, делая вид, что соглашаюсь, а совсем не пытаюсь найти способ связать оба дела.

— Мне пора. Спасибо, что уделили мне время. Я очень благодарна.

Я уже почти вышла из кабины, когда он останавливает меня:

— Софи, что произошло той ночью на Букер Поинте?

Оглядываюсь на него через плечо, и вот снова в его глазах тот блеск, напомнивший о Мине. В ту ночь у нее был такой же взгляд. Ее едва ли не потряхивало от переизбытка энтузиазма, что она так близка к правде, еще немного — и ухватится за ниточку.

— Не для печати? — Я же не глупая.

Он одобрительно усмехается. К этому парню, наверное, так и липнут все девчонки-стажеры. А может, и парочка парней тоже.

— Я предпочел бы комментарии *для* печати.

— Не сомневаюсь. Еще раз спасибо.

Больше не оборачиваюсь, но могу с уверенностью сказать, что он наблюдает за мной всю дорогу до выхода.

ДВА ГОДА НАЗАД (ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ)

Я проделываю в почве неглубокие бороздки.

— Не подашь мне лоток? — Я указываю на рассаду, которую несколько недель держала под лампой, пока она не проросла достаточно, чтобы высадить ее в землю. Я очень ею гордилась — эту первая рассада, выращенная под люминисцентной лампой, которую папа подарил мне на день рождения.

Мина откладывает в сторону книгу и встает с плетеного стула, чтобы придвинуть лоток поближе ко мне. Она осторожно балансирует на деревянной оградке клумбы, с подозрением глядя на почву.

— Еще раз, что это будет?

— Томаты.

— Слишком много заморочек для помидорок, — заявляет Мина. — Не могла просто купить растения в магазине? Или сажать их в те прикольные штуки, которые вверх ногами висят?

— Это другие. Они фиолетовые.

— Да ладно?

— Да, я специально заказывала семена.

Мина широко улыбается.

— Могла бы просто посадить мне цветы.

Я аккуратно опускаю росток в лунку.

— И какое в этом веселье?

— Теперь будем делать фиолетовый соус для пасты, — предлагает она.

— Если только готовить будешь ты.

— Ой, да ладно тебе... помнишь тот овощной суп, который ты пыталась приготовить? Единственный косяк — слишком маленький огонь. Но у тебя уже лучше выходит.

— Думаю, я лучше буду заниматься тем, что у меня и так получается. — Я рою третью ямку, беру росток из лотка и помещаю хрупкие корешки в их новый дом.

— Но разве ты не рада, что я нашла тебе хобби? — усмехается Мина. — Когда станешь всемирно известным ботаником, буду везде хвастаться, что я за это ответственна.

— Скорее из нас двоих всемирно известной станешь ты, — отвечаю я со смешком.

— Ну, это само собой разумеется, — заявляет Мина. — Не волнуйся, я поблагодарю тебя в речи, когда получу Пулитцера.

— Какая честь.

Мина возвращается к стулу и книге, а я возвращаюсь к томатам. Она обмахивается передом своего топа.

— Ну и жара, — жалуется она.

Здоровой коленкой я упираюсь в землю и проделываю новые рядочки, три вдоль, четыре поперек.

— До двадцати градусов поднялось, — наконец отвечаю. — Ты в норме?

Мина пожимает плечами, ее взгляд прикован к странице. Солнце припекает мне спину, и я задумываюсь, не слишком ли долго уже работаю.

В какой-то момент мне кажется, это весь ответ, что я от нее дождусь. Но тут она смотрит на меня.

— Завтра весь день с мамой и Тревом. Она хочет с утра навестить папину могилу.

— Вы... вы часто туда ходите? — интересуюсь я. Мне внезапно становится любопытно, а она, кажется, на этот раз всерьез готова поговорить об этом. Я знаю, что мистер Бишоп похоронен в Харпер Блафф, он здесь вырос и это главная причина, по которой они переехали сюда после его смерти. А знаю это все я лишь потому, что когда мы с Миной первый раз напились, она, уткнувшись мне в плечо, нечленораздельно пробормотала эту историю и после плакала, а на следующее утро не помнила ничего.

— Иногда, — говорит она. — Мне нравится прийти и поговорить с ним. Кажется, что он рядом. Не знаю, словно там ему легче за мной наблюдать.

— Наблюдать с небес? — спрашиваю я, и, как бы я ни противилась, в моем голосе слышен скептицизм.

Нахмурившись, Мина выпрямляет спину.

— Конечно с небес, — отвечает она. — Что... ты не веришь в такое?

Смутившись ее испытующего взгляда, я отвожу глаза. Мы никогда не говорили о религии. Я всегда избегала эту тему. Мина не набожна, в отличие от своей матери, но она из тех, кого называют верующими. Ходит на мессу, когда ее просит мама, и носит маленький золотой крестик, подаренный отцом.

А я — это я. Утратила веру после аварии, хотя не думаю, что мне было что терять.

— Не особо. — Не собираюсь врать, когда и так уже скрываю от нее куда более важные вещи: растолченные таблетки и мерзкие дорожки порошка, потребность отключиться от мира, которая изо дня в день поглощает меня все сильнее. Она начинает замечать, как я вырубаясь на уроках. Нахожу оправдания, но она пристально следит.

Страхнув с рук землю, поднимаюсь и ловлю настолько недоуменный взгляд, будто я объявила, что небо — зеленое.

— Соф, в Рай *надо* верить.

— Почему? — спрашиваю я.

— Просто... *надо*. Иначе что, по-твоему, ждет нас после смерти?

— Не думаю, нас вообще что-то ждет. Так я считаю. Ничего там нет. Когда люди умирают, то все.

Она ерзает на сиденье, и от того, как грустно изгибаются сейчас ее губы, мне хочется забрать свои слова обратно.

— Хреновая позиция какая-то. Почему ты хочешь в это верить?

Мгновение я молчу и провожу пальцем по колену, по памяти касаясь шрама. Так и чувствую через одежду пруты под кожей, соединяющие мои конечности.

— Не знаю. Просто так думаю.

— Это ужасно, — произносит Мина.

— Какая вообще разница? Я же не эксперт.

— Разница есть.

— Что, волнуешься, что я не попаду на небеса, если они все же существуют?

— Да!

Улыбка расплывается на моем лице, просто ничего не могу с этим поделать.

— Не смотри на меня так, — сердится Мина. — Словно считаешь это милым или чем-то таким. Папа все пропустил, наши с Тревом жизни. И возможность того, что он еще здесь,

наблюдает за нами? Это не мило, это — вера.

— Эй. — Я тянусь и перехватываю ее руки. Она их не отнимает, хотя пальцы у меня все в земле. — Я не хотела... Если от этого тебе легче — хорошо. Но это не мое. И в этом вопросе нет правых и неправых, но этого не изменить.

— Во что-то же ты должна верить, — возражает Мина.

Сжимаю ее руки, она отзывается, словно я могу исчезнуть в любую секунду.

— Я верю в тебя, — отвечаю я.

СЕЙЧАС (ИЮНЬ)

Тре́в опаздывает уже на двадцать минут. Я уже готова оставить надежду, что он объявится, как оживает дверной звонок. Родители отправились на свой еженедельный ужин-свидание, так что я впускаю его в дом, и мы неловко замираем в холле. Теперь, когда он все знает, я без понятия, о чем говорить.

— Пошли наверх, — предлагаю я.

Он следует за мной по лестнице, я замираю на вершине, спина ноет от инъекций. Он замирает на входе в мою спальню, когда я подхожу к столу и сажусь за него.

Закрыв за собой дверь, он встает у подножия кровати и ждет.

— Кайл тебе сообщил про записи Мины? — спрашиваю я.

Тре́в кивает.

— Мы просмотрели хронологию и некоторые статьи, которые она сохранила.

— Всего три интервью. Мина говорила с Мэттом Кларком, дедушкой Джеки и ее младшей сестрой Эми, все в декабре. После разговора с Эми, из-за угроз, Мина бросила свокзатею. В феврале она почему-то взялась за нее снова, но я не совсем понимаю почему.

— Ей никогда не удавалось на что-то просто забить, — бормочет он. — Вероятно, она полагала, что риск того стоил.

От переполняющей его безысходности даже легче. Из-за нее я чувствую себя чуть менее виноватой.

— Она когда-нибудь упоминала Джеки в разговоре с тобой? — спрашиваю я. — Хотя бы мимоходом?

— Ни разу с тех пор, как вы перешли в старшую школу. Тогда она конкретно на этом заиклилась. Помнишь? Даже жутко как-то было.

— Она хотела узнать, что произошло. Когда я вернулась в школу из больницы, все вокруг говорили об этом. Ей было любопытно, — говорю я.

— Слишком любопытно, — подмечает Тре́в надтреснутым голосом. — Дохрена безрассудно.

— Не вини ее, — говорю я, выходит очень тихо и невнятно. — Да, она сглумила, никому не сказав, чем занимается. Но это не ее вина. Вина на *нем*. На убийце, кем бы он ни был. И он заплатит за это.

Тре́в смотрит на меня блестящими глазами, и я вижу, как он внутренне собирается с силами, распрямляет плечи.

— Включи сначала Мэтта. Мы дружили, может, я что-нибудь замечу.

Кликаю по записи интервью Мэтта, настраиваю громкость. Небольшие помехи, а затем:

— *Так. Ты готов, Мэтт?*

В тот момент, когда ее речь раздается в комнате, меня накрывает ее голосом, от этого звука по телу растекаются боль и одновременно облегчение. Тре́в оседает на край кровати, сплетя пальцы и закрывая глаза.

Слышать ее совсем не то же самое.

Но это все, что у нас есть.

— *Как вы с Джеки познакомились?* — тем временем спрашивает Мина.

Заставляю себя сосредоточиться на ответе Мэтта. У него глубокий размеренный голос, и он делает паузы между предложениями, будто тщательно продумывает каждое слово.

— *Наши мамы были подругами,* — говорит он. — *Она всегда была рядом, понимаешь? Соседская девчонка. Я позвал ее на свидание в восьмом классе, и все закрутилось.*

— *Ого, это долгие отношения,* — говорит Мина, и я слышу в ее голосе одобрительную улыбку.

— *Да,* — соглашается Мэтт. — *Она была особенной.*

— *Тебе, должно быть, было очень тяжело, когда она пропала без вести.*

Долгое молчание, прерываемое шорохом и щелчками.

— *Да. Всем было тяжело. Джеки любили все.*

Пока проигрывается запись, я смотрю куда угодно, кроме Трева. Мина расспрашивает Мэтта о школе, о его и Джеки друзьях, об участии Джеки в молодежном движении и футбольной команде; обычные стандартные вопросы, ничего подозрительного. Медленно, но верно она старается, чтобы он перед ней открылся, и наконец спрашивает о предшествующих исчезновению неделях, о детективе Джеймсе и том, как он опрашивал Мэтта при расследовании.

— *Этот мужик осёл,* — усмехается Мэтт. — *Думал, что все раскрыл. Я хотел дать им обыскать мой грузовик, но дядя Роб сказал, что им для этого нужен ордер. Детектив Джеймс столько времени считал, что это сделал я, и даже не пытался обрабатывать другие версии, что дело застыло. Правильно говорят, что первые три дня — самые важные в поисках пропавших.*

— *Но он тебя отпустил.*

— *У него на меня ничего не было,* — говорит Мэтт.

На записи раздаётся телефонный звонок.

— *Еще один вопрос. Ты и Джеки, у вас были интимные отношения, верно?*

Длинная пауза, во время которой телефон звонит и звонит. Так и представляю, как Мина сидит и прямо спрашивает Мэтта, занимался ли он сексом со своей девушкой, и все это со спокойной улыбкой на лице, словно не перешла никаких границ приличия.

— *Не думаю, что это твое дело,* — отвечает Мэтт. — *И думаю, что на этом мы закончим.*

— *Конечно,* — говорит Мина. Шелест, и запись резко обрывается.

Смотрю на Трева, и сердце сжимается у меня в груди от блеска его глаз.

— *Можем больше не слушать,* — быстро проговариваю я.

Выражение его лица становится тверже, и он спокойно отвечает:

— *Включай дальше.*

Я слушаю его и включаю следующее.

Интервью Мины с дедушкой Джеки сосредоточено на ее детстве. Она не спрашивает ничего о расследовании, но всякий раз, когда Джек Деннингс начинает рассказывать о подростковых годах Джеки, Мина постоянно переводит тему обратно к ее отношениям с Мэттом.

В шесть часов слышится свист проходящего через центр города поезда, когда я, сжав зубы, включаю последнее интервью — с сестрой Джеки Эми. И когда начинается воспроизведение, я понимаю, что длительность файла меньше минуты. Тогда как разговоры с Мэттом и Джеком были больше пятнадцати.

— *Что это?* — спрашивает девчачий голос.

— Я собираюсь записать интервью, — говорит Мина. — Ты не против?

— Против, — говорит Эми. — Я уже сказала тебе, что не должна с тобой разговаривать. Выключи.

— Хорошо, — соглашается Мина. Шелест перемещения, и запись прекращается.

Трев хмурится.

— Это все?

— Думаю, да. — Я быстро вбиваю имя Эми в поиск на случай, вдруг Мина забила расшифровку интервью вместо звуковой записи, но в результатах выбивается только документ хронологии. — Здесь она интервью не сохраняла.

— Как ты считаешь, о чем они говорили?

— Ну, спрошу Эми, когда встречу с ней. Она дружит с младшим братом Кайла; попытаюсь пробиться в ее расписание.

— Значит, на тебе Эми, а я позвоню Мэтту, — предлагает Трев.

— Вы до сих пор общаетесь? — В школе Трев редко проводил время со мной или Миной. Я была в курсе, с кем он дружил, но больше ни во что особо не вникала.

— Видел его пару раз после того, как уехал в колледж. Когда играл в футбол со старой командой.

— А что у Мэтта с наркотиками? — интересуюсь я. — Речь о косячках, или таблетках, или...

— Мет, — говорит Трев.

— Черт.

— Ага. Но это было после исчезновения Джеки. По крайней мере, никто из нашей компании не знал об этом. Потом это стало заметно всем окружающим. Его отец ушел, когда мы перешли в старшую школу, и Мэтт стал ввязываться в драки. А то, что случилось с Джеки, отчасти подтолкнуло его к краю.

— Как считаешь, он мог ее убить?

Трев встает с моей кровати, подходит к окну и раздвигает занавески, чтобы посмотреть на передний двор.

— Тогда я сказал бы — ни за что.

— А сейчас?

Некоторое время Трев молчит, просто смотрит в окно, сжав челюсть.

— Понятия не имею, — наконец говорит он. — Возможно, они любили друг друга. Может, она его ненавидела. Может, он ее убил. Сейчас я уже совсем не доверяю своей способности составлять о людях мнение.

Я отвожу взгляд.

— Мне пора, — говорит Трев. — Мэтту я позвоню.

— Посмотрим, может, получится с ним завтра встретиться, — предлагаю я. — Он мог сказать Мине что-то не для записи или говорил с кем-то об интересе Мины к Джеки. Или он сам это сделал.

Пока говорю, наклоняюсь над столом, чтобы оттолкнуться и встать со стула. Спина меня убивает. После инъекций на день или два боли ухудшаются, а потом спадают, но сейчас, когда поднимаюсь слишком быстро, не могу сдержать резкий вздох.

Трев оборачивается на звук, но я добираюсь до кровати и ложусь на живот до того, как он успевает мне помочь.

— Как себя чувствуешь? — спрашивает он.

— Я найду адрес Джека Деннингса, — игнорируя его вопрос, говорю я. — Можем проведать и его. — Начинаю переживать из-за всей ситуации. Я даже не знаю, как раскрыть убийство, свидетелем которого стала сама, не говоря уже о нераскрытом расследовании трехлетней давности.

Закрываю глаза. Вчера я легла поздно, потому что перечитывала газетные статьи об убийстве Мины и исчезновении Джеки. Каждый раз, когда пытаюсь уснуть, меня возвращает в тот день на Букер Поинт, а об этом я думать не могу. Поэтому и не сплю, когда в голове столько мыслей.

Но больше не могу сопротивляться.

Рука. Тепло на моем плече.

Рука Трева.

Поворачиваю голову, чтобы видеть его. Сидя рядом, он наблюдает за мной, и я не отвожу взгляда.

Осознание, что в нем что-то решилось, что-то, что, мне кажется, он подозревал, но отрицал в течение месяцев, если не лет. Принятие этого не разочаровывает, но вводит в сомнения. Это видно по его глазам, ощущается в прикосновении.

— Спина болит? — спрашивает он.

Я складываю руки под подбородком и киваю. Он обхватывает мое плечо, и эта согревающая тяжесть служит очередным напоминанием, что он живой. И что ее больше нет.

— Нужно что-нибудь, пока я не ушел?

Я качаю головой. Боюсь даже заговорить. Боюсь сделать что-то невероятно глупое, например, прильнуть к его прикосновению.

Не могу ради него — ради себя, ради нее.

Не шевелюсь.

— Думаешь, она там, наверху? — бормочу. Слова еле слышны из-за подушки, и ему приходится наклониться, чтобы расслышать. — Наблюдает за нами с небес?

— Думаю, да. — Свободной рукой он убирает волосы с моего лба и тыльной стороной ладони касается виска.

— Здорово, наверное.

— Иногда. — Трев продолжает поглаживать мои волосы, мягкое прикосновение словно накрывает меня теплым одеялом. — Иногда тяжело представлять, что она смотрит на все и не может присоединиться.

Какое-то время мы так и остаемся с обволакивающими нас воспоминаниями. Я уже в полудреме, закрыв глаза, когда он наклоняется и прижимается губами к моему лбу.

Шаги отзываются эхом по комнате, когда он уходит, а я твержу себе, что слезы, выступившие на глазах, от боли.

ГОД НАЗАД (ШЕСТНАДЦАТЬ ЛЕТ)

— Знаете, весь смысл плавания под парусом — это парус, — заявляет Трев.

Мина смеется, и по мне через кожу проходит вибрация. Мы лежим на палубе «Светлой Печали», голова Мины покоится на моем животе, Трев у штурвала. Они оба читают. У Трева какой-то детектив в мягкой обложке, он засовывает его в карман, когда приходится вставать и поправлять паруса. Мина погружена в ту же книгу о Уотергейтском скандале, которую читает всю неделю. Время от времени она выписывает заметки в блокнот, подпирая его коленками.

Мне же просто приятно лежать здесь и слушать, как они переговариваются, их привычные добродушные препирательства действуют как никогда успокаивающе. Мы размеренно покачиваемся на спокойной воде, Трев слишком поглощен разгадкой в книге, чтобы выискивать малейший намек на ветер.

— То-то я и гляжу, как ты тянешь за веревки, чтобы уплыть отсюда, — саркастично замечает Мина.

— Они называются снасти, Мина. А я на самой интересной части. — Трев приподнимает свою книгу.

Она искоса смотрит на название.

— Я ее на прошлой неделе закончила. Хочешь, скажу, кто убийца?

— Не мешай ему, — вступаюсь я.

— Вот, Соф на моей стороне. Двое против одной.

Мина закатывает глаза и переворачивает страницу.

В конце концов я засыпаю, убаюканная солнцем и покачиваниями лодки — и таблетками, принятыми с утра перед поездкой.

Когда я просыпаюсь, солнце уже садится, а Мина сидит рядом с Тревом. Мгновение я наблюдаю за их склоненными темноволосыми головами, свешенными ногами по ту сторону борта лодки. И, полусонная и в тумане, улавливаю конец предложения Трева:

— ...беспокоишься за нее?

— Все эти дебилские таблетки, которые она принимает.

Я замираю. Они говорят обо мне.

— Они нужны ей. Она мучается от болей.

— Знаю, но в последнее время... Забей, у меня паранойя.

— Эй, нет. — Трев обнимает ее и прижимает к себе. Она кладет голову ему на плечо.

— Я понимаю. Ты волнуешься за нее. Как и все мы.

— Ты волнуешься за нее, — уточняет она. В ее голосе недовольство, но еще и покорность.

Долгое молчание. Трев отклоняется от нее, и они смотрят друга на друга.

— Это... проблема? — спрашивает он.

Мое сердце пускается вскачь. Я должна бы покашлять, окликнуть их по имени, чтобы дать знать, что я проснулась. Это было бы правильно.

Но ничего из этого я не делаю, лишь самым ужасным образом подслушиваю двух человек, которых люблю сильнее всех в этом мире. Жду, что она ответит. Часть меня не

может не надеяться, что настал *тот* момент — когда она наконец расскажет ему, когда он наконец осознает правду.

— Конечно же нет, — говорит Мина, и слова слетают настолько легко, словно и не было всех тех лет отрицания, и множества лжи, и парней, что касались наших тел, но не имели ни единого шанса заполучить наши сердца.

— Ты уверена? — спрашивает Трев. — Она твоя лучшая подруга. Если для тебя это странно...

— Ой, да без разницы, — отмахивается Мина. — У тебя никогда не выходило это скрывать. Поэтому ты такой отстойный игрок в покер. Все знают. Даже...

— Софи, — говорит Трев. Заметив меня краем глаза, он оборачивается через плечо. — Ты проснулась.

Мой взгляд блуждает по поверхности воды, смотрю куда угодно кроме них, но щеки пылают. Я до сих пор не особо понимаю, что такого вдохновляет в них такую потребность во мне, их любовь. Я не честная и надежная, как Трев, и не яркая, как Мина. Я — просто я, с землей под ногтями, тягой к наркотикам и проявлениям любви. Но все же как-то я умудрилась связать нас плотным узлом и теперь не знаю, как мы сможем из него выпутаться.

— Нам пора возвращаться. — Трев вскакивает и тянет снасти, Мина же остается на своем месте.

Я чувствую, как она наблюдает за мной.

Но когда перевожу на нее взгляд, она отворачивается к докам, подавляя все мои сигналы.

Трусихи, какие же мы обе трусихи.

СЕЙЧАС (ИЮНЬ)

Следующим утром мама ожидает меня на кухне.

— Куда идешь? — спрашивает она поверх своей чашки с кофе.

— Завтракать с друзьями. — Накануне я написала Кайлу и Рейчел, и они встретят нас с Тревом в кафе на Голд Стрит, прежде чем мы отправимся к Мэтту.

— Среди этих друзей есть Трев? — интересуется она. Ее брови практически пропадают, так высоко она их поднимает. — Папа сказал, что он приходил вчера.

Хватаю кофейник и наливаю кофе в термокружку. До кафе всего десять минут езды, но спала я ужасно.

— Да.

— Миссис Бишоп в курсе?

Сыплю горю сахара и закрываю крышкой.

— Миссис Бишоп в Санта-Барбаре. И вообще, Треву двадцать лет. Не думаю, что ему нужно отпрашиваться, чтобы пойти куда-то с друзьями.

— Софи... — Мамино лицо принимает встревоженное выражение. — Ты и та семья... — Она замолкает.

Мама не из тех людей, что с легкостью прощают. После аварии она пыталась отдалить меня от них обоих, это не сработало тогда, не выйдет и сейчас.

— Что «я и та семья»? — настойчиво спрашиваю я. — Я выросла с Тревом. И не собираюсь вырывать из своей жизни эти годы.

— Я знаю, что этот мальчик чувствует к тебе, — говорит она. — Ты еще принимаешь противозачаточные?

Меня пронзает гнев. Ее вообще ничего из этого не касается. Меня бесит, что она безоговорочно решила, что дело в сексе; словно это единственное, что может со мной случиться.

— Я с ним не сплю, — успокаиваю ее. И жду, когда облегчение появится на ее лице. Жду, потому что хочу ранить ее, как она ранила меня. — Больше не сплю, — добавляю наконец.

Мама вздрагивает. Твержу себе, что мне плевать, что этого я и добивалась, но все равно сразу же жалею о своих словах.

— Скоро вернусь. — Прохожу мимо нее на выход из кухни до того, как она успевает что-то сказать.

Запираю парадную дверь и закидываю сумку через плечо, держа кофе в свободной руке. Трев выходит из грузовика, когда я спускаюсь к дороге.

— С Мэттом встретимся через час в его квартире, — сообщает Трев. Сделав паузу, он стреляет взглядом на грузовик. — Сядешь за руль?

Он нервничает, когда ему приходится вести машину в наших поездках, поэтому я соглашаюсь:

— Конечно. — Ловлю брошенные им ключи и забираюсь на водительское сиденье. Трев усаживается следом, пристегивает ремень безопасности, в то время как я поворачиваю ключ зажигания.

— Забыла вчера сказать тебе — я поговорила с мистером Уэллсом, репортером, который отвечал за стажировку Мины.

Тре́в большое внимание уделяет виду из окна, проносящимся мимо аккуратным оградкам и опрятным зданиям моего района. Но при упоминании мистера Уэллса он настолько резко оборачивается ко мне, что я пугаюсь, не потянул ли он себе шею.

— Томом Уэллсом? — уточняет он.

— Да. — Я сворачиваю со своей улицы и направляюсь к железной дороге.

— Не встречайся с ним больше, — просит Тре́в, но его слова походят скорее на приказ.

— Почему? Что с ним не так?

— Он преследовал маму после... после того, что случилось с Миной. Заявлялся в церковь, пытался ее разговорить, чтобы нажиться на шумихе. Я просил его отвалить от нас, но потом он начала названивать домой, говоря, что у него оставшиеся после обыска вещи Мины. И он не прекратил бы, пока я не надавал ему по шее.

— Я просто спросила его, говорила ли Мина с ним о Джеки, — оправдываюсь я. — Он сказал, что нет. Но пытался расспрашивать меня о Мине для печати.

Тре́в ритмично сжимает и разжимает руки; вижу это боковым зрением, когда грузовик пересекает ж/д пути, и сворачиваю в переулок между темными промышленными зданиями. Дорога здесь неровная с плохим асфальтом, который округ даже не пытается заменить, и машину мотает во все стороны, когда я попадаю в выбоины.

— Я не рассказала Уэллсу ничего важного, — уверяю его.

— Знаю, — отвечает он, и внутри растекается облегчение, что по крайней мере это не изменилось. Что в чем-то он еще может мне доверять.

— И что он вам вернул? — спрашиваю я, заезжая на парковку. Кафе перед нами — небольшое приземистое здание с двумя залами и туалетом снаружи, а не внутри. Оно окрашено в желтый цвет, от которого режет глаза, а при входе висит ветряной колокольчик из потемневшего серебра.

— Да просто стопку наполовину исписанных блокнотом, какие-то ручки, несколько картинок. Если честно, я не особо внимательно смотрел, — признает Тре́в. — Я не... Это было сразу после, а мама еще... — Он замолкает и смотрит прямо на меня. — Было непросто, — наконец говорит он. — После того. Ты уехала, и я так злился на тебя, а мама была... у меня никого не осталось. Я просто... просто не мог. Я не заходил в спальню Мины, убрал этот пакет в гараж и пытался забыть обо всем.

Мне хочется взять его за руку или стиснуть плечо, как сделал бы он. Но от этого может стать только хуже.

Мы только и делаем, что сдерживаемся. Это единственная возможность двигаться дальше.

— Кайл и Рейчел ждут, — напоминаю я.

Тре́в кивает. Мы выходим из грузовика и заходим в кафе. Внутри шумно, у прилавка постоянные посетители попивают черный кофе и читают местные газеты. Основной зал заполнен столами и стульями из множества разных комплектов мебели, между которыми остаются считанные сантиметры для маневров официанток. Рейчел и Кайл сидят в углу рядом с картиной с изображением окна.

— Значит, ты — Тре́в. — Рейчел улыбается. — Я Рейчел.

— Что с твоим глазом? — пока Тре́в и Рейчел обмениваются рукопожатием, спрашиваю Кайла. Он поднимает взгляд от чашки кофе, уже заплывший правый глаз украшает

фиолетовый фингал.

— Я ударил его, — говорит Трев.

— Чего?

Рейчел смеется:

— Серьезно?

— Ерунда, — бормочет Кайл.

Трев пожимает плечами и садится.

— Он заслужил.

— Хорошо, но больше без кулаков. — Я качаю головой. Драки никогда ничего не решали. — Мы все хотим одного и того же.

Сделав заказ, мы приступаем к делу.

— Я разузнал у Таннера об Эми, — говорит Кайл. — Он сказал, что завтра с пяти до шести у нее футбольная тренировка. Я прикинул, что в это время вы могли бы с ней пообщаться.

— Я просто надеюсь, что она не откажется от разговора с нами, — произношу я. — Если она не хотела, чтобы Мина записывала интервью, почему тогда вообще согласилась его давать.

— Ее семье, вероятно, не особо нравятся репортеры, — хмурится Трев.

— Хочешь, схожу с тобой к Мэтту? — спрашивает Кайл. — Из-за Адама мы с ним много общались.

— Пойдет Трев, — говорю я. — Но спасибо. Думаю, для тебя есть другая работенка. — Я подталкиваю Трева локтем. — Ничего страшного, если Кайл и Рейчел к тебе домой поедут? Они могут осмотреть пакет с вещами из газеты. Возможно, найдется что-нибудь в блокнотах.

— Хорошая идея, — соглашается Трев. — Можете гараж перерыть, если хотите. Единственное место, где я пока не искал.

— Без проблем, — отвечает Рейчел. — Ты как, Кайл?

Набрав полный рот кофе, Кайл лишь кивает.

Приносят остальной наш заказ, и беседа сменяется постукиванием приборов об посуду. Когда Трев отходит к кассе для оплаты, я спрашиваю Кайла:

— Что думаешь о Мэтте?

— Типа как о подозреваемом?

— Подозреваемом, личности вообще, без разницы. Они с Тревом дружили, я просто хочу узнать о нем с другой стороны.

Кайл откидывается на спинку синего плетеного стула.

— Мэтт мет-зависимый, — говорит он. — Дважды срывался. Сейчас чист, не принимает, может, месяцев шесть. Адам наверное думает, что сейчас все изменилось, но он всегда хочет надеяться на лучшее. На этот раз за него взялся дядя, что-то серьезное с законом. Кому-то из членов семьи приходится ходить с ним на встречи, чтобы он не сбежал.

— Он тебе не нравится, — подмечает Рейчел.

Щеки Кайла краснеют.

— Он дерьмово относился к Адаму, когда мы были детьми. Но семья — это главное, поэтому Адам всегда прощал Мэтта, что бы тот ему ни делал. Мэтт старше, он должен был стать главой семьи, когда ушел их отец, но стал лишь источником кучи проблем.

— Если человек говно, это не обязательно означает, что он хладнокровный убийца, —

говорит Рейчел.

К столику возвращается Трев.

— Поехали, — засовывая под мою чашку несколько банкнот в качестве чаевых, говорит он. Берет со стола свои ключи и, сняв с кольца один, отдает его Кайлу. — В холодильнике есть содовая и все такое. Берите, не стесняйтесь. Главное не забудьте запереть дверь и оставьте ключ под камнем у лестницы, когда будете уходить.

— И позвоните нам, если что-нибудь найдете, — добавляю я.

— Держи. — Рейчел снимает со своего запястья амулетный браслет с Бэтменом и быстренько застегивает его на моей руке. — На удачу. — Она встает и закидывает на плечо рюкзак.

Выйдя, мы разделяемся, Рейчел и Кайл переходят через улицу. Трев снова бросает мне ключи и, как только оказываемся в грузовике, включает радио.

— Не думаю, что Мэтту стоит знать, что мы нашли интервью Мины, — говорю я, пока мы едем мимо футбольного поля, где девушки в синей форме гоняют по траве мяч.

— Тогда что ты хочешь сказать?

— Просто что мы нашли в ее комнате список, и там было его имя. Хочу посмотреть на его реакцию.

— Ладно, но большую часть разговора буду вести я.

Я киваю и еду по адресу, который дал мне Трев. Нашим местом назначения оказывается невысокое коричневое здание многоквартирного дома с крышей из черепицы и знаком «СДАЕТСЯ» на газоне. Мы выходим и приближаемся к квартире 2В.

Тре́в стучит, и несколькими минутами спустя дверь открывается. Мэтт выглядит как более взрослая, потасканная версия Адама. В отличие от пышущего здоровьем младшего брата, его щеки впалые, а на подбородке заживающие красные ранки. Но он набрал вес, а глаза ясные.

Вполне вероятно, что он чист.

— Трев, чувак. — Они с Тревом исполняют сложное рукопожатие, которое доступно только парням, а мне он улыбается: — Кто это?

— Это Софи.

— Привет. — Я протягиваю руку, и Мэтт ее принимает.

— Мы знакомы? — спрашивает он.

— Я дружу с твоим братом. И Кайлом Миллером.

— О, ясно. — Улыбка Мэтта становится шире. — Заваливайтесь.

Жилище Мэтта опрятное и чистое. Когда мы оказываемся внутри, ко мне подбегают два пятнистых питбуля и подпрыгивают, пытаясь лизнуть мне лицо. Хозяин отзывает их и открывает для них дверь заднего выхода. Вкрадчиво оглядываюсь в поисках любого признака, что Мэтт снова принимает. В помещении витает запах дыма, китайская чаша, исполняющая роль пепельницы, почти переполнена сигаретными окурками, но, приглядевшись, я вижу одни лишь желтые фильтры. Никаких пивных бутылок или крышек, никаких мешочков без опознавательных знаков, никаких трубок — ни даже глазных капель или сиропа от кашля.

Все это может быть просто где-то спрятано. Когда кайф — все, о чем ты только можешь думать, становишься очень сообразительным, чтобы сохранять это в тайне.

— Как мама поживает? — спрашивает Трева Мэтт.

— Сам понимаешь. — Трев неопределенно ведет плечами. — Для нее же лучше сейчас

побыть с тетей.

— Это помогает. Сам-то как?

Трев снова пожимает плечами. Мэтт хлопывает его по спине:

— Дружище, соболезную. — Переводит на меня взгляд. — Может, пить хотите? На выбор содовая и вода.

— Нет, спасибо, — говорю я.

— Так в чем дело? — интересуется Мэтт, когда мы устраиваемся на потертом виниловом диване. Он опускается в кресло напротив.

— Это прозвучит немного странно, — начинает Трев. — Я перебирал вещи Мины, хочу собрать их до маминого возвращения. Так вот нашел в столе список, и там было твое имя. Мне стало интересно, что это за список. Не знал, что вы были друзьями.

— Мы и не были, — отвечает Мэтт. — Не совсем. Она не рассказывала тебе, что писала про Джеки?

— Нет, — говорит Трев.

— Для газеты. Она сказала, что собирала сведения для статьи ко дню рождения Джеки, и попросила меня об интервью. Я согласился. Когда в газете так ничего и не появилось, я просто подумал, что она не успела закончить до... — Мэтт неловко замолкает.

— Что она хотела знать? — спрашивает Трев.

— Да все как обычно. Как мы с Джеки начали встречаться, какие у нас были планы.

— Она спрашивала тебя о расследовании? — интересуюсь я.

— Неа, — говорит Мэтт. — Мина знала, что я не имел к этому никакого отношения. Детектив Джеймс просто придурок, дорвавшийся до власти.

Стараюсь держать выражение лица нейтральным, думая о том, что в списке Мины Мэтт был Подозреваемым № 1.

— О чем еще вы говорили?

— Хм, она спрашивала, сколько мы были вместе. Поговорили о футболе, о том, как Джеки участвовала в выборах президента студсовета в тот учебный год. Она наверное целый ящик клея с блестками купила для своих плакатов.

Трев усмехается.

— Я и забыл об этом. Она с ума сходила, когда у нее закончился розовый.

Мэтт смеется, забывшись в воспоминаниях, и резко успокаивается и проводит рукой по темным волосам.

— Порой кажется, что она только вчера была рядом, — говорит он. — Она всегда могла рассмешить меня, даже когда все вокруг было отстойно. — Он рассеянно достает что-то из кармана и вертит в руках, и я понимаю, что это значок за шесть месяцев трезвости.

— Полгода, молодец. — Киваю на значок.

Его пальцы замирают.

— Ты в программе?

— Чуть больше десяти месяцев.

— Рад за тебя, — говорит он. — Собrania очень помогают, но иногда все еще тяжело.

— Да, непросто. Но сам знаешь, шаг...

— Шаг за шагом. — Он заканчивает девиз и с печальной улыбкой поднимает на меня взгляд. — Это все, что у нас есть, да?

— Похоже на то. — Я улыбаюсь в ответ, пользуясь моментом, чтобы посмотреть ему в глаза. Это он был той ночью? Как же сложно вспомнить голос убийцы и точную форму его

глаз под той маской. Три коротких слова, подчеркнутые выстрелами, и я... не уверена.

Но в одном я уверена точно: наркоманы мастерски умеют врать.

Мэтт, словно черпая силы, проводит пальцами по граням значка.

— Ты при ком-нибудь упоминал, что Мина пишет о Джеки? — спрашивает Трев.

— Наверное, я маме сказал, — отвечает Мэтт. — Она подумала, что это хорошее дело, что газета готовит материал о Джеки. Мама любила Джеки. — Его зеленые глаза увлажняются, и он, с трудом дыша, крепче сжимает значок. — Невыносимо думать о ней. И не иметь ни малейшего понятия, что произошло.

— Как ты думаешь, она могла сбежать? — спрашиваю я.

Мэтт трясет головой, в глазах стоят слезы.

— Нет, Джеки очень любила свою семью — она никогда бы их не бросила, особенно Эми. Джеки радовалась, что пойдет в колледж. Мы даже планировали снимать квартиру под Стэнфордом, я хотел пойти в местный колледж. Она не сбежала бы — это бессмысленно. Ее отобрали у нас. — Он глубоко вдыхает, сжав значок в кулаке. — А мне остается только молиться, что она еще где-то здесь, что сможет сбежать от похитителя и вернется к нам, домой.

— Ты думаешь, что она до сих пор жива? — Как только слова срываются с языка, я понимаю, что было ошибкой это говорить. У него такой вид, что он сейчас разревется; и ничего хорошего в том, чтобы его к этому подталкивать.

— Я надеюсь. Всем сердцем.

Воцаряется не самая приятная тишина, и я понятия не имею, что сказать. Он мог нас обманывать, чтобы отвести от себя подозрение. А мог и говорить правду — и всерьез полагать, что спустя эти годы она до сих пор жива, потому что не может и вообразить другой исход.

— Мы, наверное, пойдем, — говорю я. — Не хочу больше отнимать твое время.

— Ты в порядке, Мэтт? — спрашивает Трев. — Я могу остаться.

— Нет, нет, все нормально. — Он отмахивается от нас. — Просто... плохие воспоминания.

— Спасибо, что поговорил с нами.

Мэтт кивает и провожает нас на выход.

— Увидимся. — Он улыбается, но улыбка не касается его глаз. За нами хлопает дверь, и я слышу щелчок замка, когда мы выходим на лестницу.

— Ну, что считаешь? — интересуется Трев, дойдя до машины.

— По росту он может быть убийцей, — залезая внутрь, говорю я. Застегиваю ремень безопасности и поворачиваю ключ. — И я знаю, что у него есть оружие. Адам постоянно ходит с ним охотиться.

— Здесь почти у каждого есть оружие, — отмечает Трев, когда я выворачиваю на дорогу. — У меня тоже есть.

— У тебя старый отцовский пистолет. Ты хоть раз из него стрелял?

— Конечно. Было бы глупо иметь оружие и не уметь им пользоваться. И Мину я научил.

— Это когда? — Не помню, чтобы Мина об этом упоминала.

— Когда ты была в Портленде. Она попросила меня. — Трев хмурится. — Незадолго до Рождества.

— Когда начала получать угрозы.

— Тогда почему не взяла с собой той ночью? — Я вздрагиваю от ярости в голосе

Трева. — Она знала, где он лежит, умела стрелять. Она могла бы защититься.

— Раз не взяла оружие, значит, не подозревала того, с кем планировала встретиться, — говорю я.

Мы тормозим у светофора в конце улицы, и краем глаза я вижу, как дергаются желваки у Трева. Его гложет, что Мина знала, в какой опасности находилась, раз училась стрелять, но все равно продолжала хранить свои тайны в себе.

— Мэтт не слишком хорошо думает о детективе Джеймсе, — говорю я. Меня злит, что Трев снова винит себя. Нужно его отвлечь.

— Как и ты, — замечает он.

Закатываю глаза.

— Потому что как только у него в голове появляется какая-то идея, он не отходит от нее ни на шаг. Какого прогресса он достиг за все эти месяцы, преследуя несуществующего наркодилера? Если бы он сразу нормально выполнил свою работу, Мине не пришлось бы искать человека, убившего Джеки. Он дважды просрал одного и того же убийцу. Это и его вина тоже.

— Слушай, я от него тоже не в восторге, но в конечном итоге нам придется отдать все сведения ему. Так что успокаивайся давай.

— Он болван.

— Ладно, предположим, что это Мэтт, — говорит Трев. — Какой у него мотив избавляться от Джеки?

Я включаю поворотник перед знаком «Стоп» и осматриваю дорогу.

— Они ссорились?

— Бывало. Мне кажется, она злилась, что он часто курил косяки. Она шла на стипендию, чтобы ее родителям не пришлось платить за учебу. Частенько подрабатывала, ходила на тренировки, и оценки были довольно высокие. Она хотела, чтобы и он не отставал.

Я вскидываю бровь.

— И что... он убивает ее, потому что она лечит ему мозги из-за травмы?

— Возможно, это был несчастный случай, — говорит Трев. — Она же пропала на Клир Крик; дорога уходит в лес. Может, они совершали пешую прогулку, поссорились, и она упала?

— Тогда почему он не вызвал рейнджеров и не сказал, что это несчастный случай? В горах постоянно что-то случается. Нет, кто-то похитил Джеки, убил и бросил где-то в другом месте. Поэтому никто не нашел ее тело.

— Как все запутано, — шепчет Трев.

— Согласна. — Долгое время мы оба молчим. — Ты еще не передумал ехать к Джеку Деннингсу?

— Не могу отпустить тебя одну, — говорит он, это не совсем ответ, но я его принимаю.

— Тогда возьми мой телефон. Я проложила маршрут.

Сохраняя молчание, мы доезжаем до Ирвинг Фоллс, где живет Джек Деннингс. Трев возится с радио и находит волну, где крутят старое кантри, и из колонок теперь играет хриплый голос Мерла Хаггарда, в то время как я сосредоточена на дороге.

Я не знаю, что говорить теперь, когда у нас вроде как наладились отношения. Поэтому просто молчу и опускаю окно, стараясь найти успокоение в тепле, но мне в лицо ударяет горячий воздух и развеивает волосы. Кондиционер в машине не работает сколько я себя

помню, и хотя еще даже не полдень, температура уже выше тридцати. Пот скатывается по спине, и одной рукой я собираю волосы, открывая шею.

Краем глаза он наблюдает за мной. Я притворяюсь, что не замечаю. Так проще.

Постепенно становится свежее. Выбравшись из долины, теперь мы с обеих сторон окружены горами и могучими соснами, в глубине лесов иногда виднеются домишки людей, предпочитающих уединение. Примерно через тридцать километров на пути появляется водопад, из-за которого город и имеет свое название, но Джек Деннингс живет на окраине, в какой-то глухомани.

— Приехали, — говорю я, замедляясь у деревянного почтового ящика с прибитой сверху железной индейкой в натуральную величину. Еще несколько километров мы петляем между соснами по дороге с забором из колючей проволоки, пока наконец не добираемся до дома, за которым видны еще более высокие деревья. Дом — обычный фермерский, растянувшийся на холмистой местности.

Мы выходим из грузовика, подходим к двери и стучим. Внутри слышится отчаянный лай псов, но никто не отвечает. Немного погодя, Трев отступает и прикрывает глаза от слепящего солнца. И показывает на старый двухцветный Форд, стоящий под дубом.

— Может, он на заднем дворе?

Я следую на шаг позади него, когда мы обходим вокруг дома. У ограждения из цепи с огромными кольцами высажены аккуратным рядочком подсолнухи, за которыми растут пышные зеленые растения.

И тогда я слышу его.

Щелчок.

Слишком знакомый.

Во мне поднимается волна страха. Я закрываю собой Трева. Возможно, я смогу спасти его, как должна была спасти ее.

Я инстинктивно разворачиваюсь к источнику звука и второй раз в своей жизни смотрю на дуло ружья.

ЧЕТЫРЕ МЕСЯЦА НАЗАД (СЕМНАДЦАТЬ ЛЕТ)

Детектив Джеймс высокий, почти два метра ростом, с темными зализанными волосами и в поношенной клетчатой рубашке. Он сидит на мамином диване, и кофейная чашечка в его руках кажется совсем крошечной.

Мама кладет руку мне на плечо.

— Софи, это детектив Джеймс. Он хочет задать тебе несколько вопросов.

Я на них отвечаю. Он — безопасен. Он полицейский. Если я просто буду говорить правду, все будет в порядке. Он найдет ее убийцу.

Приходится повторить эти слова в голове несколько раз, прежде чем мне хватает духу переступить порог комнаты.

— Здравствуйте, — говорю я. — Мне лучше сесть? — спрашиваю.

— Здравствуй, Софи. — Он быстро встает, чтобы пожать мне руку, и коротко кивает. У него мрачное лицо, словно он видел многое в своей жизни.

Я присаживаюсь на папино кресло, стоящее напротив дивана, и подворачиваю под себя здоровую ногу. Вытягиваю вперед больную и сгибаю бандаж на колене, только благодаря которому могу сейчас ходить. Мама до сих пор торчит в дверном проеме, сложив руки и глядя на детектива. Мне слышно, что папа ходит по кухне, довольно близко, чтобы услышать разговор.

Детектив Джеймс достает блокнот.

— Софи, ты можешь сказать, кто напал на вас с Миной?

— Нет. Он был в маске.

— Ты видела его прежде?

Я хмурюсь. Он глухой?

— Я не знаю. На нем была лыжная маска.

— Но это был мужчина?

— Да. Он высокий. Выше ста восьмидесяти. И это правда все, что я могу вам сказать с нем. На нем была объемная куртка, не уверена, худой он был или нет.

— Он что-нибудь сказал?

— Не сразу. Он... — Чувствую, как стягивает лицо, пока я пытаюсь вспомнить, и от этого смещаются швы на лбу у линии роста волос. — Он говорил что-то. После того, как ударил меня. Перед тем как отключится, я слышала его. Он что-то сказал Мине.

— И что это было? — спрашивает детектив Джеймс.

Приходится постараться, чтобы вытянуть слова из суматохи страха, боли и паники, что окружали меня в тот момент.

— Он сказал: «Я предупреждал тебя».

Детектив корябает что-то в своем блокноте.

— Кто-то угрожал Мине? Она ни с кем не ссорилась? У нее были проблемы?

— Я не знаю... Не думаю. Я...

— Почему ты не рассказываешь, зачем вы были на Букер Поинт? — перебивает он. — Твоя мама говорит, что вы собирались к вашей подруге — Эмбер Вернон, — но Букер Поинт в доброй полсотне километров от ее дома.

— Мы и ехали к Эмбер, — говорю я. — Но Мине нужно было объехать к Поинту. Она встречалась с кем-то из-за статьи.

— Статьи?

— Она подрабатывает в «Харпер Бикон». — Я замолкаю, крепко сжимая губы. — Подрабатывала, — исправляюсь. — Подрабатывала.

— И она не поделилась с тобой, с кем должна была встретиться? — Скепсис в его голосе заставляет маму ощетиниться, в ней просыпается адвокат.

— Нет. Она и не сказала бы. Говорила, что не хочет сплзнуть. Хотя была взволнована. Для нее это было важно.

— Хорошо, — говорит детектив Джеймс. Около минуты он молчаливо пишет в блокноте. Затем поднимает взгляд, и от выражения его лица у меня пересыхает во рту — словно нацелился на уничтожение. — Букер Поинт известен как место, где совершаются наркосделки, — говорит он. — Было бы понятно, что кто-то с такой историей как у тебя вернется к прежним привычкам.

— Мы были там не из-за покупки наркотиков, — заявляю я. — Проверьте меня снова. Давайте прямо сейчас пописаю в баночку. Неважно, что говорят другие. Кайл лжет. Мина встречалась с кем-то из-за статьи. Спросите ее начальника в газете. Спросите других работников. Проверьте ее компьютер. Так вы найдете ее убийцу.

— А как насчет таблеток в твоем кармане? — интересуется детектив Джеймс. — Они тоже часть статьи Мины? Или просто появились из ниоткуда?

Я открываю рот, слезы наполняют глаза, но прежде чем я что-то говорю, мама выступает посреди комнаты.

— Думаю, на сегодня достаточно, детектив, — отрезает она. — Моей дочери пришлось через многое пройти, и она отказалась от обезболивающих. Ей нужен отдых.

Он раскрывает рот, чтобы возразить, но мама силой своего пристального взгляда и авторитетным постукиванием ноги уже выпроваживает его.

Мои родители негромко переговариваются в кухне, так что я выскальзываю из гостиной до того, как они замечают.

Сворачиваюсь на своей кровати, а несколько минут спустя в комнату заходит мама. Матрас прогибается, когда она садится рядом.

— Ты справилась, — говорит она. — Не свидетельствовала против себя. Но это только первый допрос. Пока продолжается расследование, их будет еще множество.

Смотрю перед собой, не в силах встретиться с ней взглядом.

— Я не срывалась, — произношу. — Знаю, ты мне не веришь, но я не срывалась.

— Не важно, что думаю я. Важно, что думает полиция. Ты могла навлечь на себя неприятности, Софи. Будь осторожна.

Переворачиваюсь на спину и наконец смотрю на нее.

— Важно то, что они должны найти убийцу Мины. Но ничего не выйдет, если они будут считать, что это была покупка наркотиков. Потому что это не так. Мне без разницы, если меня обвинят в хранении веществ — лишь бы нашли того, кто это сделал.

Мама вздрагивает.

— Что ж, а мне не без разницы, что происходит с тобой, — отрывисто произносит она. — Я делаю все что в моих силах, чтобы держать тебя вдали от неприятностей, Софи. Тебе семнадцать лет, тебе могут судить как совершеннолетней. Никаких попыток пройти тест на наркотики, ты меня поняла?

Из меня вырывается какой-то хрип вместо нормального голоса:

— Я чиста.

— Пообещай мне. — Вместе с нами в комнате еще и ее страх, объемный и невыносимый. Ее ярко-красные губы подрагивают, пальцы переплетены. Мамочка всегда будет защищать меня, даже когда я ее уничтожаю.

— Обещаю.

Это единственный вариант, я же знаю свою мать. Она никогда не поверит мне, но сделает все возможное, чтобы ничего не разрушило мое будущее.

Это первое обещание, что я дала не ради Мины.

А ради себя, ради мамы, готовой до крови драться за меня.

И оно слишком похоже на предательство.

СЕЙЧАС (ИЮНЬ)

Все повторяется.

Изо дня в день я спрашивала себя, была ли возможность избежать печального исхода: будь я быстрее, смелее, не ударь он сначала по моей больной ноге, остановила бы я его?

И теперь мне в лицо нацелено другое оружие, и на этот раз мне хочется быть смелее. Больше всего на свете мне хочется быть смелее.

Но больная нога снова подводит меня.

Я падаю на землю. Колени вспыхивают болью в знак протеста. Во рту кровь, я прикусила щеку. Не могу отвести глаз от ствола ружья. Не могу даже сфокусироваться, фигура держащего его человека расплывается и дрожит. Единственная мысль — все повторяется, и я снова бессильна. Я больше не прикрываю собой Трева, а паника тянет меня вперед, к оружию. Я не смогу быть виновной и в его смерти.

Кто-то кричит. Что-то задевает мое плечо, вырывая меня из той ночи обратно к реальности. Мимо меня движется Трев.

— Какого хера?!

Это Трев. Трев кричит. Сердито и громко, и это слегка поражает, потому что из всех людей во вселенной его, кажется, сложнее всего вывести из себя. Вокруг меня все начинает проясняться, пульс замедляется, взгляду возвращается фокус.

Он делает шаг, пока не оказывается передо мной. Хочется схватить его за ноги и оттащить подальше.

— Уберите от нее ружье! — вопит он.

— Вы кто такие?

Стараюсь сосредоточиться на голосе седовласого мужчины с ружьем в руках.

— Я сказал, уберите ружье! — Трев нависает над мужчиной всем своим ростом, и широкими плечами, и той силой, которую он показывает лишь в самые необходимые моменты. В его голосе никакого страха, только явный однозначный приказ.

Какое сумасшествие.

Какая глупость. Но как же я за это его люблю.

Мужчина, худощавый, сторбленный, с морщинистой кожей и тонкими губами, на несколько сантиметров опускает ружье.

— Какого черта вы сюда заявились?

— Я брат Мины Бишоп. Мы хотели поговорить об интервью, которое она брала у вас несколько месяцев назад.

Подозрение сползает с лица мужчины, и он совсем опускает ружье.

— Простите, — хрипит он, протирая лоб. — Здесь сразу не поймешь. — Он кивает на растения. — Детишки постоянно пытаются украсть мое лекарство.

— Мы не за вашей травкой пришли, — говорит Трев, вставая на колени рядом со мной. — Соф, — мягко просит он, и по его лицу я понимаю, в каком хреновом сейчас состоянии нахожусь. Он протягивает руку и ждет, пока я ее приму.

Мои ноги дрожат, когда я поднимаюсь и вытираю щеки рукавом.

— Я не хотел тебя пугать, девочка, — говорит мне Джек Деннингс.

— Ага, плохо вышло.

Он улыбается, словно я пошутила.

— Сожалею о твоей сестре, — кивает он Треву. Трев кивает в ответ, отводя назад все еще напряженные плечи. — Что вы хотели узнать?

— Все, о чем вы говорили с Миной, — отвечает Трев.

— О детстве Джеки. Я показывал Мине ее награды. — Джек печально улыбается. — Она была настоящим самородком. Получила спортивную стипендию. Первая из семьи поступила в колледж. — Его взгляд смягчается, он упирает ружье в землю. Она была моей первой внучкой... замечательная девочка.

— А вы кому-нибудь говорили, что Мина опрашивает близких людей Джеки?

— Нет. Я сейчас редко бываю в городе. Хотя, думаю, Мэтт Кларк был в курсе, потому что как раз у него Мина и узнала мой номер телефона.

— Вы в дружеских отношениях с Мэттом?

Джек сплевывает на землю.

— Не очень. Этот парень был недостойн моей девочки. И совсем испортился, когда отец ушел от них. Бросил заниматься спортом, начал драться, принимать наркотики. Не такого я хотел для нее, так и говорил, но она была себе на уме, моя Джеки.

— Вы допускали мысль, что это его рук дело — исчезновение Джеки? — интересуется Трев.

Джек сужает глаза и говорит:

— Вы с сестрой похожи.

— Она считала, что это Мэтт?

— Не знаю, и не спрашивайте.

— *Вы* думаете, что это Мэтт? — в лоб задаю вопрос.

— Давайте так, — начинает Джек. — Вам важно убедиться, а мне нет. Пусть Мэтт живет своей жизнью.

— И что случится, если вы вдруг будете *уверены* в этом? — не могу не спросить.

Джек Деннингс широко усмехается. В его улыбке виднеются просветы на месте выпавших коренных зубов.

— Когда настанет тот день, парнишка станет кормом для медведей в лесу даже прежде, чем его мать поймет, что он пропал.

Меня пробивает дрожь, потому что я вижу, что он не врет.

И отчасти я абсолютно его понимаю.

— Ясно, спасибо, — произносит Трев. — Мы пойдем.

— И не возвращайтесь, поняли? — указывает Джек. — Даже не думайте.

— Ваши растения в безопасности, сэр, — кривится Трев.

Не говоря больше ни слова, он скользит за руль, и я возвращаю ему ключи. Пока не выезжаем на шоссе, даже не получается глубоко дышать. Трев отключает радио и поглядывает на меня краем глаза, одной рукой держа руль, вторую высунув в окно.

Один километр. Второй.

Я тону в молчании.

За все сорок минут, что занимает дорога до моего дома, мы не произносим ни слова. И только когда он тормозит у обочины, я выхожу, и он следует за мной. Идет по подъездной дороге через задние ворота, мимо клумб, в домик на дереве, который он чинил бесчисленное множество раз.

Я забиваюсь в угол, он садится напротив меня. Тишина сбивает с ног не хуже бури. Я вспоминаю прошлый раз, когда мы были здесь вместе, и не сожалею ни о чем, хотя, наверное, должна.

Все те же полосатые занавески свисают с одного из окон. Их легко мотает послеполуденный ветерок, кружево уже пожелтевшее и облезлое.

— Помнишь нашу первую встречу? — спрашиваю я его.

Он ошарашено поднимает взгляд. Постукивает большими пальцами по коленям, медленно вытягивая ногу. Его штанина задевает мою голень.

— Помню, — наконец говорит он. — Мина несколько недель не замолкала и все рассказывала про тебя. Помню, как радовался, что она завела друга и наконец перестала плакать. Ты поначалу такая тихая была, словно противоположность Мине. — Он улыбается. — Но всегда присматривала за ней. Я знал, что могу на тебя положиться, что ты всегда поможешь ей. Оглядываясь назад, чувствую себя таким тупым, раз не понимал, что вы двое... — Он шумно выдыхает, не то смешок, не то стон. — Так странно думать, что у нас был схожий вкус на девушек. Поэтому она мне и не сказала? — Трев переплетает руки. — Из-за тебя?

Ответ нам обоим известен, но я не могу заставить себя произнести его. Вместо этого говорю:

— Я хотела признаться тебе. Но не могла, не выдав и ее тайну. Мы с ней связаны, Трев. Я не представляла, что можно любить кого-то еще, всегда существовала только она, и всегда были мы. Всегда были только «мы», и я не могла от этого отступить, не сломавшись. Не сломав ее.

— Она не хотела открываться, — произносит он. — И ты с этим смирилась, как всегда.

— Она боялась, — говорю я, словно должна оправдать ее.

Но понимаю, что не должна, не перед ним. Он тоже говорит правду. Мина вела, а я следовала за ней. Она пряталась, а я была ее убежищем. Она хранила тайны, а я их охраняла. Мина лгала, лгала и я. Временами мы были друг к другу совершенно безжалостны. В кои-то веки не это не идеализированное представление Мины, но такой она и была, со всей этой невыносимой, сжимающей сердце правдой.

— А ты? — резко спрашивает Трев. — Ты боялась?

— Меня никогда не пугала любовь к ней. Никогда не казалась неправильной. Я ее приняла. Но меня воспитывали иначе, не как вас, и она считала, что у меня есть выбор. Потому что мне нравятся не только девушки. Потому что у меня был... — оставляю предложение недосказанным.

Но он заканчивает его за меня:

— Потому что у тебя был я.

Я киваю, единственное, что мне сейчас по силам.

Но он прав — был он. Трев ждал меня все это время. Парни, расставания, ссоры, два с лишним года зависимости, которую я умудрялась скрывать, пока она меня не поглотила, он был рядом, ждал. Кому как не мне понимать, чего стоит такая любовь.

Потому что я и сама ждала.

Вот только не его.

Я обнимаю его за плечи, прижимаюсь лбом к виску.

Его ладони ложатся мне на затылок, мы соприкасаемся лбами, носами. Знаю, что он не станет целовать меня, знаю, что больше не станет делать первый шаг. Теперь все зависит от

меня и только от меня.

Знаю, что не могу поцеловать его, знаю, что придется возвести границу здесь и сейчас, потому что не смогу полюбить его так, как любила ее. А он заслуживает этого, заслуживает большего, чем я и жалкое подобие любви, которую я могу ему дать.

Так что лишь проглатываю слезы и стоящие в горле комом слова, которые не могу произнести, но так этого желаю.

Если бы не она, это был бы ты.

ДЕСЯТЬ МЕСЯЦЕВ НАЗАД (ШЕСТНАДЦАТЬ ЛЕТ)

Не могу перестать плакать, когда влетаю через задний вход дома Бишопов.

— Мина? Мина, ты здесь?

Когда она не отвечает, я без стука распахиваю двери ее спальни. Скрестив ноги, она сидит на своей кровати с балдахинном.

Она не спрашивает меня, что случилось

Она ждала меня

Мы молча смотрим друг на друга, и внезапно до меня доходит, почему она выглядит такой виноватой. Почему так и кажется, что она избегает смотреть мне в глаза.

Она *знает*.

Это она рассказала моим родителям, где найти таблетки. И рецептурные бланки, которые я стащила из папиного кабинета.

Меня затопляет чувством предательства. Хочу ударить ее. Схватить за волосы и тянуть, пока не выдерну. Наказать ее, как все это время она наказывала меня. Таково ее новое решение — отослать меня подальше, чтобы я перестала быть для нее искушением?

— Мне пришлось сказать им, Софи, — произносит она.

— Нет!

— Пришлось. — Она встает с кровати, когда я начинаю отступать от нее. — Ты не слушала меня. Перестала со мной разговаривать. Тебе нужна помощь.

— Поверить не могу, что это ты! — Во мне проносится ужас, я почти выхожу из ее комнаты.

— Мне пришлось! — Она подлетает ко мне и, затянув назад, хлопает дверью и запирает нас.

Координация совсем подводит меня, я, споткнувшись, врезаюсь в нее.

— Ты сказала мне, что слезла с тех таблеток, — шипит Мина уже без намека на чувство вины и извиняющий тон. Ее пальцы впиваются в мою руку, а я крепко сжимаю ее запястье, потому что уж в этом мы хороши — постоянно друг друга раним.

Прямо ей в лицо растягиваю слова:

— Я врала.

Она бледнеет и настолько резко отпускает меня, что я покачиваюсь.

— Как ты могла так поступать? — вопрошает она. — Красть у своего отца? Совсем на тебя не похоже. Ты могла умереть от передоза!

— Может, этого я и добивалась.

Из Мины вырывается невнятный, какой-то первобытный звук. И тут она толкает меня.

Напирая всем своим весом, толкает меня так, словно двинулась разумом. Никаких больше осторожных прикосновений, никаких протянутых на помощь рук. Они уступили желанию уронить меня, уничтожить, свести с ума.

Я падаю, но, схватив ее в последнюю секунду, тяну за собой на ковер. Хватаю ее за волосы. Ее ногти впиваются мне в плечи.

— Не смей так говорить. — Она задыхается. — Забери свои слова назад.

— Нет. — Я вздергиваю ее наверх, так, что теперь она полулежит на мне. От

нахлынувших чувств не могу дышать. Руками она давит мне на плечи, вжимая в пол. Спина горит, нога вывернута под ужасным углом, а ее глаза словно мечут молнии. Теперь-то она не избегает взгляда. Как и я, потому что никогда прежде не видела ее такой, это будто самое дерзкое из всего, что она вытворяла. Она наклоняется ниже, так близко, что чувствую ее дыхание кожей. Ее волосы задевают мне шею.

— Забери свои слова, — повторяет она.

Я облизываю губы и качаю головой. Мой последний вызов.

Мина сгибает руки, и расстояние между нами наконец исчезает.

Она целует меня, и даже в такой момент я с удивлением осознаю, что сдалась не я, а она.

— Забери, — шепчет она мне в губы, у меня срывает дыхание. Тело словно само рвется вверх, чтобы слиться с ее, ее ладони ныряют мне под рубашку, касаясь чувствительной кожи у пупка.

Я провожу пальцами по ее щекам, крепко целую, до стука зубов. Между нами никогда не было ничего ванильного и приторного; всегда было так, а со временем желание лишь обострилось. Нашей тайной войне приходит конец.

Я начинаю просить, но по-настоящему хочу произносить лишь ее имя, прижавшись к губам, ключицам, что я и делаю, бормочу его как молитву, как благодарность, как благословение.

Ее рука под рубашкой движется выше. Нырнув под лифчик, она сжимает мою грудь, и я выгибаюсь к ней.

Кажется, мы целуемся целую вечность, постепенно избавляясь от одежды, и наконец ее пальчики скользят мне в трусики, я стону в ее шею, наталкиваясь на руку, внутри поднимается волна возбуждения, когда порхающие пальцы вырисовывают круги, от чего я не могу ни вдохнуть, ни выдохнуть, я дрожу, напрягаюсь и взрываюсь в ответ на ее ласки.

Немногим позднее мы меняемся местами, и уже она подрагивает от моих прикосновений, теплые ладони касаются нежной кожи, грудь касается груди, но я опускаюсь ниже, ниже, и еще ниже, и меня охватывает восторг, когда с ее губ легким шепотом срывается мое имя.

Мне хочется запомнить все до единой детали, потому что это наш первый раз.

Позже я буду помнить все, потому что этот раз оказался единственным.

СЕЙЧАС (ИЮНЬ)

После ухода Трева ощущаю себя выжатым лимоном. Я прохожу к своему садику, но в итоге оказываюсь на траве между двумя клумбами и наблюдаю, как солнце садится и исчезает за рекой.

Почти засыпаю, как кто-то начинает барабанить в задние ворота. Распахиваю глаза и опираюсь на локти, когда слышу крик Рейчел:

— Софи, ты здесь?

— Да, иду. — Я медленно поднимаюсь на ноги, от долгого лежания на земле ноет спина.

С трудом открыв ворота, обнаруживаю Рейчел, она прижимает к груди пластиковый пакетик. Лоб и руки припорошены пылью, а на ноге царапина. Размахивая сумкой, она влетает во двор.

— Я нашла их! — заявляет она. — Это заняло уйму времени. Кайлу пришлось уехать на работу в два, но я решила остаться. Мина спрятала их в большой коробке с Барби, заваленной целой горой всякого барахла. Меня чуть не накрыло лавиной Рождественского дерьма.

— В коробке с Барби?

— Если точнее, то в автомобиле Барби, который лежал в небольшом сундучке. Хитрая Мина. Я чуть не пропустила его.

Руки трясутся, когда забираю у нее пластиковый мешочек. Внутри два белых листка обычной бумаги, свернутых так, что не удастся прочесть, что на них написано. Спрашиваю ее:

— Ты их читала? Дотрагивалась до них? Что с отпечатками пальцев?

— Все продумано. — Рейчел лезет в рюкзак и достаёт оттуда пару розовых резиновых перчаток с ромашками на манжетах. — Сомневаюсь, что найдутся хоть чьи-то отпечатки, кроме Мининых, но осторожность не помешает.

Мне не с первой попытки удастся натянуть перчатки на дрожащие руки.

— Треву показывала?

— Он еще не вернулся к моменту, как я их нашла. Так что привезла сразу тебе.

— Серьезно? Он привёз меня не меньше часа назад.

Рейчел пожимает плечами:

— Его не было. Может, приехал сразу после моего ухода.

— Может, — произношу я, открывая мешочек и вынимая первую записку, свернутую в несколько раз. Разворачиваю, пока не появляются чёрные слова предупреждения:

БУДЕШЬ И ДАЛЬШЕ ВЫНЮХИВАТЬ, ТЕБЯ ТОЖЕ НЕ НАЙДУТ

Снова и снова перечитываю слова и с силой сжимаю край листка — настолько, что он сминается.

Хочется порвать бумажку.

Хочется разорвать на части его самого.

Глубоко дышу, вдох, выдох, вдох, выдох, и только после достаю вторую записку. Разворачиваю и разглаживаю следом за первой:

ПОСЛЕДНЕЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ. ЕСЛИ НЕ ХОЧЕШЬ, ЧТОБЫ КТО-ТО ИЗ

ПОСТРАДАЛ, НЕ ЛЕЗЬ

Хмурюсь, когда ниже замечаю четыре адреса: квартира Трева в Чико, дом Бишопов в Сакраменто, Джирван Стрит, где живет Кайл, — и мой адрес, единственный, обведенный множество раз ярко-красным.

Сминаю лист, не могу разжать кулака. Пальцы потеют в резиновой тюрьме, сердце колотится как сумасшедшее. Смотрю через плечо. Папа на кухне моет посуду, вижу его макушку в небольшом окошке у раковины. В эту секунду не могу не подумать о том, что ему или маме придется в очередной раз открывать дверь полиции.

В последний раз.

Не хочу подвергать их этому испытанию. Они и так прошли адские мучения, которые свалились на меня. И даже больше.

Но это не важно. Нельзя придавать этому такое значение. Важно лишь найти убийцу Мины.

— Эй, может, расслабишься, не? — спрашивает Рейчел. Она посматривает на записку у меня в руке, пока я не ослабляю хватку. — Это доказательства! Короче, есть еще кое-что. — Рейчел машет на мешочек. Залезаю в него и достаю визитную карточку.

МАРГАРЕТ ЧЕЙЗ

ЖЕНСКАЯ КОНСУЛЬТАЦИЯ

(531) 555-3421

— Да ты прикалываешься, — вырывается из меня. — Ты звонила ей?

— Ждала тебя, — отвечает Рейчел. — Но знаешь, не надо быть гигантом мысли, чтобы понять, что к чему. Сама знаешь, зачем девушки ходят в женские консультации.

Набираю номер на своем телефоне. В голове вращаются шестеренки, пока идут гудки. Наконец, меня переключает на голосовую почту:

— *Вы позвонили Маргарет Чейз, координатору отдела усыновления Женской консультации. Сейчас я в отпуске и вернусь восьмого июля. Если вы оставите имя и свой номер телефона, я свяжусь с вами по возвращении. Спасибо, и хорошего дня.*

Я вешаю трубку, пялясь на телефон, потому что мои подозрения подтвердились на сто процентов

— Я права, да? — спрашивает Рейчел. — Джеки была беременна.

— Маргарет Чейз — координатор по усыновлениям. В интервью Мина спрашивала Мэтта об их с Джеки интимной жизни. И его оскорбил вопрос.

— Тааак... — Рейчел усаживается на бортик одной из клумб и жестом приглашает меня присоединиться к ней. Я сажусь на землю у второй клумбы, опираясь на оградку спиной. — Давай думать. Допустим, Джеки беременеет...

— И хочет отдать ребенка на усыновление, — продолжаю я, смотря на визитку Маргарет Чейз. — У нее впереди колледж. Она не хочет играть в футбол с ребенком за пазухой. И она говорит Мэтту — и что потом?

— Несколько вариантов, — говорит Рейчел. — Мэтт мог захотеть, чтобы она сделала аборт. Она отказалась, и он ее убил. Хотя это кажется слегка перебор, раз она планировала отдать ребенка. Но семнадцатилетний парень с проблемами с наркотиками не сильно желает, чтобы дети вообще были где-то рядом. И, вероятно, принимает не самые рациональные решения.

— А что, если она наоборот хотела оставить ребенка? — Перевожу взгляд на две записки в мешочке перед собой. Самые важные люди в жизни Мины, написанные черным по белому. Единственное, угрозы которому заставили ее так быстро отступить. — Семья важнее всего. Отец Мэтта бросил их с Адамом. Может, он разозлился от того, что его ребенка будут воспитывать чужие люди? Возможно, убийство Джеки не было запланированным. Это могла быть случайность. Они могли спорить из-за ребенка, и все вышло из-под контроля. Он толкнул ее, и она ударилась головой или еще что-то.

— Он раздражительный человек? Каким он был, когда вы разговаривали с ним? — интересуется Рейчел.

— Он выглядел... уставшим. Грустным. Сказал, что верит, что Джеки до сих пор жива. Рейчел выгибает бровь.

— Хотела бы я все это знать до того, как поговорила с ним. — Смотрю время на телефоне. Почти половина седьмого.

Вспоминаю, как утром Мэтт держал фишку шести месяцев, словно она дает ему силы жить. Дэвид дал мне расписание встреч Общества Анонимных Наркоманов, и я тогда с большой неохотой занесла их в календарь на телефоне. В среду они собираются в Методистской церкви — и уже скоро собрание закончится. Готова поспорить на что угодно, что прямо сейчас он там. Даже если он снова принимает, то может продолжать ходить просто чтобы не привлекать внимания.

— Эй, — окликаю Рейчел. — Не хочешь прокатиться кое-куда?

Собрание заканчивается, как раз когда мы паркуемся у церкви. Народ спускается по ступеням, толпится у основания лестницы, некоторые достают сигареты и курят, пока болтают.

— Оставайся поблизости, ладно? — прошу ее. Мне понадобится подмога, если что-то пойдет не так.

— Не уходи далеко, чтобы я тебя видела, — возражает Рейчел.

— Договорились. Скоро вернусь.

— И помни: *тактичность!* — кричит она мне вслед.

С Мэттом заговаривает высокий мужчина, стоящий ко мне спиной. Уже подойдя ближе, я понимаю, что это его дядя. Вспоминаю, как Адам говорил, что семья хочет быть уверенной, что Мэтт посещает встречи. Даже представить не могу, чтобы мои родители в такой момент сидели рядом со мной и слушали.

Тренер улыбается мне:

— Софи. Твой папа счастлив, что ты вернулась. Как чувствуешь себя?

— Здравствуйте, тренер, Мэтт. — Я смотрю на церковь. — Неплохо. Но сейчас чувствую себя как-то глупо — наверное, перепутала время. Почему-то мне казалось, что встреча назначена на семь.

— Нет, начало в шесть, — говорит Мэтт.

У тренера звонит телефон.

— Надо ответить, — говорит он, сжимая плечо Мэтта. — Ты сегодня молодец. Софи, рад был повидаться. Передавай папе, что я вернусь к игре в четверг.

— Обязательно, — отвечаю я, когда он удаляется к парковке.

Мэтт улыбается мне:

— Жаль, что ты пропустила встречу. Но завтра будет другая в Элкс Лодже.

Будь я Миной, я бы в ответ улыбнулась и накрутила локон волос. Задавала бы всякие

безобидные вопросы, чтобы он расслабился, попался мне в сети.

Но я слишком нетерпелива, и мне хочется поскорее это все закончить.

— На самом деле я не на встречу пришла. Я хочу узнать, от тебя ли была беременна Джеки?

Улыбка исчезает с лица Мэтта, он бледнеет.

— Какого хрена ты несешь?

— Слушай, я могу быть милой, как с утра, и ходить вокруг да около, но ты мет-зависимый. Ложь — вторая натура. Так что... Ты и Джеки? Она забеременела от тебя?

Я в упор пялюсь ему в лицо, пытаюсь высмотреть там ответ, потому что точно знаю, что слов от него я не дождусь. Но вижу лишь вспышку ярости. Он оглядывается через плечо на дядю, стоящего в радиусе слышимости.

— Не лезь в это. — Он подступает ко мне, и тут от парковки раздается гудок автомобиля — Рейчел дает знать, что приглядывает за мной.

— Детектив Джеймс был прав? — не отводя от него глаз, спрашиваю я. Он не встречает моего взгляда, только пожимает плечами под мешковатым поло. — Это ты сделал? Ты ее похитил? Убил ее? Все из-за ребенка?

— Ты перешла все границы, — произносит он. — Убирайся.

— Иначе что? Снова ударишь меня куском арматуры? Или на этот раз попытаешься прикончить?

Он торопливо отлетает от меня, внезапно пропадает весь его задор.

— Ты чокнутая сука. Оставь меня, твою мать, в покое.

Он уходит к тренеру Робу, а я просто смотрю на этот побег, на его плечи, пытаюсь узнать хоть *что-то* с той ночи — что-то, что угодно, в его походке или голосе. Тяжело дыша, подбегает Рейчел:

— Ты в порядке? Что произошло?

Продолжаю наблюдать за Мэттом, пока он не скрывается за углом.

— С тактичностью вышел косяк.

ГОД НАЗАД (ШЕСТНАДЦАТЬ ЛЕТ)

— Ты чего так долго? — допытывается Мина, когда я выхожу из своей машины. Она сидит в открытом кузове фургона Трева, разложив плед так, чтобы не задевать облупившуюся краску. Шлепает свисающими ногами по задней дверце. Перед нами на многие километры вперед простирается озеро, сплошное озеро и ничего, кроме отражающихся в нем неба и гор. Солнце начинает угасать, и до начала фейерверка остается около получаса.

Со своего заднего сиденья достаю пакет.

— Пробки в честь Дня Независимости, — усмехаюсь я. — Трев здесь?

— Нет, я взяла у него фургон, — говорит Мина. — Что у тебя там? — Она пытается схватить пакет, но я отступаю ровно настолько, что она не дотягивается. Она надувает клубнично-розовые губки. — Вредина.

Я просто улыбаюсь и, оставив пакет подальше от нее, забираюсь и устраиваюсь рядышком с ней.

Мина ложится на спину, и я следую ее примеру. Мы передаем друг другу бутылку вина, фруктовая сладость опалает горло, а Мина пальцами провожает плывущие облака, кольца мерцают в лучах заходящего солнца. Она описывает мне их формы, и с каждым разом эти образы все более фантастичны.

— Соф, ты думаешь о том, что будет, когда мы уедем? — спрашивает она.

Я наклоняю голову направо, чтобы взглянуть на нее. Наши волосы, светлые и темные, спугались на пледе, а она избегает моего взгляда.

— Ты про колледж?

Мина кивает, все так же смотря на темнеющее небо. Начинают стрекотать сверчки, эти звуки эхом отражаются от воды, смешиваясь с кваканьем лягушек и негромким смехом отдыхающих в домике на другом берегу озера.

— Это будет странно, да? Не видеть друг друга? — Когда я не отвечаю, она перекачивается на бок, чтобы посмотреть на меня, теперь между нашими лицами всего несколько сантиметров. — Разве нет?

— Не люблю об этом думать.

Мина прикусывает губу; я так близко, что ощущаю клубничный запах ее блеска.

— Иногда я только об этом и думаю, — произносит она настолько тихо, что я едва ее слышу. Она вздыхает и заправляет мне за ухо прядь волос. На мгновение ее пальчики задерживаются на моей коже и опускаются ниже, под подбородок, туда, где бьется пульс.

В воздухе раздается взрыв фейерверков, рассеивая чары. Искры освещают ночное небо великолепным каскадом красного, белого и синего. Отражение салюта растягивается по воде, пока не создается ощущение, будто мы в коконе света.

— Начинается! — Мина выпрямляется и выпрыгивает из грузовика, хлопая в ладоши как ребенок, а я улыбаюсь. Она смотрит на огни, столь же зачарованная ими, как я — ею самой.

Когда затихает последний залп, ночь наполняется пеплом и запахом дыма. Мина стоит, взглядом прикованная к небу, словно ожидает продолжения, но только для нее одной.

Пока все ее внимание на небе, я наклоняюсь назад и достаю припрятанный пакет. Когда она оборачивается, я сижу на краю задней двери, держа в руках зажженный бенгальский огонь.

Она широко улыбается, я тоже.

Но вместо того чтобы забрать его, она обхватывает мои ладони, и мы замираем. Я сижу на двери, она стоит передо мной, а между нами сверкает шипящий огонек. На ее лице пляшут тени, подергивается свет, и я никогда не ощущала себя увереннее, а она никогда не выглядела красивее.

Еще долго после того, как гаснет бенгальский огонек, Мина держит мои осыпанные пеплом руки в своих.

— Даже не представляю, как проживу без тебя, — шепчет она.

Я подцепляю ее палец, от этого движения наши кольца отдаются звоном, в воздухе повисает невысказанное обещание «навсегда»... когда-нибудь.

СЕЙЧАС (ИЮНЬ)

Первым делом, зайдя домой, я перечитываю записи Мины в поисках любого упоминания о беременности Джеки. Но либо она не успела записать, либо не до конца выяснила, потому что ни в хронологии, ни где-то ещё в её записях нет ни единого намека, что она подозревала о таком повороте событий.

Перерыв все файлы, закрываю ноутбук. Я уже почти уверена, что именно незапланированная беременность стала причиной исчезновения Джеки. Поскорее бы уже июль, когда Маргарет Чейз возвращается из отпуска. Стараюсь не слишком сильно надеяться, что она подтвердит мои теории — все же тайна усыновления и все такое, — но возможно, если мне удастся поговорить с ней лично, по её реакции мне станет понятно. Просто чтобы знать наверняка.

Мама стучится мне в дверь, прежде чем зайти:

— Софи?

От удивления я дергаюсь, и ноутбук слетает с моих коленей на пол.

— Да?

— Решила проведать тебя. Ужин готов, если захочешь.

— Спасибо, но я уже поужинала.

— С Тревом? — интересуется она.

— Нет, мы с Рейчел ходили в бургерную.

— Папа сказал, что Трев заезжал сегодня.

— Он подбросил меня домой после встречи, — говорю я, и после моих слов мама поджимает губы.

— Понятно. Спокойной ночи тогда.

— Спокойной.

За ней закрывается дверь, а я снова открываю ноут. Между крышкой и клавиатурой зажат пластиковый пакет с записками.

Я словно хожу по краю и никак не ухвачусь за ту ниточку, что приведет меня к клубку. Это ощущение свербит на подкорке мозга, заставляет идти, двигаться дальше, вперед, несмотря ни на что.

Она тоже это чувствовала? Дразнящую недосыгаемость ответов, от которой стала зависимой и безрассудной?

Я почти могу ее понять. Это как другая возможность достичь кайфа.

Я кладу руку на записки, надежно скрытые под пластиком. Как поступит детектив Джеймс, если я принесу ему их сейчас? Решит, что я сама их написала? Рассмеется мне прямо в лицо?

Завтра, решаю я, спрошу у Трева, что делать дальше. После того, как мы поговорим с Эми Деннингс. Возможно, этих двух записок вкупе с записями Мины окажется достаточно для возобновления расследования. Детективу Джеймсу придется выслушать Трева. Он примет во внимание новые улики, даже если они противоречат его нарко-теории. И он работал над делом Джеки — значит, сможет найти связь, которую не могли увидеть мы сами.

Закрываю ноут и аккуратно убираю его в ящик стола, прежде чем потушить свет.

Засыпаю, но во всех своих снах я пытаюсь догнать Мину, она смеется, и мне никак не удается ее поймать.

На следующий вечер я подъезжаю к футбольному полю без четверти шесть и, усевшись на капот, жду Трева. Он появляется пятью минутами позже, и мы вместе пересекаем зеленый газон, летнее солнце опалает нам плечи. Девушки до сих пор на поле, за ними в сторонке наблюдают родители, пока тренер устраивает разбор полетов.

— Ты знаешь, как она выглядит? — спрашивает Трев. — Полагаю, она брюнетка.

Прикрываю глаза от солнца, ведя взглядом по морю темноволосых голов. До окончания тренировки мы остаемся в стороне. Мимо нас за своей сумкой трусцой пробегает девчушка со стрижкой пикси, и я, улыбнувшись, спрашиваю у нее:

— Привет, я ищу Эми. Она здесь?

— Да, вон они с Кейси. — Девчонка машет рукой на двух девушек. Темноволосая смеется, а другая, рыженькая с короткой стрижкой, плещет на нее водой из бутылки. Эми вскрикивает и отскакивает назад.

— Благодарю.

— Эй, ты же дочь тренера Билла, да? — интересуется девочка. — Ты раньше играла.

— Раньше, да.

— Твой папа классный. С ним куда проще, чем с тренером Робом.

Не сдержав улыбки, говорю ей:

— Передам ему твои слова. Спасибо еще раз.

К тому времени, как мы с Тревом пересекаем лужайку, рыжая уже ушла, оставив Эми в одиночестве убирать снаряжение в сумку.

Я окликаю ее:

— Эми?

Она разворачивается, ее длинный конский хвост перелетает через плечо. Они с Джеки похожи: вздернутый носик, немного наивные голубые глаза.

— Да?

— Меня зовут Софи. Это Трев. Можно с тобой поговорить?

— О чем это? — Она косится на Трева, немного задерживая на нем взгляд. — Мы знакомы?

— Я дружил с твоей сестрой, — говорит Трев. — Наверное, мы встречались с тобой пару раз, когда ты была младше.

— О. — Она скрещивает руки на груди, оглядывая нас с головы до ног. — Вы пришли из-за Джеки? Только я совсем не хочу о ней говорить. Особенно с незнакомцами.

— Ты разговаривала о ней с моей сестрой, — говорит Трев. — Мина Бишоп?

Она распахивает глаза.

— Ты брат Мины?

Он кивает.

— Я сожалею о том, что с ней случилось, — произносит она.

— Спасибо, — отвечает Трев, и звучит это как-то механически. Интересно, сколько уже раз он слышал это от чужих людей? Соболезнования и неловкие молчания, должно быть, стали теперь его действительностью. Задумываюсь, неужели он так же отчаянно хочет покинуть этот город, как и я, хоть я и понимаю, что он никогда не бросит свою маму. Точно не в такое время.

— Но чего бы это ни касалось... — Она оглядывается через плечо. — Моя мама уже пришла. Мне реально нужно идти.

— Мина брала у тебя интервью, так? — спрашиваю я. — Об исчезновении твоей сестры? Она готовила статью об этом.

— Нет, — заявляет Эми, но врать она не явно не умеет. У нее алеют щеки даже прежде, чем она открывает рот.

— Эми, у меня есть записи Мины. Хотя она и не записала все интервью, но записала первую минуту. Мне известно, что вы общались.

Эми выпячивает подбородок, принимая упрямый вид.

— Мы не общались. Я поняла, что это было ошибкой, так что уехала сразу после того, как попросила ее выключить диктофон. — Она снова смотрит назад, на уезжающие с парковки машины, когда ее сокомандницы собираются и присоединяются к своим родителям. — Мне пора, — повторяет она.

— Прости, что побеспокоили тебя, — говорит Трев и мягко улыбается ей, своей успокаивающей, дающей безопасность улыбкой — и, как любая девушка в этом мире, она отвечает на нее.

— Ничего страшного. Но я пойду.

— Конечно, — произносит Трев. — Только ответь, пожалуйста, на один вопрос, и мы больше не будем тебя доставать. Ты кому-нибудь говорила, что Мина проводит интервью?

— Нет. Никому не говорила. Это так важно? Это же просто глупая статейка в газете.

— Просто хотим кое-что понять, ничего более, — говорит Трев.

— Что ж, ничем не могу вам помочь. — Эми закидывает сумку на плечо. — Пока. — И широкими шагами отдаляется от нас.

Она что-то скрывает.

— Дай мне минутку, — прошу Трева. А затем пускаюсь за ней. — Эми! — кричу я. — Подожди.

— Серьезно, это уже преследование какое-то, — заявляет она, разворачиваясь. — Чего тебе еще?

— Джеки была беременна?

Я стою прямо перед ней, но с тем же успехом могла бы находиться и в километре и все равно понять правду. Она втягивает воздух, быстро и резко, от чего вздымается ее грудь.

— Не знаю, о чем ты говоришь, — произносит она, как только ей удастся замедлить дыхание.

— Чувшь собачья. Она была беременна, да? И ты об этом знала.

Эми оглядывается, словно боится, что группка девчонок в тридцати шагах от нас может подслушать. Затем хватает меня за руку, сжимая крепко, до синяков.

— Заткнись.

— Ты с самого начала знала? — вырываясь из ее хватки, интересуюсь я. — И скрывала от полиции? Почему?

Щеки Эми опять краснеют. Румянец спускается к шее, охватывает уши.

— Серьезно, заткнись. Хочешь, чтобы кто-то услышал?

Но я безжалостна. Так уж приходится.

— Как ты узнала, что она беременна? Сама Джеки рассказала?

— Я сейчас начну кричать, — угрожает Эми. — Мама ждет меня. — Она показывает на небольшую толпу родителей, разговаривающих с тренером и парочкой спортсменов у выхода

на парковку.

— Да перестань. Если подойдет твоя мама, она услышит мои слова, а тебе этого явно не хочется. Потому что я более чем уверена, что она даже не в курсе, я права? Так что просто ответь: откуда ты узнала, что твоя сестра была беременна?

— Господи, а я-то считала, что это Мина доставучая, — выпаливает Эми. Она ступает ко мне ближе и понижает голос. — Да что с вами такое? Почему вы просто не можете оставить нас в покое? Думаешь, мне это все так приятно? Мне было одиннадцать, когда пропала Джеки. Я едва знала, что вообще такое тест на беременность и как он выглядит. Когда нашла его, не думала, что это что-то важное. А когда поняла, что это значило, Джеки считалась пропавшей уже два года. Родители... не нужно им волноваться о внуке, поняла? Им и так хватает вопросов, на которые некому дать ответы.

— А Мине ты говорила о беременности Джеки?

— Почему это вообще... — Эми замолкает. Ее губы сжимаются, она распрямляет плечи, в ней появляется решимость. — Слушай, Мина располагала к себе. Я долго избегала разговора с ней и очень грубо себя вела, а она оставалась все такой же любезной. И взяла меня на измор. — Носком обуви Эми ковыряется в траве и избегает смотреть на меня. — Она пообещала, что никому не скажет. И не будет никуда записывать.

— Мина сохранила вашу тайну. В этом она была хороша.

— А ты сохранишь ее? — спрашивает она, ее голос дрожит на грани потери контроля.

Не хочу ей лгать, поэтому отвечаю:

— Нет.

Она глядит на меня и требует:

— Почему?

— Потому что тот, кто похитил Джеки, убил Мину. Не писала она никакую статью, Эми. Она пыталась найти этого человека — пыталась раскрыть дело — и умерла из-за него. На моих глазах. Поэтому я не могу молчать, понимаешь? Потому что... это не мелочь. Это уже *мотив*.

От удивления Эми раскрывает рот. Она отшатывается от меня, ее ботсы вгрызаются в землю.

— То есть... ты думаешь... Мэтт. Ты думаешь, что Мэтт похитил ее. Что он убил ее из-за ребенка?

— Пока не уверена. Но это возможно.

— И ты что, собираешься поймать его? Интересно, каким образом? Если все, что ты говоришь, правда, полиции не накопать на него достаточно улик, чтобы арестовать за похищение моей сестры. Он уже застрелил человека прямо перед тобой, и опять же полиция не поймала его. Что такого можешь ты, чего не могут они?

— Как минимум я на верном пути, — отвечаю я. — Детектив Джеймс просрал расследование убийства Мины. Он же отвечал и за дело Джеки. Кто знает, что тогда он проглядел? Никто не ищет в нужных местах. Я могу хотя бы попытаться.

— Если это Мэтт... — Она замолкает, словно не может даже произнести этих слов. Словно уже и не надеялась получить ответы. — Если это Мэтт, — начинает она снова, уже увереннее, — думаешь, он скажет нам? Думаешь, они заставят его расколоться, куда он ее дел? Чтобы мы могли похоронить ее? — На последнем вопросе ее голос надламывается, и я понимаю, что в отличие от Мэтта она не питает никакой надежды.

— Буду стараться изо всех сил, — говорю ей, потому что в тот день на сеансе я не

обманывала Дэвида. Мне хочется быть в состоянии сдерживать свои обещания.

Со стороны стоянки раздается затяжной гудок, и Эми, дернувшись, оглядывается. Группа родителей посмеивается, а из внедорожника выбирается светловолосая женщина и машет Эми рукой.

— Это моя мама, — говорит она. — Я пойду. — Она закидывает на плечо сумку. — Ты же не сумасшедшая наркоманка? — интересуется она. — Потому что даже первогодки слышали истории о тебе.

Я слегка стыдливо усмехаюсь.

— Я наркоманка. На восстановлении. Но я не поехавшая. Только не в этом вопросе. Клянусь.

— Хорошо. Просто... будь осторожна.

— Спасибо. Что поделилась правдой.

— Не вынуждай меня пожалеть об этом, — говорит она и убегает через поле до того, как я успеваю ответить. Смотрю на нее, пока ко мне не подходит Трев.

— И что это было? — интересуется он.

— Джеки была беременна. А Эми только что это подтвердила.

— Правда? Джеки? — Трев выглядит шокированным. — Значит, Мэтт...

— Ага, — подтверждаю я. Трев хмурится и остается на месте, когда я начинаю двигаться к стоянке. Останавливаюсь и разворачиваюсь к нему: — Что?

— Как ты это выяснила?

Я откапываю в своей сумке пластиковый мешочек с угрожающими записками и протягиваю ему.

— Только не доставай их. Рейчел нашла их в твоём гараже. И с ними лежала визитка координатора отдела усыновления Женской консультации.

Трев безмолвен на обратном пути к стоянке, лишь сжимает записки в руках. Задумываюсь, злится ли он на меня, что не позвонила ему сразу же, как получила их от Рейчел, но не успеваю спросить.

Фургон Трева припаркован перед моим, так что его мы достигаем первым. Под дворник заткнута какая-то бумажка, но я замечаю, что стекла остальных автомобилей пусты.

— Что это? — тянусь к листку, но замираю.

Это не реклама или купон, как я ожидала.

Это распечатанная на обычной бумаге фотография, и под ней что-то написано.

— Трев. — Я пялюсь на картинку. На слова.

НЕ ВМЕШИВАЙСЯ ИЛИ С НЕЙ СЛУЧИТСЯ ТО ЖЕ САМОЕ

Фото ужасного качества и снято издалека, картинка зернистая. На ней мы с Тревом стоим у фургона, прямо как сейчас. Я прикрываю глаза от солнца, Трев опирается на дверную ручку. На мне черная футболка, в которой я была вчера, а в углу виднеется край дома, где живет Мэтт.

— Твою мать, — ругается Трев. Он осматривается вокруг, будто ожидает, что тот, кто это оставил, наблюдает за нами. Стоянка пуста, за исключением нескольких девчонок, загружающих спортивный инвентарь в машину тренера.

— Он следит за нами. — Сжимаю кулаки так крепко, что ногти впиваются в ладони. — Это... хорошо. Это доказательство. — Трев хватается за листок. Я останавливаю его. — Нет, не трогай его. Нам нужна салфетка или что-то такое.

Я ищу в салоне машины, пока не откапываю тряпку, и аккуратно беру записку за уголок

тщательно укутанными пальцами.

— Готово. — Смотрю на него с улыбкой во все тридцать два. — А сейчас нам остается только...

Трев качает головой.

— Что такое?

— Пора позвонить в полицию, Софи, — говорит он. — Сейчас же.

Медленно выдыхаю:

— Хорошо. Ты прав.

— Почему ты вчера не сообщила мне об этих записках? — требует он.

— Потому что знала, что ты захочет пойти к копам, а я хотела сперва поговорить с Эми.

— Ты могла пострадать. Он следит за нами! Почему ты так спокойна?

— Мне нужно было убедиться насчет беременности Джеки. И вообще, ты все время находился рядом. Я знала, что ты не допустишь, чтобы со мной что-то произошло.

Он нерадостно смеется, и у меня в животе все завязывается в узел.

— Ты всерьез в это веришь?

— Да. — Это одна из двух глобальных истин моей жизни. То, в чем я всегда была уверена, начиная с той ночи в больнице, когда он молил меня о прощении.

— Я последний человек, о котором ты должна так думать.

— Я знаю тебя. Дважды одну и ту же ошибку ты не совершишь.

— Господи, Софи, — шипит он, будто я сказала нечто ужасное. — Мы идем в полицию.

— Нет.

— Софи, Богом клянусь...

— Я не отказываюсь от обращения в полицию. Просто ты пойдешь туда один. Увидев меня, детектив Джеймс откажется что-либо слушать.

Я тщательно все обдумала. Но до меня не сразу дошло, что Треву придется делать это в одиночку.

— Ты член ее семьи. Тебя он будет обязан выслушать. Расскажешь, как нашел эти угрозы и флешку в спальне Мины, начал разведывать, а вчера получил эту фотку. Тебе он поверит — если я буду рядом, то все испорчу. Он мне не доверяет. Ты должен быть один.

Трев сжимает зубы:

— Ладно. Я поеду один. А ты сидишь дома и ждешь моего звонка.

— Не могу. Уже пообещала Рейчел сходить с ней на вечеринку.

— Вечеринку? Seriously?

— Кайл пригласил Рейчел, но она не хочет идти без меня. Если быстро расправишься с детективом Джеймсом, успеешь подъехать к озеру. Обсудим все, что скажут копы. Если захочешь, сможешь даже посоревноваться с Кайлом в пив-понге.

Он выдавливает крошечную улыбку.

— Хорошо. — Из кармана он достает ключи и подходит к водительскому месту. — Только без пив-понга.

— Спасибо тебе.

— Поблагодаришь, когда все закончится, — мрачно смотрит он на меня.

И всю дорогу до моего дома он едет в нескольких машинах позади.

ЧЕТЫРЕ МЕСЯЦА НАЗАД (СЕМНАДЦАТЬ ЛЕТ)

— Это так срочно? — спрашиваю я, подключая iPod к разьему в машине. — Мы же опоздаем.

— Знаю, знаю, я безнадежна, — говорит Мина, сворачивая с Трассы 99. — Мы ненадолго. Полчаса. И потом сразу к Эмбер.

Всю неделю стояла непогода, но сейчас небо чистое, и вдали от городских огней звезды сияют намного ярче. Я подумываю о том, чтобы опустить окно и высунуться головой наружу, но там слишком уж холодно.

— Так и не поделишься, что вообще происходит? — Я нахожу плейлист под названием «Софи» и листаю песни.

— Пока нет. — Мина дрожит от предвкушения.

— Опять ты со своими странными теориями. — Я закатываю глаза и усмехаюсь.

Мина показывает мне язык.

— Они не странные. Но это произведет фурор. Просто я боюсь сглазить.

— Ты чокнутая.

— Ага, только из нас двоих мозгоправ на быстром наборе не у меня.

В машине воцаряется молчание. Она открывает и закрывает рот.

— Слишком рано? — спрашивает она.

— Нет.

Поглядывает на меня.

— Да, рановато, — признаю в конце концов.

— Я сучка. Прости меня.

— Нет, все нормально. Это же правда. Чего уж тут обижаться?

— Как цинично.

Две недели назад я вернулась из Портленда. После почти шести месяцев жизни у Мейси, где выкарабкивалась из лап зависимости, я наконец уверилась, что могу вернуться домой.

Но найти опору оказалось намного сложнее. Полгода назад я бы с радостью спалила любые мосты за горстку таблеток, но теперь приходится столкнуться с реальностью урона, что я причинила — себе, Мине, Треву, родителям.

Я и Мина, мы изменились. Во всех разговорах теперь ощущается какое-то скрытое напряжение. Я чувствую, как она наблюдает за мной, но всякий раз, когда я на нее смотрю, она притворяется, будто ничего не было.

Мне хочется, чтобы она что-нибудь сказала. Что угодно, лишь бы остановить это мучительное давление и вытащить нас обратно на поверхность.

У Миной звонит телефон. Она проверяет его, вздыхает и убирает обратно в сумку. Это уже третий раз за последние двадцать минут.

Я скидываю бровь.

— Не хочу об этом говорить, — произносит она.

— Ладно.

Какое-то время мы молчим. Песни в плейлисте сменяют одна другую, Мина барабанит

им в такт по рулевому колесу, огни фар прорезают темноту впереди.

— Соф, помнишь, мы поссорились на прошлой неделе, когда обедали с Тревом и Кайлом? — Голос Мины ровный, она не отрывает глаз от дороги, но ее щеки равномерно покрываются румянцем.

— Да, — произношу я, и такое ощущение, что я хожу по яичной скорлупе и горячим углям одновременно. Неужели она всерьез?

Мина накручивает прядь темных волос на палец, все так же не глядя на меня, хотя я пялюсь на нее с такой силой, что она явно должна это почувствовать.

— Помнишь, что ты тогда сказала? О выборе?

— Помню, — осторожно говорю я. Боюсь произнести что-то еще.

— Нам надо об этом поговорить.

— Сейчас?

Она качает головой:

— Не сейчас. Но попозже. Хорошо?

— Хорошо.

— Обещаешь? — Она отворачивается от дороги, и я вздрагиваю, увидев редкий проблеск уязвимости на ее лице.

— Обещаю.

Она должна заметить весь тот смысл, что я вложила я в это слово.

Это первое (последнее, единственное) обещание, данное ей, которое я не сдержала.

СЕЙЧАС (ИЮНЬ)

- Почерк совпадает с записками, которые я нашла в гараже? — задает вопрос Рейчел, пока мы едем к озеру на моей машине, Кайл сидит на заднем сиденье.
- Да. Посмотри в телефоне, я сфоткала. И заодно проверь, не написал ли Трев.
- Ничего, — говорит Рейчел, открывая галерею и мельком глядя на фото записки. — Он вас сфотографировал?
- Это жутко, — вставляет Кайл, беря у нее телефон, чтобы тоже посмотреть. — Он за вами следит. Ты уверена, что никого не видела?
- Родители забирали детей с тренировки. Я не слишком обращала внимание на то, что происходило на парковке. Он запросто мог подобраться к машине Трева, засунуть записку и свалить, пока мы разговаривали с Эми.
- Может, остались отпечатки пальцев, — предполагает Кайл.
- Полиция проверит все записки, но сомневаюсь, что они что-то найдут. Если даже на месте преступления не нашли отпечатков.
- Так что, мы считаем, что это Мэтт, да? — спрашивает Рейчел. — Если Джеки не спала с кем-то еще, то он отец ребенка. И из-за ребенка она и пропала.
- Это логично, — соглашаюсь я. — И тогда после собрания он разозлился, когда я подняла тему беременности.
- Со стороны казалось, что он тебя ударит, — говорит Рейчел.
- Ну, не ударил же, — говорю я.
- Господи, — выдыхает Кайл.
- Что такое? — спрашивает Рейчел.
- Кайл только качает головой.
- Мы сто лет знакомы. Столько же, сколько с Адамом. Он покупал нам первое пиво, когда нам было лет по четырнадцать. Это просто... трэшово как-то, что приходится подозревать знакомых тебе людей.
- Мы с Рейчел переглядываемся.
- Это еще неточно, — говорит она.
- Ага. — Кайл совсем не выглядит убежденным.
- Так, давайте о чем-то более радостном поговорим, — настаивает Рейчел.
- Ну, скорее всего, это моя последняя ночь на свободе, — произношу я. — Как только полицейские сообщат родителям об угрозах, они выбесятся и запрут меня дома.
- Не слишком радостная тема. Но ты и так едва ли мисс Счастье, так что плюсики тебе за попытку.
- Я бы предложил сделать что-то совсем дикое, но чтобы это не противоречило правилам реабилитации, — молвит Кайл.
- Можно пойти искупаться голышом! — заявляет Рейчел, и хотя я уверена, что она частично шутит, Кайл приободряется от такой идеи.
- Теперь я уже всю улыбаюсь, потому что он не может оторвать глаз от Рейчел.
- Конечно. Запросто, — говорю я. — Кайл, ты не пойдешь. Не хочу увидеть твой инструмент.

— Типа я твои хочу, да, — парирует Кайл, а Рейчел хихикает.

Пока мы заезжаем на парковку, смотрю на телефон, лежащий на коленях. От Трева ничего.

Почему он так долго? Уже часа три прошло.

При виде количества собравшихся на пляже мне становится не по себе. Костер уже потрескивает, кулеры установлены, музыка разрывает воздух. Я выключаю двигатель и выхожу из машины. Видимо, мое нежелание идти слишком очевидно, потому что Рейчел подталкивает меня локтем и говорит:

— Можем и не спускаться туда.

Я качаю головой и выдавливаю:

— Нет, пошли.

Мне нужно понять, как выбраться из этого положения хоть в какой-то степени нормальной. Иначе я просто сорвусь. Рухну так быстро и с такой силой, что не сумею снова подняться.

Десять месяцев. Пять дней.

Закидываю телефон в сумку и спускаюсь к пляжу за Рейчел и Кайлом.

Некоторые ребята замолкают, когда мы пробираемся мимо них сквозь толпу знакомых лиц. Кайл приветствует парней и улыбается девчонкам, представляя Рейчел, а я плетусь позади, опустив взгляд. Меня душит застенчивость, которой я никогда особо не страдала.

— Пойду возьму нам попить, — говорю я Рейчел, заметив дальше по пляжу кулер, у которого меньше всего народу.

Она кивает и отмахивается с понимающим видом, хотя я ощущаю, как она следит за мной, уверяясь, что я в порядке. На секунду я оглядываюсь через плечо и в свете костра вижу ее улыбку, адресованную Кайлу. Он уже стянул футболку и засунул ее в задний карман брюк.

— Смотри, куда идешь, — раздается резкий голос.

Я спотыкаюсь, напоровшись на кого-то, и пытаюсь устоять на песке.

Эмбер даже не тянется, чтобы помочь мне. Стоит недвижно, сложив руки, пока я пытаюсь восстановить восстанавливаю равновесие. Я наконец выпрямляюсь, а от нее так и веет неодобрением.

— Привет, Эмбер.

— Софи, — произносит она, очень впечатляюще — своим голосом она могла бы замораживать лед. — Поверить не могу, что ты посчитала нормальным заявиться сюда.

Внезапно на меня наваливается смертельная усталость. Мне не хочется ругаться. Не здесь. Да и вообще никогда.

— Давай просто избегать друг друга. — Пытаюсь обойти ее.

— Знаешь, я никогда не понимала, что она в тебе нашла. Ты загубила себя. И утащила ее следом.

Я останавливаюсь. Мы уже начинаем привлекать внимание, а чужие взгляды вызывают мурашки.

— Давай не будем об этом. Я не хочу ссориться.

— Не указывай мне, что делать, — огрызается Эмбер. — Я не обязана тебя выслушивать. Нечего тебе здесь делать. Ты должна сидеть в тюрьме.

— Эй! — К нам подходит напряженная Рейчел. — Отцепись от нее.

Эмбер кривит рот при виде необычной юбки-пузыря, надетой на Рейчел, и ожерелья, которое она смастерила из букв Скрэббла.

— Чудачка, — бормочет она.

Рейчел вспыхивает, она оглядывает Эмбер с головы до ног, отмечая псевдонебрежно уложенные волосы и яркий макияж.

— Сочту это за комплимент, — говорит она.

Позади Рейчел появляется Кайл, нависая сверху, подобно личному телохранителю. Прищурившись, складывает руки на груди.

— Софи и Рейчел со мной. И прекрати нести чушь о том, чего не знаешь, Эмбер. Оставь нас в покое.

Эмбер распахивает глаза от того, что меня защищает Кайл, это немного сбивает с нее спесь.

— Да без разницы. Хочешь топтаться по могиле Мины с человеком, ответственным за это, Кайл, так вперед. — Окинув очередным преисполненным отвращения взглядом, она перекидывает волосы через плечо и удаляется.

Я протяжно выдыхаю.

— Спасибо вам.

Опустив взгляд к песку, Кайл проводит рукой по волосам.

— Она повела себя как идиотка.

— Просто игнорируйте ее и все, — говорит Рейчел. — И пошлите уже возьмем что-нибудь выпить.

— Мне нужно проверить телефон. Я оставила его в машине. — Конечно, это ложь, но сейчас мне хочется побыть одной.

— Я с тобой, — предлагает Рейчел, но я отмахиваюсь.

— Все нормально. Наверное, Трев уже отписался. Просто хочу проверить. Скоро вернусь. — Несколько минут наедине с самой собой. Здесь слишком много знакомых лиц.

И прежде чем кто-то из них начнет возникать, я ухожу так быстро, как позволяет того больная нога. Я на полпути с пляжа, концентрируюсь на затягивающем ноги песке и достаю из сумки телефон, как слышу, что меня кто-то окликает.

— Софи! Эй! — подбегает Адам. На его выцветшей футболке влажные пятна, а волосы спадают на глаза. — Кайл отправил за тобой. Он не хотел, чтобы ты шла куда-то одна. — Он опускает взгляд на телефон в моей руке. — Думал, ты за телефоном пошла. — Я вспыхиваю, но Адам только улыбается. — Эй, все нормально. Эмбер перегнула палку. Я и сам хотел уйти. Могу я хотя бы пойти рядом с тобой, чтобы Кайл не рассердился на меня?

— Я иду к своей машине, ничего такого.

— Упаду на хвост. Не хочешь? — Он протягивает мне бутылку колы, которую я принимаю. Откручиваю крышку и делаю глоток, а Адам жестом предлагает двигаться дальше. Засунув руки в карманы шорт, он следует за мной. На телефон я даже не смотрю, хотя ужасно хочется проверить, не пришло ли мне что-то. — Как твой сад? — спрашивает он, когда пляж переходит в тротуар.

— Нормально. Еще раз спасибо, что помог тогда с почвой. Ты сам-то как? Как лето проходит? — Один фонарь на парковке скоро перегорит. Здесь тише, присущий пляжу шум затихает, когда мы отдаляемся от него. Я открываю машину и бросаю сумку на переднее сиденье. Переворачиваю телефон, чтобы увидеть экран. Пропущенный звонок с неизвестного номера. Сердце пропускает несколько ударов, а потом оглушительно колотится в ушах.

Неужели это конец?

— Я на минутку, — говорю Адаму. Делаю несколько шагов по тропе, прежде чем открыть голосовую почту. Отпиваю еще немного колы, ожидая услышать Трева, но нет.

— Здравствуй, Софи, это Том Уэллс из «Харпер Бикон». Размышлял о нашем разговоре на прошлой неделе. Надеюсь, ты все же решишь вернуться; я правда хотел бы услышать эту историю с твоей стороны. Желательно, под запись. Перезвони.

Я хмурюсь и удаляю сообщение.

«Ты до сих пор разговариваешь с детективом?» — пишу Треву, потом ставлю телефон на виброрежим, чтобы почувствовать, и убираю в карман. Не могу избавиться от все возрастающего беспокойства. Продолжаю говорить себе, что это хороший знак — раз у него нет времени даже написать.

— Не возражаешь, если немного тут побудем? — вернувшись к Адаму, спрашиваю я его. Он развалился, опираясь на багажник моего фургона, и держит в руке содовую. — Все слегка...

— Я понимаю, — говорит Адам.

Я осторожно забираюсь в багажник и, усевшись, покачиваю ногами. Адам перебирается ко мне.

— Кто звонил? — спрашивает он.

— О, я просто жду смс от Трева. Он должен подъехать попозже.

Адам вскидывает бровь.

— Вы наконец вместе, ребят? — И смеется, когда видит выражение моего лица. — Что? Все всегда считали, что ваша пара предопределена судьбой. Почему, по-твоему, я никогда не звал тебя на свидание? — Он шевелит бровями, заставляя меня рассмеяться.

— Ты хотел пригласить меня? — Я усмехаюсь и отпиваю колы. — И когда же? До или после Эмбер?

— До, — Адам пожимает плечами. — Во втором классе я серьезно запал на тебя. Треву повезло.

Даже не пытаюсь скрывать улыбку и говорю:

— Что ж, я не встречаюсь с Тревом. Трев, он... — Стараюсь подыскать нужные слова, чтобы выразить чувство, которое вне рамок друзей или семьи, но все же любовь не совсем подходит. — Он Трев, — наконец говорю. — И отношения... не для меня. По крайней мере сейчас.

— Понимаю. Ты через многое прошла. Главное сосредоточиться на своем здоровье. Ты ходишь на собрания, да? Дядя Роб сказал, что на днях ты была в церкви.

— Обсуждали это с моим терапевтом. Он считает, это пошло бы мне на пользу.

— Там интересно, — произносит Адам. — Я иногда хожу с Мэттом, чтобы он не прогуливал. Не знаю даже, слушать все эти истории... Люди постоянно попадают в какую-то задницу, но подобные сборища помогают разобраться, понимаешь? Заполнить грешки. И им часто их отпускают. Людям вообще свойственно всепрощение, особенно если о нем попросить.

— Но все же кое-что простить никак не выйдет. Порой видишь или совершаешь что-то слишком плохое. — Делаю большой глоток колы, размышляя о Мэтте, о том, что он, возможно, убил Мину, Джеки и своего ребенка. Думаю о Треве и том, что все его мечты захлебнулись под тяжестью наших секретов. Думаю о Рейчел, которая нашла меня на дороге окровавленную и сломленную, но не выказывала никакого страха. Я вырываюсь из этих мыслей и натягиваю улыбку на лицо. — В любом случае, Мэтту помогают эти встречи, да?

Он выглядит довольно неплохо.

— Определенно, — говорит он. — А он много чего натворил. Наделал множество ошибок. Мама с ним полгода не общалась. Но дядя Роб помог ему завязать, записал в программу, доказал ей, что все серьезно.

— Ему повезло, что вы за ним приглядываете. — Я рассеянно поглаживаю телефон, лежащий в заднем кармане. Трев уже должен был написать мне. Он до сих пор в участке?

— Ага, — соглашается Адам. — Когда папа ушел, он помог маме с деньгами и прочим. Так многое для меня сделал — если бы не он, не было бы и половины тех рекрутеров, которые приходят посмотреть, как я играю.

— Круто наверно. Столько людей приходят увидеть тебя. С ума сойти.

Адам нервно улыбается.

— Ага. Но в хорошем смысле, понимаешь?

— Ты усердно трудился. Ты заслужил. — А мне лишь хочется, чтобы Трев поскорее написал. Отпиваю еще колы. Во рту сухо. Меня охватывает жар. Качаю здоровой ногой вперед-назад и хмурюсь, когда она врезается в бампер.

— Ждешь выпускной год? — интересуется Адам.

— Вроде того. — Я моргаю, потирая глаза. Изо всех сил пытаюсь сглотнуть и, делая очередной глоток, разливаю колу вокруг. Рука становится подозрительно тяжелой.

— Полегче, — говорит Адам, забирая бутылку из моей руки и слезая с багажника.

Я снова моргаю, пытаюсь прогнать пульсацию в голове.

— Прости, Софи, — произносит он тихонько. — Ты мне нравишься. Всегда нравилась. Хорошая девушка.

Слова не сразу обретают смысл. Не могу сосредоточиться; глаза закрываются. Такое чувство, что я выпила шесть шотов текилы подряд.

— Ты... что? Я не...

Стараюсь подняться с локтей, но руки и ноги превратились в желе. Я едва их ощущаю.

Опол. Сквозь заторможенность прорывается слишком позднее осознание.

— Боже, — бормочу онемевшими губами. — Нет. — Снова пытаюсь подняться и соскользнуть с фургона, но он меня удерживает. Его лицо в нескольких сантиметрах от моего; вижу кусочек кожи на подбородке, который он упустил при бритье.

— *Нет!* — Я сопротивляюсь этой стене мышц, когда он притесняет меня к машине. Мне нужно что-нибудь. Медвежий спрей. Он в сумке. Нужно достать его... Если я просто смогу до него дотянуться...

— Софи, не сопротивляйся, — говорит он, и от того, как нежно он соединяет мои запястья, мне даже страшнее, чем если бы он ударил меня по лицу. Здоровую ногу я выкидываю вперед, но больная словно резиновая и точно не выдержит моего веса, и я еще сильнее прогибаюсь под ним.

— Мне жаль, правда. В первый раз я ничего такого не хотел. Я пытался предупредить тебя, но ты не остановилась, — говорит Адам. Я снова напирала на него в попытке вывернуться, а он обматывает мои руки жестким пластиком, до упора утягивая затяжку. — Задавала вопросы тому репортеру, пошла к Мэтту, пошла к Джеку, к Эми. Ты слишком любопытна, Софи. Совсем как Мина.

Распахиваю рот, высушенный наркотиком и словно набитый ватой, чтобы закричать, но он меня опережает. Он захлопывает мне рот ладонью и пихает меня — когда он только успел открыть дверь? — я стремительно падаю на пассажирское сиденье своей же машины,

он убирает руку только чтобы вытащить ключи из моего кармана.

— Так это был ты, — скрежещу я. Мне нужно это произнести. Мне нужно, чтобы он это услышал.

Нагнувшись надо мной, он произносит:

— Это был я.

Тихое подтверждение почти приносит облегчение, и это последнее что я слышу, прежде чем он захлопывает дверь автомобиля и я вырубаясь.

ЧЕТЫРЕ МЕСЯЦА (СЕМНАДЦАТЬ ЛЕТ)

— Серьёзно, это уже жуть какая-то. Зачем мы сюда приехали?

Мина оставляет ключи в зажигании, чтобы не выключался свет. Хлопнув дверью, я выхожу, а Мина запрыгивает на капот. Ее волосы горят в свете фар. Она выглядит неземной феей, почти сияет, и на мгновение меня это ошарашивает, я едва помню, что задавала вопрос.

— Я же говорила, это для газеты.

— Мина. Сюда приходят только наркоши и парочки, которые не прочь перепихнуться на заднем сиденье.

Я балансирую на краю обрыва. Внизу — бесконечная пропасть тьмы. Нога онемела от сидения в машине. Я растягиваю ее, едва нависая над пустотой.

— Всего на пару минут. Отойди от края, Соф.

— Тут еще шаг до края. — Ладно, может, и меньше, но все равно. — Что такого важного в этой истории? Эмбер выбесится, если опоздаем.

— Позже все скажу. После того, как пойму... После того, как напишу. Правда, отойди оттуда. Ты же только вернулась от тетушки, ты не можешь свалиться с обрыва. Иди сюда.

Она щелкает пальцами, и я показываю ей язык, но все же отхожу от края поближе к машине.

— Тогда развлекай меня, пока не явилась твоя Глубокая Глотка или кто там.

— Горжусь тобой за эту отсылку. — Мина прикладывает руку к груди, а второй драматичным жестом вытирает с глаз воображаемые слезы.

Зачерпнув ногой грязи, швыряю в нее, и она, взвизгнув, забирается повыше на багажник, пока не прижимается спиной к ветровому стеклу.

— Ладно, я все скажу! — торжественно молвит она. — Но пообещай: никому ни слова. — Она оглядывается по сторонам, а после наклоняется вперед и шепчет:

— Пришельцы поработят нашу планету.

— О нет! Нашествие маленьких зеленых человечков! — задыхаюсь я, подыгрывая и заставляя ее улыбаться.

В тот последний короткий момент, когда все еще в порядке, я раньше нее слышу хруст шагов.

Мина сидит на капоте к нему спиной. А я лицом, но поначалу слишком темно, чтобы что-то разглядеть.

Но затем он появляется в свете фар, и слишком быстро я замечаю две вещи: на человеке — мужчине, — идущем к нам, лыжная маска.

И он направляет на Мину пистолет.

— Мина. — Я задыхаюсь ее именем. Нечем дышать; из легких выбивает весь воздух. Я хватаю ее за руку и стягиваю с капота машины.

Нужно убираться, но бежать я не могу — слишком медленна. Он меня достанет. Она должна меня бросить. Она должна бежать и не оглядываться назад, но я не знаю, как ей это сказать; я забыла, как вообще говорить. Я едва не падаю, как ее плечи удерживают меня. Мы переплетаем руки, она раскрывает рот в безмолвном «О», увидев человека, надвигающегося

на нас.

Что происходит? Что это такое?!

Боже мой, Боже мой, Боже мой.

Ничего не говоря, он останавливается в нескольких шагах от нас. Но когда переводит прицел на меня и взмахивает им, его посыл предельно ясен: «Отойди от нее».

Мина вгрызается ногтями мне в кожу. Ноги трясутся; я льну к ней, и она принимает мой вес.

— Боже мой, Боже мой, Боже мой, — шепчет Мина меж резких как стаккато вздохов.

— В сумках есть наличка. — Язык заплетается. — Ключи в машине. Забирайте их. Пожалуйста.

Он снова дергает оружием в мою сторону, быстро и яростно.

Когда я не шевелюсь, он делает шаг вперед. В этот момент, приближаясь к нам, он кажется невероятно огромным. Меня охватывает ужас, внезапный, острый, столь непохожий на все, что я прежде испытывала, что если бы могла — съежилась бы под его бременем. Мина поскуливает, мы оступаемся, шагая назад, все так же цепляясь друг за друга, но он быстрее. Все мое внимание только на пистолете, поэтому я не вижу, что у него в другой руке, пока не становится слишком поздно.

Попадая точнехонько по искривленной кости, в мою ногу врезается прут арматуры. Я кричу, жалкий звук, и падаю лицом в пыль. Пальцы роют землю, но только закапываются глубже. Мне нужно подняться... Нужно...

— Софи! — Мина рвется ко мне и кричит, когда прут мелькает перед моими глазами и ударяется в лоб. Все расплывается, кожа лопается. Боль, раскаленная, пронизывающая до костей, на лице появляется влага, и последнее, что я вижу, слышу, ощущаю, — он поднимает пистолет, произносит приглушенные маской слова, два выстрела, один за другим, и теплые брызги: ее кровь. Ее кровь на моей руке.

И больше ничего. Ни стрелявшего. Ни крови. Ни Мины.

Только тьма.

СЕЙЧАС (ИЮНЬ)

Веки становятся неподъемными. С громадным трудом удается открыть глаза. Я моргаю в попытке сфокусировать взгляд на чем-то сером и расплывчатом перед собой.

Обивка.

Мы куда-то едем.

Адам за рулем. Мчится по крутой дороге, что огибает озеро.

Адам убил Мину.

И собирается убить меня.

Нужно оставаться в сознании. Быстро моргаю и стараюсь приподняться.

Все вокруг начинает вращаться, у меня кружится голова, но, возможно, если я выпрямлюсь, тошнота пройдет.

Десять месяцев. Пять дней.

Десять месяцев. Пять дней.

Я справлюсь. Я же наркоманка. Я в таком хороша. Это словно сопротивляться приходу. Плевое дело.

Наверное. Нужно подумать... Нужно выбраться отсюда живой. Если не я, никто не узнает, что это он, никто не поймают его.

— Ну же, — с раздражением произносит Адам.

Дыша как можно тише, я выглядываю вперед. По его лбу стекает пот, когда он снова и снова жмет на вызов. Никто не отвечает, и после очередной попытки он наконец оставляет сообщение на голосовой почте:

— Ты мне нужен, приходи. Без вопросов. Встретимся на горе Первых поселенцев. Сейчас. Прошу тебя.

С кем он говорит? Кто придет? Мэтт. Они в связке.

Я свешиваю ноги, они касаются коврика на полу. Голова кругом, теперь, когда до меня в полной мере доходит, как я попала — то, чем он меня опоил, уже прекращает свое воздействие. Я выпила недостаточно.

Пока Адам сосредоточен на дороге, я рывками перемещаюсь к окну. Непонятно, как далеко мы отъехали от пляжа; озеро протягивается на многие километры, укрытое сотнями акров густого леса.

Бросит мой хладный труп в неведомых дебрях. И никто его больше не найдет.

Сколько времени прошло? Надеюсь, Рейчел уже обеспокоилась моей пропажей.

Он резко уходит в поворот, машина дергается, колеса буксуют, а меня отбрасывает к двери. Мы проезжаем знак СМОТРОВАЯ ПЛОЩАДКА ГОРЫ ПЕРВЫХ ПОСЕЛЕНЦЕЛ (КМ).

Твою мать. Мы уже на другой стороне озера.

Не смогу выпрыгнуть. Двери не заблокированы, но он едет слишком быстро. Я вырублюсь в ту же секунду, как ударюсь о землю, — но телефон до сих пор у меня в кармане, я его чувствую. И ерзаю попой, пока он не выскальзывает на сиденье.

— Ты чего там делаешь? — рявкает Адам, и я замираю, наши взгляды встречаются в зеркале заднего вида. Проглатываю подходящую к горлу тошноту. В испуге отвожу глаза к

окну, затем возвращаю к зеркалу.

— Даже не думай, — говорит Адам. Он поднимает руку, которая не цепляется за руль. Руку, в которой он держит пистолет. — Не шевелись, — командует.

Я усаживаюсь нормально на сиденье, бедром пододвигая телефон.

Руку с пистолетом он опускает на колени, другой ведет машину. Дороге он отводит лишь часть внимания, но это лучше, чем совсем ничего.

Опускаю связанные руки и касаюсь экрана телефона. Он загорается, и я облегченно вздыхаю и, одним глазом поглядывая на Адама, снимаю блокировку. Плечо ударяется об окно, потому что он снова поворачивает, не снижая скорости.

Провожу по экрану, выбирая последнего человека, которому писала: Трева.

У Адама звонит телефон. Мои пальцы скользят по экрану. Он подпрыгивает, ругается, а затем кричит в трубку:

— Почему ты не отвечаешь? — Вздрагивает. — Нет, нет, прости. Я просто... — он замолкает, слушая. Полностью сосредоточен на разговоре.

Моя единственная возможность. Неудобно, со связанными руками, я набираю: *адам горанпернос 911*. Нажимаю «Отправить» и возвращаю руки на колени.

— Ты обязан прийти! — умоляет Адам в трубку. — Просто встречаемся на горе. Мне нужна твоя помощь.

Если наклониться вправо, то смогу увидеть покоящийся на его коленях пистолет.

— Ладно, ладно. Я уже еду. — Он замолкает, проходится по мне взглядом. — После объясню.

Он вешает трубку, кидает телефон на пассажирское сиденье и снова берется за пистолет. Свернув на горную дорогу, машина ускоряется. Мы почти приехали. В заднем окне я вижу свет, горящий в домике рейнджера.

— Ты же понимаешь, что это сумасшествие, — говорю я ему. — Ты забрал мою машину. Ребята на вечеринке заметят, что нас обоих нет. Кайл отправил тебя присмотреть за мной, он заметит.

— Ты всерьез думаешь, что меня отправил Кайл? Я тебя умоляю, Софи. Ты же не настолько глупа. А теперь скажи, кто тебе помогал. Я знаю о Треве. Как зовут ту рыжюлю? Они с Кайлом тоже в курсе всего? А репортер? Что ты ему говорила?

Приходится глубоко вздохнуть, чтобы удержать нарастающую панику. Напоминаю себе, что Трева, возможно, все еще с копами. А Рейчел и Кайл в безопасности толпы на пляже.

Смерть грозит только мне.

— Чего ты добиваешься, Адам? Хочешь и их всех убить? — дрожащим голосом спрашиваю я. — Ты не все продумал. В отличие от прошлого раза. В прошлый раз ты тщательно подготовился. Прихватил арматуру и таблетки, поэтому не пришлось меня убивать. Это было умно. И ведь сработало? Но на этот раз ты не готов, так что почему бы тебе просто секундочку не призадуматься?

— Заткнись. — Дрожащей ладонью Адам смахивает пот со лба. Но когда снова касается оружия, его пальцы крепки, словно оно его успокаивает. — Ты расскажешь мне все, что знаешь. О Джеки. О Мине. О том, кто в курсе всего, что тебе известно. Я тебя заставлю.

Его явно никак не переубедить. Он убьет меня, несмотря ни на что.

Мы объезжаем очередной знак: СМОТРОВАЯ ПЛОЩАДКА ГОРЫ ПЕРВЬ ПОСЕЛЕНЦЕВ (1 КМ)

Нельзя тратить ни секунды — мне нужен план. И поскорее.

Раз успокоить его у меня не выходит, можно его разозлить. Вывести из себя, чтобы он потерял контроль. Нужно только найти удобный момент.

— Хрен что я тебе скажу, — произношу я с большей силой, что во мне вообще есть. — Ты гребаный убийца, как и твой братец. Вся ваша семейка — что с вами не так?!

Боковым зрением вижу, как морщится симпатичное личико Адама, как в глазах появляется злобный блеск. Рука крепче сжимает пистолет.

— Пошла ты, — рычит он сквозь стиснутые зубы. — Ты ни хрена не знаешь о моей семье. Мы присматриваем друг за другом. Мы полагаемся друг на друга. Мы убили бы ради другого. Так поступает семья.

Меня наполняет гнев, волной сносит все прежние чувства. Он забрал самого важного человека в моей жизни и теперь сидит такой с пистолетом, грозит убить и втолковывает о *семье*. Хочу наброситься на него. Хочу, чтобы он корчился на земле, хочу, чтобы он испытал все то, что испытывала она. Хочу, чтобы он истекал кровью, в то время как я разражаюсь смехом и не звоню в скорую, пока не станет слишком поздно.

Хочу, чтоб он сдох. Даже если придется убить его собственными руками.

Эти образы пронизывают меня, заряжают силами, я вскакиваю коленями на заднем сиденье и рвусь вперед, слегка неуклюже от адреналина и наркотиков в крови. Мне удастся перекинуть связанные руки через его голову и поймать его шею в кольцо, передавив горло острым краем застежки-молнии, и я изо всех сил отклоняюсь назад.

Его прерывистый вздох от удушения затяжкой — самый прекрасный звук во Вселенной.

Он дергает руль произвольным движением, которое чуть не отправляет нас в полет с горы. Задыхаясь, он отпирается и пытается просунуть свободную руку между моими запястьями, пока нас мотает по узкой дороге с одной полосы на другую. В любую секунду нас может перебросить через ограждение на красноглинный склон горы с одной стороны и в озеро с другой — но это не важно. *Мне все равно*. Надеюсь, мы разобьемся. Если и он умрет, оно того стоит.

— Соф... — клоочет он, отчаянно цепляясь в меня свободной рукой, впиваясь короткими ногтями.

Я смыкаю руки и напрягаю мышцы, изо всех сил откидываясь назад. Ему удастся протиснуть палец между стяжкой и своей шеей, меня начинает потряхивать от напряжения. Он намного сильнее меня, но если я смогу продержаться...

Воздух разрывает звук выстрела, лобовое стекло взрывается ливнем осколков. Я отклоняюсь от летящего стекла, и в одно мгновение руки Адама уже не удерживают руль. В одной — пистолет, другой прижимает мои запястья, а машина вращается, слишком быстро, слишком близко к ограждению. Одна секунда, один надрывный вздох до скрипа металла и искр, и мы преодолеваем ограждение и мчимся по склону, растет скорость, размываются деревья, а я понимаю, что все кончено. Конец истории.

Третий раз — алмаз.

ЧЕТЫРЕ МЕСЯЦА НАЗАД (СЕМНАДЦАТЬ ЛЕТ)

Я прихожу в себя под звуки умирающей Мины. Предсмертные хрипы.

— Мина, Боже мой, *Мина*. — Я подползаю к ней. Это словно двигаться под толщей воды.

Она лежит на спине в полуметре от меня, освещаемая светом фар, и кровь, *ее* кровью залито все вокруг нее. Руки прижаты к груди, глаза едва открыты.

Повсюду кровь. Я даже не могу понять, куда попала пуля.

— Так, хорошо, — бессмысленные слова, лишь бы заполнить воздух, заглушить звук ее дыхания, чересчур быстрого и прерывистого, булькающего, когда легкие уже наполнились жидкостью.

Я срываю с себя куртку, прижимаю к ее груди, где продолжает расползаться мокрое пятно. Нужно остановить кровь.

— Прости, — выдыхает она.

— Нет, нет, все хорошо. Все будет в порядке. — Оглядываюсь через плечо, почти уверенная, что он скрывается где-то неподалеку, чтобы прикончить нас.

Но никого нет.

Она кашляет, изо рта у нее вытекает струйка крови, которую я вытираю рукой.

— Мне очень жаль, Софи, — шепчет она.

— Тебе не за что просить прощения. Все нормально. — Обеими руками я сильнее надавливаю на ее грудную клетку. — Все хорошо. Все будет в порядке.

Но кровь пузырится на моих пальцах даже через ткань джинсовой куртки.

Почему так много крови? Сколько еще она может потерять, прежде чем...

Она судорожно глотает, а когда выдыхает, крови во рту становится еще больше.

— Больно, — произносит она.

Протягиваю руку и убираю волосы ей со лба, оставляя кровавый след. В голове всплывает случай из третьего класса. Она упала в обморок, когда я сильно порезала руку и мне накладывали швы; ей не нравился вид крови. Хочется скрыть ее сейчас, но это мне не под силу. Это понятно по ее взгляду, она понимает, что происходит, а я не могу этого принять.

— Все хорошо, — снова уверяю я, не имея на это никакого права.

— Софи... — Она поднимает руку, неловко подносит к моей. Я переплетаю наши пальцы, крепко-крепко сжимаю.

Никогда не отпущу ее.

— Соф...

Ее грудь поднимается от последнего рваного вздоха, а после она мягко выдыхает и становится недвижимой, пропадает свет из глаз, она смотрит на меня, когда взгляд тускнеет совсем. Ее голова падает набок, рука постепенно ослабевает.

— Нет, нет, нет! — Я трясую ее, колочу по груди. — Очнись, Мина. Ну же, просыпайся! — Наклоняю ее голову и вдыхаю в рот. Снова и снова, пока не покрываюсь потом и кровью. — Нет, Мина! *Вставай!*

Я крепко прижимаю ее к своему плечу и кричу в темноту, умоляя о помощи.

Очнись очнись очнись пожалуйста пожалуйста пожалуйста.

Помощи нет.

Здесь только она и я.

С каждой минутой кожа Мины становится все холоднее.

А я ее так и не отпускаю.

СЕЙЧАС (ИЮНЬ)

Первым мне в нос ударяет запах дыма. После — обугленного металла и бензина, резкая вонь, от которой хочется заткнуть нос. В голове ритмично звенит, все громче и громче. Я моргаю, но что-то застилает глаза, размазывается, когда провожу ладонью по лицу.

Прищуриваюсь, пытаюсь сфокусировать взгляд на связанных запястьях, на том, что стекает по подбородку и капает, краснея, на руку.

Кровь.

Больно. Осознание приходит между судорожными вдохами. Болит все тело.

Господи.

Мои ноги, они еще способны ходить?

Отталкиваюсь здоровой ногой, больно, как же больно. Никогда не подозревала, что будет приятно ощущать боль. Боль означает, что меня не парализовало. Что я до сих пор жива.

А Адам? Поднимаюсь, чтобы оглядеться, но звон в ушах прямо-таки оглушает. Наклоняюсь между передними сиденьями и вижу, что головой он упал на руль. С одной стороны его темные волосы покрыты кровью, а грудная клетка мерно поднимается и опускается.

Нужно выбираться, пока он не пришел в себя.

Размышления занимают всего пару секунд. Об острый край разбитого стекла пилю затяжку, пока она не лопается. Освободив руки, хватаюсь за дверную ручку и толкаюсь наружу, но дверь заклинило.

Под все нарастающим звоном, словно кто-то постоянно прибавляет громкость, мне слышится стон.

Адам начинает шевелиться, и я бросаюсь ко второй двери. Сердце выскакивает из груди, по щеке стекает кровь. Эта дверь тоже не открывается, так что остается только вылезти из разбитого окна. Тяжело, особенно когда осколки впиваются в живот, но я толкаю себя вперед головой, едва не выпрыгивая. Крепко прикладываюсь о землю, плечи сводит, по спине прокатывается волна боли.

Машина пролетела напрямиком по насыпи, капот смяло, как фантик от конфетки. От двигателя поднимается удушающий дым, и, когда я слабо покашливаю, ребра вспыхивают агонией.

Пошатываясь на ватных ногах, выпрямляюсь и осматриваюсь вокруг. Хоть мы и остановились на более-менее плоской полянке, повсюду деревья. Со всех сторон окружает дремучий лес. Сейчас бы пистолет и телефон, но на глаза не попадает ни то, ни другое, а на поиски времени нет — нужно уходить. Под ногами трещат и хрустят ветки и упавшая листва. На небе висит полная луна, освещая лес.

Шевелись, приказываю себе. Больная нога волочится по земле, цепляясь о камни и ветки и оставляя после себя след из крови шириной в километр. И видимость ужасная, даже в лунном свете. Я спотыкаюсь и валюсь на колени, царапая ладони в попытке подняться.

Забраться по насыпи не выйдет. Не в таком состоянии точно, когда одна нога больная, а та, что здоровая, трясется хлеще больной.

Остается только спрятаться.

Деревья сгущаются по мере того, как я со всей возможной скоростью, хромая, петляю меж сосен. Запах дыма от аварии начинает таять, сменяясь ароматом влажной земли и более резким — отдающим медью бризом. Рубашка, насквозь пропитавшаяся кровью, с каждым шагом шлепает по животу. И мне даже не нужно опускать взгляд, чтобы это увидеть. Порезы на животе неглубокие, но длинные, они отзываются болью при каждом вдохе. Но я не останавливаюсь. Нужно идти как можно быстрее.

Кажется, проходит целая вечность, я шагаю наедине с собой, и только собственное резкое дыхание громко отдается в ушах, больно, больно, больно, и я спрашиваю себя, когда же все закончится. Когда же я упаду.

Меня подкашивает за грудой валунов, немалые усилия требуются, чтобы опуститься на землю. Глаза закрываются, но я заставляю себя снова их открыть.

Мне нужно оставаться в сознании. Мне нужно сосредоточиться.

Мне нужно остаться в живых.

Сворачиваюсь в клубок, подтянув колени к подбородку, прижимаясь к крепкой скале, стараясь уменьшиться насколько это вообще возможно. Прикусываю губу от боли, но сдерживаюсь.

Заслышав шелест листвы от шагов, быстрых и напористых, я вся съеживаюсь, сердце ускоряет ход, и все во мне кричит бежать, бежать, бежать. Это смертный приговор, понятно же, но «борись или беги», хоть я и не способна сейчас ни на что из этого.

Приглушаю дыхание и сосредотачиваюсь на шагах — они приближаются или отдаляются?

Внезапно хруст смолкает. Я замираю, а глубокий голос, наполненный паникой, нарушает тишину леса:

— Адам? Адам? Твою мать, где ты? — Снова шаги, уже ближе.

Направляются в мою сторону.

Раздаются какие-то щелчки, словно кто-то бежит по подлеску.

Теперь шаги идут с двух разных сторон: одни — уверенные, другие — заплетающийся топот.

Мэтт и Адам. Сильнее съеживаюсь, ужас пробирает до костей.

— *Адам!* — Они нашли друг друга. И мне слышно их разговор, хоть они метрах в пятидесяти от меня.

— Ты видел ее? — нечленораздельно произносит Адам. Больно ему, наверное.

Так ему и надо. Надеюсь, он до смерти истечет кровью.

— Кого видел? Какого хрена происходит? Та машина... Твоя голова! Тебе нужно в больницу! — Голос Мэтта, настойчивый и почти злобный, звучит слегка странно.

— *Нет!* Надо найти ее! Она все знает. Мы должны остановить ее до того... до того...

— Ты о чем вообще? Пошли!

— *Нет, послушай.* Она обо всем знает.

— Что знает? И кто? Да шевелись уже!

Снова шаги, и голоса становятся громче. Мне уже слишком поздно бежать. Прижимаюсь к валуну, мечтая, чтобы он поглотил меня.

— Я никому не рассказывал, — лепечет Адам, его слова сливаются воедино. — Все эти годы я никому ничего не говорил. Но я видел, как в тот день она садилась в твой фургон. Я знаю, что ты сделал с Джеки. Но я никому не рассказывал; даже маме и Мэтту. Я думал, что

все наладилось. Но потом Мина начала задавать свои тупые вопросы. Мне пришлось остановить ее — *пришлось*.

— Что ты несешь?

Стоп.

Нет.

Шаги приближаются, а мой мозг заново прокручивает признание Адама.

Я никому не рассказывал; даже маме и Мэтту.

Если с той стороны не Мэтт.

Если там не Мэтт...

Если это не ребенок Мэтта...

Мы убили бы ради другого. Так поступает семья.

Так поступил и Адам. От полного осознания из меня вырывается вздох.

— Что это было?

Адам не успевает ответить, как тяжелые ботинки начинают топтать по земле. Эти тяжелые и уверенные шаги точно не Адам.

Его ботинки. Настигают меня.

Он быстр. Я стараюсь подняться, но больная нога подгибается подо мной. Я царапаю валун. Мне нужно за что-то удержаться. Мне нужно бежать. Хотя бы попытаться.

Но уже слишком поздно.

Он появляется из-за груды валунов, за которой я скрючилась, и, повернув голову и увидев меня, в его глазах вспыхивает облегчение.

— Софи, — произносит он, словно не происходит ничего необычного. Словно мы не торчим посреди леса, а он не пришел, чтобы меня найти. — Ты ранена. — Он подходит ко мне и с *беспокойством* касается моего лица.

Одернув голову, я ударяюсь о валун. Лягаюсь здоровой ногой, а все мои инстинкты так и орут *бегибегибегии*. Боль накрывает меня, я с трудом дышу.

А он улыбается мне. Той самой улыбкой, что поддерживал нас, когда мы пропускали голы.

— Ничего страшного, Софи, — говорит тренер Роб. — Полагаю, настало время нам поговорить.

ЧЕТЫРЕ МЕСЯЦА НАЗАД (СЕМНАДЦАТЬ ЛЕТ)

Я не могу отпустить Мину, даже когда она перестает дышать. Знаю, что должна. Нужно подняться. Отправиться за помощью.

Мне придется отпустить ее.

Шепча себе под нос, раскачиваюсь, продолжая прижимать ее к груди, уложив головой на плечо.

— Вставай. Вставай.

Разжать пальцы — на грани возможного. Укладываю ее на землю. Под голову кладу свою куртку. В какой-то момент безумия мне так хочется укрыть ее, что я задыхаюсь, но нечем. А воздух холодный.

Убираю прядку волос со лба, заправляю за ухо. Ее глаза все еще открыты, подернуты пеленой, смотрят на небесную бесконечность, но уже никогда не смогут увидеть ее.

Закрываю их дрожащей рукой. Такое неправильно ощущение, словно я отрываю от нее последнюю частичку.

Встаю с колен и, спотыкаясь, подхожу к машине. Двери открыты, а ключи и наши телефоны пропали.

Помощь. Нужно найти помощь. Снова и снова мысленно повторяю себе. Хочется утопить его, голос, кричащий *Мина, Мина, Мина*, снова, и снова, и снова.

Делаю неуверенный шаг. После — еще один. И еще.

Ухожу от нее.

Самое сложное решение в моей жизни.

СЕЙЧАС (ИЮНЬ)

Его рука соскальзывает со щеки к горлу и крепко сжимает его.

Как предупреждение.

— Не шевелись, — тихо произносит. — Адам, — повысив голос, зовет он, и Адам появляется за его спиной. Все лицо парня в крови, а правую руку он придерживает, как сломанную.

Я порываюсь вперед от вспыхнувшего внутри желания смерти Адаму. Оно никуда не денется. Может статься, это будет последнее, что я почувствую.

Тренер ловит меня за шею и сжимает пальцы, отталкивая меня к валуну. Нависает, зарождая внутри какой-то новый вид страха.

— Я же сказал, не шевелись, — грозит он тренерским тоном. Словно разочарован, что я пропустила мяч в ворота.

Я всхлипываю. Непроизвольный звук, жаждущий перерасти в крик, на который у меня не осталось сил.

— Почему ты и ее не убил той ночью? — спрашивает тренер Адама, даже не глядя на него. Он смотрит на меня в упор, словно пытается запомнить каждую черточку моего лица. От пристального взгляда и того, как он ко мне прижимается, я безмолвно замираю. — Все стало бы намного проще.

Адам шумно глотает, опустив глаза вниз.

— Но она же ничего не сделала. Я не хотел... Это от Мины были одни проблемы.

— Оставив свидетеля, ты породил множество новых проблем. Не очень умно, Адам.

— Прости, — бормочет Адам. — Я просто... хотел помочь. Я думал, что все скрыл.

Тренер вздыхает и говорит:

— Ничего страшного. Мы все исправим. Не волнуйся. — Его ладонь сжимается на моей шее, я едва могу дышать. Я начинаю кашлять, из-за движения в ребрах появляется болезненное ощущение, от которого кружится голова. — Я об этом позабочусь. Где твой пистолет?

Приходится прикусить язык, чтобы сдержать нарастающую панику. Воздуха не хватает, все вокруг начинает вращаться.

— Кажется, в машине.

— Принеси его скорее.

— Но...

— Адам. — Тренер нетерпеливо оборачивается к нему. — Моя обязанность — присматривать за тобой. Твоя обязанность — слушаться меня. Что мы говорим?

— Семья на первом месте.

— Именно. Так докажи это. Принеси пистолет.

Раздается хруст веток, когда уходит Адам. Тренер некоторое время выжидает, после чего возвращает внимание ко мне. Рука отпускает мою шею, двигаясь ниже.

— Нет. — Слово слетает с губ, я боюсь того, что может последовать дальше. Но он, опустив руку на плечо, прижимает меня к камню.

— Они все поймут, — я судорожно вздыхаю. — Вас поймают. Можете убить меня, но

вас поймают. Все кончено.

— Ничего не кончено, пока я того не скажу. — Сжимает плечо, посылая по телу нестерпимую боль. — Я не позволю тебе разрушить жизнь моего племянника.

Но это я и собираюсь сделать.

И, несмотря на панику, осознание этого наполняет меня спокойствием. Возможно, это скорее шок или травма, нежели прозрение, но все же. Слишком приятно чувствовать такое после всего пережитого страха.

Кровь Адама разлита по моей машине. Пусть даже тренер убьет меня, им всем конец Трев и полиция, они всё выяснят. Он добьется, чтобы виновные были наказаны.

С некоторым усилием поднимаю голову. Перед глазами все плывет; меня колбасит от адреналина, и я едва держусь на ногах, но хочу смотреть ему в глаза, пока буду говорить.

— Я разрушу жизни вам обоим. Для этого мне даже не обязательно быть живой. Слишком многим людям известно, что я делаю. К этому моменту полиция уже ищет меня — и Адама. Они найдут мою машину. Найдут мой труп, где бы вы ни решили его бросить. Вы знаете мою маму — знаете, что она ни перед чем не остановится. Папа считал вас своим другом, но это откроет ему глаза. Моя тетя — охотник за головами; искать людей — ее работа. У Трева есть все доказательства — он не успокоится, пока все не закончится. Пока вы не окажетесь за решеткой. Вы были правы, тренер: семья на первом месте. И моя семья уничтожит вашу.

— Не собираюсь обсуждать это с тобой, — говорит тренер, словно моя речь была назойливой мошкой, от которой можно отмахнуться.

— Вы убийца. Вы убили Джеки и ее ребенка. Может, изнасиловали...

В нем что-то молниеносно меняется, пропадает весь контроль. Он прищипливает меня к валуну, у меня вырывается крик, когда он приближается. Позвоночник ощущает весь вес, который на него навалился.

— Не смей так говорить, — шипит он. — Разве мог я допустить, чтобы Мэтт тащил ее за собой? Я видел, куда он катится. Я любил эту девчонку. И она любила меня.

Я в шоке от подтекста распахиваю глаза.

— В-вы... вы... вы с Джеки были... вместе? — Меня передергивает от отвращения. Он ровесник моего отца. Еще хуже то, что она любила его. Доверяла ему.

Он ничего не отвечает.

— Ее даже не нужно было уговаривать пойти с вами, да? — Голос срывается, больно говорить. Его мощные руки мнут мне шею. — Уверена, это было легко. Просто сказали ей, что хотите поговорить насчет ребенка, а она на радостях и села в машину.

Он в упор глядит на меня, после этих слов его хватка на моих плечах ослабевает. Тайна, которую он хранил столько лет, вырвалась на свободу. Я узнаю этот взгляд, слишком уж он мне знаком. Тебя словно гипнотизирует, когда слышишь, что твой секрет облачают в слова.

Из-за плеча тренера в чаще леса я замечаю прыгающий свет фонарика. Двигается туда-сюда, словно кто-то кого-то ищет.

Ищет меня.

Трев.

Затерявшись в воспоминаниях, тренер ничего не видит.

— Я сказал ей избавиться от него, но она не хотела. Она просто не понимала, как это могло на мне отразиться. Она только... — Он резко выдыхает, разозлившись на девчонку, которая просто хотела наслаждаться жизнью.

Перехватив мои руки, он тянет меня вверх. Я отчаянно пытаюсь за что-нибудь ухватиться. Пальцы задевают мелкий щебень и натываются на более крупный кусок сланца, но удержать его не могу.

Слизываю кровь с губ. Свет приближается, и его источников становится больше — насчитываю четыре,двигающихся в нашу сторону. Если тренер их заметит, то пристукнет меня раньше, чем его успеют остановить. Нужно заболтать его, отвлечь разговором.

Его глаза — две темных пропасти. Внутри все переворачивается, потому что вид у него становится какой-то расслабленный.

Что он придумал?

— Она хотела отдать его, — выдавливаю. — Вы знали? Она связывалась с консультантом по усыновлениям. Собиралась выполнить вашу просьбу. — Рискованно, но это последняя карта, которую мне остается разыграть.

На мгновение тренер замирает. И этого хватает, чтобы дотянуться до куска сланца. Я резким движением вскидываю руку и со всей силы бью ему по голове.

Он вскрикивает и выпускает меня, я ныряю под его рукой, и он бросается вперед, пытаюсь меня перехватить.

Меня хватает всего на несколько шагов, а после нога сдается, и я валюсь наземь. Кричу как можно громче, хоть от этого и разрывает болью настолько, что глаза грозят выскочить из глазниц. Ползу вперед, молясь, чтобы те люди добрались до меня первыми. Теперь слышу крик, он близко, слишком близко. Пожалуйста, найдите меня...

Тренер нападает сзади и грубо переворачивает к себе лицом. Я всхлипываю, плечи забирают на себя весь удар. Голова хлопается о землю, когда он снова наваливается на меня всем телом, одной рукой хватая мои запястья и занося их над головой. Пытаюсь отпрянуть от него, от вспыхнувшей боли, когда другая рука зажимает мне рот, преграждая доступ воздуху.

Мне удастся открыть рот, кусаю ладонь и по-собачьи дергаю головой. Он орет, одергивает руку, и кровь заливает мне лицо.

— Тупая сука! — Он обхватывает мою шею и сжимает руки.

Коленом давит на живот, выталкивая из меня остатки воздуха. Задыхаюсь и не оставляю попыток вырваться, но он слишком тяжелый, а я слишком слаба. Перед глазами все становится серым.

Легкие горят, меня уносит, мои руки опадают, мир меркнет.

Полиция уже здесь. Все кончено. Дело сделано. И возможно... просто возможно, что она была права насчет всей этой фигни с небесами.

Бам!

Тренер дергается и заваливается набок, сползая с меня. Я жадно глотаю воздух, захлебываясь им. Внезапно лес уже не такой темный — словно кто-то включил прожектор. Ослепленная этой яркостью, я пытаюсь проморгаться. В голове гудит. Лицо обдувает бриз, а вершины сосен качаются и гнутся от ветра.

— Софи! — Кто-то хватает меня и оттаскивает в сторону. Я уже готова снова отбиваться. — Софи! Все хорошо! Ты в безопасности!

— Где Адам? У него пистолет.

— Не волнуйся, — снова говорит этот человек. Меня сильно трясет, не могу даже сфокусировать взгляд на расплывающемся лице перед собой. — Мы схватили его. Все хорошо, — повторяет он и, обернувшись, кричит: — Вызовите скорую!

— Где тренер? — бормочу я. Горло горит, словно в него залили уксуса. Все тело болит.

Пытаюсь сесть и отталкиваю копа, который меня держит. В спину впивается ветка. — Он мертв?

— Софи, тебе нельзя двигаться. Уилсон! — заметив кого-то в отдалении, зовет он.

Когда рядом появляется фигура, он рывкает: — Где там скорая?

Глаза закрываются. Как это приятно.

— Нет-нет, Софи, оставайся с нами. — Пальцы больно хватают подбородок и дергают голову. С трудом открываю глаза, моргаю и наконец фокусируюсь на лице.

Это детектив Джеймс. Выглядит испуганным. Так странно — копы не должны бояться.

— Это вы. Говорила... говорила же, что не принимала.

— Да, говорила. Только не засыпай, ладно? Продолжай говорить со мной.

Снова закрывая глаза, прошу его:

— Пусть не дают мне лекарств.

— Софи! Не засыпай!

Не могу, слишком тяжело.

— Никаких лекарств, — повторяю. Это важно. Они мне не нужны. В отличие от прошлого раза. — Передайте им...

Проваливаюсь во тьму между вдохами. Там нет боли, и все прекрасно, и я чувствую ее, как-то, где-то... и это не ранит. Это так хорошо.

Уже привыкаю просыпаться в больнице. Пикают аппараты, шуршат простыни, в воздухе пахнет антисептиками и смертью.

— Мина, — бормочу я, не до конца вернувшись в реальность. Меня держат за руку, нежно, с трепетом. Знаю же, что не она, но на мгновение, не открывая глаз, позволяю себе притвориться.

— Эй, ты с нами?

Я поворачиваю головой. Рядом сидит Трев.

— Привет. — Сглатываю и тут же об этом жалею. Глотку словно огнем охватывает, отчего я закашливаюсь. Трев помогает мне сесть, растирая спину.

— Видимо, сообщения ты все же получил, — выровняв дыхание, проговариваю я. Голос сейчас едва ли громче шороха.

— Ага, — подтверждает он. — Господи, Соф, ты меня до смерти напугала.

— Прости. — Кладу голову ему на плечо. По сравнению с моей исцарапанной кожей его футболка до смешного мягкая. — Хотя на самом деле я этому реально рада.

Сжав мою руку, он тихонько посмеивается.

— Как и я.

— Ты в порядке? — спрашиваю я.

Он глядит на меня, потом опускает взгляд на наши руки.

— Нет, — наконец произносит. — Не в порядке.

Хочется отодвинуть одеяло, чтобы он свернулся рядышком со мной, но я усмиряю это желание. Он соберется, возьмет себя в руки, потому что такой уж он. Всегда таким был. Но мы сидим минуту, и еще одну, в молчании, я держу его за руку и надеюсь, что все налаживается, что это как-то поможет, потому что ради нее нам нужно оставаться сильными.

— Где родители? — наконец интересуюсь у него, когда его хватка ослабевает. Отстраняюсь и снова откидываюсь на подушки, но наши пальцы по-прежнему переплетены.

— Общаются с докторами. Я прокрался мимо них.

— Сколько времени прошло?

— Полтора дня. Тебе нужно еще поспать. Все остальное может подождать до завтра.

Не могу отдыхать или ждать, даже вопреки каждой ноющей мышце своего тела и убийственной боли в голове.

Большим пальцем Трев выводит неторопливые круги.

— Их же не выпустят под залог? — выпаливаю я. Глупо, конечно, но когда я в последний раз просыпалась в больнице, вокруг были лишь люди, которые не верили ни единому моему слову. Пугает, что это снова происходит. — Детектив Джеймс подстрелил тренера... Он еще жив?

— Пуля попала в плечо. Ему предъявят обвинение, когда он придет в себя. Адам уже признался, — говорит Трев, сжав челюсть. — Сломался в ту же секунду, как его начали допрашивать. Ты была права: он убил Мину и подкинул таблетки, чтобы все решили, что это твоя вина. Тренер Роб утверждает, что и знать не знал о делах Адама. Он потребовал адвоката. Ни слова не сказал про Джеки. Да это и не важно. У них достаточно улик, чтобы удержать его надолго. Их обоих. — Удовлетворение в его голосе буквально осязаемо.

— Адам видел ее. Когда ему было четырнадцать. Он видел, как в тот день Джеки садилась в машину тренера. И никому не сказал ни слова. Боже... Кайл. — Поднимаю взгляд на Трева. — Адам его лучший друг... был. Как он?

Трев качает головой.

— Шокирован. Весь город в таком состоянии. Наверное, каждую девчонку, игравшую в футбольной команде, сейчас спрашивают родители на тему тренера и того, приставал ли он к ним. Ему повезло, что он сейчас под стражей; в городе он не продержался бы и дня.

Меня пробирает дрожь от мысли, кого еще из девочек он «любил». Кому повезло не забеременеть.

— Мама постоянно спрашивает, как так может быть, — говорит Трев. — Как никто не замечал, что между ним и Джеки что-то было, а я даже не знаю, что ей ответить. — Он смотрит на меня с такой болью во взгляде, что приходится отвести глаза. — После смерти Мины он прислал нам корзинку гребаных фруктов, Софи. Помню, как от маминого имени писал записку с благодарностью.

Сглатываю в надежде, что пройдет тошнота. Но от этого только становится более глотке.

— Ублюдох, — ругаюсь я. По глазам вижу, что в Треве кипит та же ярость. Но никакими словами не выразить наши с ним чувства. Не уверена, что хочу вспоминать, как очистился разум в тот момент, когда сдавливала горло Адама, препятствуя доступу кислорода.

Тюрьмы достаточно. Пусть оба сгниют там.

Повторяю свои слова, будто убеждая саму себя, что это справедливое наказание за их преступления.

Но это не так.

И этого никогда не будет достаточно.

Но нам придется жить со своей потерей. Строить вокруг нее наши жизни.

Трев крепче сжимает мою ладонь, и я даже не пытаюсь ее вырывать. Что этот мир может нам дать? Больше никаких прятков. Мины нет, зато есть он и я — мы; наше прошлое и будущее.

И это пугает больше всего.

— Что там Мэтт? — интересуюсь я. Чувствую себя ужасно после того, как нагрубилась ему у церкви. На его месте, узнав, что моя семья — убийцы, я бы уже подумывала о передозе.

— Пытался до него дозвониться, но абонент не абонент. Отключил телефон из-за репортеров, скорее всего. Как мы после... — Он замолкает, когда раздается стук в дверь палаты и входит мама.

— Солнышко, — говорит она, увидев, что я не сплю. Трев отпускает мою руку и встает. — Нет, все в порядке, Трев. Можешь оставаться сколько хочешь.

— Да нет, я пойду. Надо еще Рейчел и Кайлу сообщить, что Софи очнулась, — отзывается он. — И с мамой созвониться. До свидания.

Мама присаживается на койку рядышком со мной. Глаза у нее покрасневшие.

— Хорошо, что ты пришла в себя. Папа ненадолго отъехал домой. Сказал, ты захочешь свои штаны для йоги, когда очнешься. Как себя чувствуешь?

— Устала. И все болит.

— Я запретила давать тебе какие-либо опиаты. Мне жаль, малыш, хотела бы я...

— Нет, — перебиваю ее. — Спасибо тебе. Мне они не нужны.

Она обеими руками держит мою ладонь и произносит:

— Хотела бы я облегчить твои страдания.

— Все хорошо. Я в порядке. Все наладится. Этот ужас закончился.

Мне нужно было сказать вслух эти слова. Позволить им улечься в сознании, но пока еще слишком рано.

Вскоре медсестра отпускает маму и выключает свет, наказывая мне отдыхать. У меня три сломанных ребра, синяки на шее и многочисленные швы на животе и лице, от которых я ощущаю себя чудовищем Франкенштейна. К счастью, большая часть ран поверхностны. Но даже от них адская боль, когда не принимаешь обезболивающих сильнее аспирина.

Не могу уснуть. Все раны ноют, а еще боюсь того, что может привидеться во сне. Боюсь, закрыв глаза, снова оказаться в той машине, в смертельной хватке тренера, на Букер Поинте.

Прижимаюсь пальцами к ранам на запястье, оставшимся после пластиковой затяжки.

Могу лишь думать о Мине и непомерно желать, чтобы она была рядом, потому что только так я могла бы поверить, что сейчас она смотрит на меня и радуется тому, как мы обо всем догадались и восстановили справедливость.

Но все же не могу я в такое верить. Меня обуревают чувства: смутное облегчение, приглушенное из-за потрясения, и непривычное отсутствие тумана в голове.

Теперь только я держу чудовищ в страхе: у меня нет задания, нет цели, ничего. Память о Мине еще долго будет меня подпитывать. Пугает, насколько легко взяться за старое, снова упасть в яму, из которой я с таким трудом выбиралась.

Десять месяцев. Одна неделя.

Хочу услышать тетю Мейси. Берусь за телефон, оставленный родителями, и дрожащими руками набираю ее номер.

— Я уже еду, — взяв трубку, произносит она. — Буду через пару часов.

Судорожно выдыхаю и произношу:

— Все закончилось.

— Да, закончилось. Напомни поругать тебя за то, что подвергла себя такой опасности, — грозит она, но облегчение в голосе перекрывает всю напускную злобность. — Не бери в привычку быть на волосок от смерти. Это не круто.

— Наверное, унаследовала это от тебя, — пытаюсь пошутить.

Мейси нервно посмеивается.

— Черт, надеюсь, что нет.

Долгое время я молчу и слушаю приглушенное радио в машине Мейси, временами прерываемое сигналами проезжающих мимо грузовиков. Она едет по шоссе. Ко мне. И даже просто эти звуки успокаивают меня как ничто другое.

— Мне страшно, — прерываю свое молчание.

— Я понимаю, малыш, — говорит она, повышая голос, чтобы перекрыть дорожный шум. — Но ты храбрая и сильная.

— Я хочу... — Замолкаю. — Хочу, чтобы все прекратилось, — признаюсь ей. Слова что-то царапают внутри, вводят в ступор, требуя отбросить все беспокойства о том, что ждет в будущем, требуя избегать всех трудных решений, которые придется принять.

— Тебе ведь ничего не дают?

— Нет, мама им запретила. И я не хочу.

— Разумно.

Мы снова молчим, и в конце концов я засыпаю с прижатым у уху телефоном.

Около двух часов ночи меня будит щелчок закрывшейся двери. Я сажусь, ожидая увидеть медсестру, но это оказывается Кайл.

— Ты что здесь делаешь? — вопрошаю я.

— Очаровал медсестру, чтобы пустила меня. — Кинув мне на колени несколько упаковок конфет, Кайл садится у изножья кровати. — Совершил набег на торговый автомат.

Выглядит он так же паршиво, как я себя чувствую. Старательно отводя припухшие и покрасневшие глаза, он протягивает мне лакричную палочку.

Сев ровнее, разрываю упаковку и отламываю кусочек.

— Не знаю, что и сказать, — произношу в тишине.

Кайл едва ли не по-детски хнычет сейчас.

— Как себя чувствуешь? Я не должен был отпускать тебя одну. Ты просто исчезла в одну секунду, и мы не могли отыскать тебя.

— Поправлюсь. В этом нет твоей вины. Я даже не думала на Адама. И попала прямиком в ловушку.

— Это какая-то жопа, Соф, — хрипло говорит он. Проводит рукой по спутанным волосам. — Он был моим лучшим другом. Мы играли в одной футбольной команде с шести лет. И он... забрал ее у меня.

Кайл сглатывает, открываю упаковку M&M's. Начинает разбирать драже по цвету, полностью сосредоточившись на своей задаче.

— Ненавижу его, — говорю я. Как же приятно произносить это вслух. Под кожу просачивается факт, что теперь я все *знаю*.

— Хочу убить его, — бормочет Кайл, поправляя аккуратную горку зеленых драже и переходя к синим.

— Я пыталась, — тихо признаюсь.

Замерев, Кайл поворачивает ко мне голову, его карие глаза полны решимости.

— Хорошо, — говорит он, слово эхом разносится по комнате. И мне почему-то становится легче дышать.

— Я рад, что ты не померла, — говорит Кайл.

— Я тоже. — И это правда. Хотя странно такое признавать.

Меняю положение и морщусь, когда от движения начинают ныть ребра.

Кайл пялится на капельницу, словно она подскажет ему, как поступить.

— Позвать медсестру?

Качаю головой.

— Они все равно ничего не смогут сделать. Никаких обезболивающих, забыл? Да я и так не хочу спать. Я справлюсь.

Даже для меня самой эти слова кажутся уверенными. Но мне известна правда: впереди месяцы терапии и бесконечные разговоры с Дэвидом. Меня ждут ночные кошмары и срывы. Ждут дни, когда я буду подпрыгивать от малейшего шороха, и дни, когда желание принять будет настолько сильным, почти осязаемым, и дни, когда захочется лишь кричать и плакать. Что Дэвид будет у меня на быстром наборе, и это отстойно и неприятно, но, надеюсь, в конце темного туннеля окажется свет, ведь так обычно и бывает.

— Прости, что дерьмово повел себя с тобой, — произносит Кайл.

Беру из горки красное драже.

— И ты прости меня, — все же признаю я.

Впервые с того момента, как ступил в эту комнату, он поднимает взгляд, выражение его лица серьезное и оценивающее. Во рту пересыхает.

— Что? — Часть меня надеется, что он отведет взгляд.

Но он не отводит.

— Знаю, я обещал, что не буду поднимать эту тему. Что она рассказала мне о себе, о вас. Но в этот раз я нарушу обещание. — Он смотрит на меня, и в его взгляде появляется мягкость, которой я никогда не замечала.

— Она любила тебя, — продолжает он. — И не думаю, что ей нужно было это говорить.

Сердце замирает, грозя вырваться из груди, трепещет от слов, которые я всегда хотела услышать. Качаю головой. По щекам стекают слезы.

— Она любила тебя. Она хотела быть с тобой. Поэтому и рассказала мне о себе. Она сказала, что сделала выбор. Это ты. Она всегда выбирала тебя.

Отворачиваюсь от него, слепо глядя на городские огни, а он утешает своим молчанием, давая мне возможность выплакаться.

Позволяя наконец отпустить ее.

ПОЛТОРА ГОДА НАЗАД (ШЕСТНАДЦАТЬ ЛЕТ)

— Берегись! — Мина прыгает в лужу. Грязная вода забрызгивает мне всю спину.

— Господи Боже! — кричу я, крутясь волчком. — Поверить не могу, что ты это сделала.

Она широко улыбается, глядя через плечо, дождь капает ей на лоб. Зонтик она оставила на тротуаре, а сама стоит теперь посреди огромной лужи. Когда она подставляет лицо дождю и распахивает рот, внутри меня что-то обрывается.

— Иди сюда. Поиграй со мной.

— Ты иногда прям капризный ребеночек. — Она начинает дуться, но я ухмыляюсь и, пробираясь к ней, брызгаюсь водой. В самой глубокой части лужи вода достигает лодыжек. Мы поскальзываемся на грязи, брызгаясь и смеясь. Кидаемся грязью, как семилетки. Втираю комок ей в волосы, а она резво скачет вокруг меня.

Ради разнообразия, она падает первой, задницей прямо в грязюку, и, вместо того чтобы подняться, хватая меня за руку и осторожно тянет за собой. Только мы вдвоем, в грязи, под дождем, бок о бок, словно иначе и быть не может.

Мина радостно вздыхает, удерживая мою руку в своей. Кладет голову мне на плечо.

— Чокнутая. Еще пневмонию подхватим.

Прижимаясь ближе, она сжимает мою ладонь.

— Признай это. Ты и рада оказаться здесь со мной.

Прикрываю глаза, дождь капает мне на лицо, я ощущаю ее вес на себе, ее тепло проникает мне под кожу.

— Подловила.

(СЕЙЧАС) ИЮЛЬ

— Как самочувствие? — интересуется Дэвид.

Прикусываю губу.

— Нормальное.

— Помнишь, о чем мы договаривались? Прошло шесть сеансов. Пора, Софи.

— Может, просто поговорим о лесах?

— Именно потому, что ты скорее предпочтешь снова обсудить нападение, нежели ваши отношения с Миной, нам и нужно начать о ней говорить. Нет ничего страшного в том, чтобы начать с малого.

— Я... — замолкаю, потому что понятия не имею, чем закончить предложение, и вместо этого говорю: — Не могу прийти к ней на могилу, — потому что эта мысль пробуждает меня по ночам, вырывая из кошмаров, где я снова прячусь в лесу. — Я думала, что смогу. Навестить ее, вот я про что. Думала, что после того, как поймают ее убийцу — *если* поймают — станет легче. Как награда, что ли. Знаю, это тупо. Но так мне казалось.

Дэвид в раздумьях откидывается в кресле.

— Мне не кажется это глупым, — произносит он. — Почему ты решила, что тебе будет нелегко увидеть могилу Мины?

— Я просто... Скучаю... — Изю всех стараюсь держать себя в руках, но здесь я в безопасности, и мне придется сказать. Эти слова должны где-то существовать, потому что их никогда не произносили в нужное время и в нужном месте.

— Мы любили друг друга. Мина и я. Мы любили друг друга.

Обнимаю себя за плечи. Встречаюсь с ним взглядом, и одобрение, которое вижу в его глазах, развязывает узел в груди.

— Наверное, поэтому так нелегко, — заканчиваю я.

АВГУСТ

Солнце освещает клумбы с цветами. Когда папа выходит из дома на веранду, я сижу в кресле-лежанке. Снимая очки, поворачиваю к нему голову.

После нападения папа взял несколько недель отпуска. И даже сейчас ночь за ночью я слышу ритмичный стук баскетбольного мяча об асфальт подъездной площадки, когда он кидает его в кольцо у гаража, пока весь остальной мир спит. Иногда я сижу у кухонного окна и наблюдаю за ним.

Сейчас он присаживается на соседнее кресло и откашливается.

— Солнышко, мне нужно кое-что тебе сказать.

— Что-то случилось? — Я выпрямляюсь от вида того, что его губы сжались в тонкую линию.

— Мне сейчас позвонили. Бригада криминалистов нашла тело Джеки на земельном участке Роба Хилла. — Он потирает подбородок, теперь почти полностью покрытый сединой. Он мало спит, как и я. И оба выглядим соответствующе.

— Ох. — Не знаю, что и добавить. Так странно, но хорошо, что наконец нашли тело

Джеки, потому что я не могу перестать думать об Эми. Ужасно ничего не знать. И не иметь могилы, на которую можно было бы приходить.

— Так что, это все? — спрашиваю. — Их посадят навсегда?

— Такие доказательства будет сложно проигнорировать в суде.

Забираюсь с ногами на кресло, обнимаю коленки, не обращая внимания на то, как согнута больная нога. Иногда мне это нужно, нужно вот так свернуться, уйти в себя, когда думаю о тренере. Когда вспоминаю, как пряталась за валуном и ждала, когда он найдет меня. И убьет.

— Солнышко... — начинает папа, но больше ничего не говорит и просто смотрит на меня.

Я жду.

— Ты... ничего не хочешь сказать? — наконец спрашивает он.

Раздумываю об этом пару секунд. Рассказать ему. Обо всем. Обо мне и Мине. Обо мне и Треве. О том клубке, в который сама себя запутала — никакого выхода, кроме наркотиков, и так долгое время. Часть меня хочет этого — рассказать. Но другая часть хочет сохранить секрет, лелеять его внутри еще немного.

— Не сейчас.

Он кивает, принимая отказ, и уже почти встает, как я хватаю его за руку. Выталкиваю слова из себя — вот оно, новое начало.

— Папочка, однажды я тебе все расскажу. Обещаю.

Он сжимает мою руку и улыбается, и печали в глазах становится меньше.

Несколько недель спустя я в одиночестве стою у ворот кладбища. Издалека наблюдаю, как хоронят Джеки, не находя в себе сил подойти ближе. Могилу окружают скорбящие. От толпы отделяется девушка.

Эми ничего не говорит. Она спускается с холма и подходит к ограде так близко, чтобы я все увидела. Она прижимает руку к сердцу и кивает. Молчаливое спасибо.

Я киваю в ответ.

СЕНТЯБРЬ

— Пожалуйста, скажи мне, что твоя мама перестала из-за этого злиться, — просит Рейчел, окуная картошку-фри в соус. Несколько капель летят на лист с пробным тестом, который она проверяет.

— Они оба не слишком рады. — Я порвала салфетку на мелкие кусочки, и теперь они летают по столу, когда Рейчел переворачивает страницу. — Возможно, согласиться их заставила разыгранная карта «На меня напал психопат».

— Заслуженно, — отмечает Рейчел. — Уточнение — второй раз за год.

Я ухмыляюсь и наклоняюсь через стол, пытаюсь посмотреть, что она там пишет.

— И как у меня дела?

Она записывает результат в верхней части листа и обводит его большим красным сердечком.

— Девяносто пять. Поздравляю. Будь это настоящий тест, аттестат в твоих руках.

— Надеюсь, с настоящим я тоже справлюсь.

— О-о, кое-кто скоро отсюда свалит.

Пожимаю плечами.

— Я просто... переросла школу, понимаешь? Готова двигаться дальше и все такое. Мне нравится Портленд. Мне нравится жить с Мейси. Повезло, что она согласилась принять меня.

— Что ж, буду по тебе скучать. Но да, я тебя понимаю. Плюс у меня появился повод посетить Портленд. Люблю розы.

— Обязательно сходим в Ботанический сад, — обещаю я. — И я буду приезжать на суды.

Не горю желанием давать показания, но знаю, что должна. Они обязаны заплатить за все, что сделали с Миной и Джеки.

Потираю колено. Когда Мэтт пришел ко мне через несколько недель после случившегося, я попыталась извиниться перед ним. Но он едва мог посмотреть мне в глаза, и в итоге мы оба разревелись. Я уговорила его подождать Трева, чтобы тот отвез его домой, и до его приезда Мэтт сжимал значок трезвости и мою руку, словно спасательный круг.

Впереди долгая дорога. Бесконечная, ведь невозможно пережить потерю близкого человека. Полностью — нет. Не тогда, когда она была частью тебя. Не тогда, когда любовь к ней сломала тебя и полностью изменила.

Меня пугает эта долгая дорога, как и Мэтта. Долгие месяцы тяга к наркотикам была погребена под одержимостью найти убийцу Мины. Теперь же мне нужно оставаться сильной ради себя самой.

— Перемены к лучшему.

— Согласна.

ОКТЯБРЬ

С мамой мы едва разговариваем — но так было и раньше, поэтому особой разницы нет. Порой мы вместе сидим на кухне, она работает с документами, я — листаю каталоги в поисках растений, которые переживут портлендскую погоду. Но всегда в тишине, прерываемой лишь шорохом страниц и скрипом ручки по бумаге.

Одним вечером она складывает руки на дипломате и ждет, пока я не подниму взгляд, и с небольшим ужасом я понимаю, что она готова к разговору.

— Мне следовало прислушаться к тебе, когда ты сказала, что больше не принимаешь. — Похоже, репетировала перед зеркалом, чтобы слова звучали верно, будто это речь, а не признание.

Я долго молчу. Тяжело даже думать о том, как ей ответить. Словами не изменить ее поступок; не стереть все месяцы, что я провела в Центре, скорбя в одиночестве. Такое ничем не стереть, как бы несправедливо это ни было. Она так поступила лишь потому, что пыталась спасти меня.

Она всегда будет пытаться меня уберечь.

И именно поэтому мне больше всего хочется попросить прощения.

— Я понимаю. Правда. Я врала и все скрывала, и... была плохой дочерью, и я сожалею...

— Малыш. — На мамином лице, всегда бесстрастном, из ниоткуда появляются тревожные морщинки. — Ты через многое прошла.

— Это не оправдание. Такому нет оправданий. Тебе подтвердит каждый психотерапевт, к которому ты меня отправляла. Я наркоманка. И останусь ею навсегда. Как и останусь

навсегда калекой. И ты никогда с этим не могла смириться. А я смирилась. Мне понадобилось на это немало времени, но все же. Постарайся и ты.

— Я принимаю тебя такой, какая ты есть, Софи, — говорит она. — Правда. Люблю тебя люблю. Люблю тебя, несмотря ни на что.

Мне хочется ей поверить.

Мама берет мою ладонь и наклоняет ее так, что кольца — мое и Мины — мерцают, отражая свет. Не прикасается к ним, видимо, понимает, что не стоит, и я благодарна за этот небольшой жест. За мягкие гибкие пальцы, приносящие утешение.

— Мина приходила, пока ты была в Орегоне. Обычно я замечала ее в домике на дереве. Или в твоей спальне, делающей домашние задания. Иногда мы перебрасывались словами. Она боялась, ты не простишь ей то, что она рассказала нам о наркотиках. Я убеждала ее, чтобы она не волновалась. Что ты их тех людей, которые не позволят преградам встать на пути любви. Любви к ней.

Поднимаю на нее взгляд. Меня удивляет тепло в ее глазах, почти одобрение. Мама улыбается и прижимается ко мне щекой.

— Это нормально, Софи, — мягко говорит она. — Любить так сильно. Так мы становимся храбрее.

Крепко сжимаю ее ладонь и выбираю верить.

НОЯБРЬ

— Уверена, что хочешь этого?

Смотрю на черный блокнот в своих руках. Когда Трев принес ее дневник, найденный полицией при повторном обыске их дома, мне не хотелось даже прикасаться к нему. Едва могла держать его у себя. Поэтому через неделю мы поехали к озеру, развели костер и стали ждать наступления ночи, откладывая неизбежное.

— Хочешь прочесть его? — спрашиваю у Трева.

Он качает головой.

Провожу пальцами по гладкой черной обложке, неровному переплету, краям страниц. Словно прикасаешься к ней, ее сердце, дыхание и кровь в фиолетовых чернилах и кремовой бумаге.

Я могла бы прочитать. Наконец узнать ее за всеми оболочками и тайнами.

Часть меня хочет этого. Хочет узнать. Быть уверенной.

Но больше всего на свете мне хочется сохранить свою память о ней незапятнанной, не отполированной смертью и не разодранной на части словами, предназначенными лишь для нее одной. Хочется, чтобы она осталась со мной собой прежней: сильной и уверенной во всем кроме того, что было действительно важным, до прекрасного жестокой и удивительно прекрасной, слишком умной и дотошной, и любящей меня настолько, словно никогда не хотела верить, что это грех.

Кидаю дневник в огонь. Страницы сворачиваются и темнеют, слова исчезают в дыму.

Пока не угасает пламя, мы стоим в молчании. Соприкасаемся плечами, а ветер уносит с собой ее последние тайны.

Трев нарушает тишину:

— Рейчел сказала, что ты сдала все тесты. Значит, вернешься в Портленд?

— Да. Сразу после дня рождения.

— Уже знаешь, чем займешься?

— Нет, — говорю я, и это так замечательно — не бояться чего-то не знать. Не держать в голове список подозреваемых. Не думать о том, что будет дальше, только пустая дорога и маленький домишко с комнатой для йоги и садиком на заднем дворе. — Колледж, наверное, со временем. Но, думаю, возьму годик отдыха, устроюсь на работу, подведу итоги.

Он криво улыбается. Его глаза блестят.

— Что такое? — интересуюсь я.

— Такой ты бы ей понравилась, — отвечает он.

Не думаю, что когда-нибудь станет легче об этом думать. Обо всех шансах, которые мы упустили. О начале, середине и конце, которого уже не будет. Возможно, мы сразу же разошлись бы, ее пересилил бы этот вечный страх. Возможно, все закончилось бы вместе с учебой в школе после ссор, слез и обидных слов, выпаленных в запале. Возможно, мы продержались бы в колледже, чтобы после молча разойтись. Возможно, мы были бы вместе всегда.

— Ты могла бы остаться, — опустив взгляд, произносит он. — Я построил бы теплицу, которую ты всегда хотела.

В уголках губ дрожит улыбка.

— Ты же знаешь, что я тебя люблю? — спрашиваю его. — Потому что так и есть, Трев. Я правда тебя люблю.

— Знаю. Только... не так, как мне хотелось бы.

— Мне жаль.

Вот в чем истина. В другой вселенной, где судьба не сбивала бы меня с протоптанного пути, я бы любила его так, как он того заслуживает. Однако жизнь нанесла коррективы моему сердцу. В нем воцарился хаос из желаний и потребностей, парней и девушек: пропастью, над гранью которой я зависла. И с каждым своим ударом вены пульсируют ее именем. Ее, не его.

Наш поцелуй — легкое касание губ — больше похож на прощание.

ДЕСЯТЬ ЛЕТ НАЗАД (СЕМЬ ЛЕТ)

Первый день второго класса. Во время ланча я сижу за столиком с Эмбер и Кайлом и тут в дальнем углу площадки замечаю одиноко сидящую новенькую девочку в фиолетовом платье. Миссис Дербин посадила ее рядом со мной, но за весь день девочка не сказала ни словечка. И даже когда ее вызывали, она не поднимала головы.

Кажется, ей все так же грустно, поэтому я собираю остатки обеда и направляюсь к ней.

— Я в порядке, — говорит она, едва я подхожу к ее столику.

Лицо у нее мокрое. Она вытирает щеку ладошкой и смотрит на меня.

— Я Софи, — заявляю я. — Можно сесть с тобой?

— Наверное.

Усаживаюсь на скамейку рядом с ней.

— Ты же Мина?

Она кивает.

— Ты новенькая.

— Мы только переехали, — говорит Мина. — Мой папочка теперь на небесах.

— Ой. — Кусаю губу, не зная, что и сказать. — Прости.

— Тебе нравятся лошади? — показывая на мой оклеенный наклейками контейнер для обеда, интересуется Мина.

— Ага! Дедуля катает меня, когда я к нему приезжаю.

Мина кажется впечатленной.

— Мой брат Трев говорит, что когда даешь им сахар, они иногда кусаются.

Я хихикаю.

— У них очень большие зубы. Но я даю им морковки. Надо очень ровно держать ладошку. — Подняв руку, показываю ей как. — Тогда они не укусят.

Мина повторяет за мной, и мы стучаемся кончиками пальцев. Она поднимает голову и улыбается.

— А у тебя есть братья? Или сестры? — спрашивает она.

— Нет, я единственный ребенок.

Она морщит носик.

— Мне бы не понравилось. Трев — лучший.

— Софи! — Эмбер машет мне. Скоро зазвонит звонок.

Я вскакиваю. И от того, что она плакала и теперь выглядит слегка потерянной, я снова протягиваю Мине руку.

— Пошли со мной?

Она улыбается и берет мою ладонь.

И мы шагнули вперед в наши жизни, даже не подозревая, что все закончится, едва начавшись.

На закате своего восемнадцатого дня рождения я еду на кладбище. Не сразу нахожу ее; плутаю по мокрой траве между надгробиями и статуями ангелов.

В темном закоулке вижу простой серый мрамор с выгравированными на нем белыми буквами:

*Мина Элизабет Бишоп
Любимая дочь и сестра*

Хотелось бы мне, чтобы все было как в фильмах. Что я просто протяну руку, проведу по буквам ее имени и обрету покой. Хотелось бы мне поговорить с куском мрамора, найти успокоение в том, что ее тело двумя метрами ниже под землей, поверить, что ее дух наблюдает сверху.

Но я не такая. И никогда не была. Ни до, ни после, ни сейчас. Я проживу с этим знанием — простым даром самой себе, спокойным принятием того, кем стала.

Опускаюсь на колени рядом с ней и вытаскиваю из сумки гирлянду на солнечных батарейках. Украшаю ею надгробный камень, протягиваю на обе стороны.

Остаюсь сидеть до темноты, наблюдая, как начинают мерцать огоньки. Рука покоится на земле, как мне кажется, прямо над ней. Когда встаю, пальцы вытягивают травинки.

Ни разу не оглянувшись, возвращаюсь к машине.

Ночник Мины выдержит испытание временем. Из года в год Трев будет менять лампочки, когда они потускнеют. И я знаю, что однажды, когда я все же вернусь домой, они осветят мне путь.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

notes

Комплекс упражнений, которые используются в йоге в качестве разминки.

Норман Роквелл — американский художник и иллюстратор. Его работы пользуются популярностью в Соединённых Штатах, на протяжении четырёх десятилетий он иллюстрировал обложки журнала The Saturday Evening Post.

Тонкие полоски вяленого мяса, высушенного в специальных условиях; происходит из кухни североамериканских индейцев.

В США нет привычного нам «1 сентября» и учебный год в основном начинается за 1–2 недели до конца августа.

Отсылка к спортивной кричалке.